

ISSN 2073-6398

ВЕСТНИК РГГУ

Серия

«Психология. Педагогика. Образование»

Научный журнал

RSUH/RGGU BULLETIN

“Psychology. Pedagogics. Education”

Series

Academic Journal

Основан в 1996 г.
Founded in 1996

4
2024

VESTNIK RGGU. Seriya "Psihologiya. Pedagogika. Obrazovanie"

RSUH/RGGU BULLETIN. "Psychology. Pedagogics. Education" Series
Academic Journal

There are 4 issues of printed version of the journal a year

Founder and Publisher: Russian State University for the Humanities (RSUH)

RSUH/RGGU BULLETIN. "Psychology. Pedagogics. Education" Series is included in the Russian Science Citation Index; in the List of State Commission for Academic Degrees and Titles of peer-reviewed scientific publications, in which the essential research findings of dissertations for the Ph.D. and Dr. degrees in the following scientific specialties and the corresponding branches of science are to be published:

- 5.3.1. General psychology, Personality psychology, History of psychology
(Psychological sciences)
- 5.3.5. Social psychology, Political and economic psychology (Psychological sciences)
- 5.3.6. Medical psychology (Psychological sciences)
- 5.3.7. Age psychology (Psychological sciences)
- 5.8.1. General pedagogy, History of pedagogy and education (Education sciences)
- 5.8.2. Theory and methods of training and education (area and level related)
(Education sciences)

The purpose and subject of the journal. The RSUH/RGGU Bulletin. "Psychology. Pedagogics. Education" publishes original articles on various areas of modern scientific knowledge. The mission of the journal is to present interdisciplinary research on current issues in the theory, methodology and practice of psychological science, pedagogy and education. Publication and access to articles are free. Articles submitted to the editorial office undergo two-way anonymous reviewing. Journal sections: theoretical research, empirical research, methodological tools, works of young scientists. The journal publishes papers in Russian and English.

The journal is registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technologies and Mass Media. The registration certificate is PI No. FS77-61884 of May 25, 2015. The latest changes were made in connection with the name change, renaming of the founder, clarification of the subject – registration number FS77-73401 of August 3, 2018.

Editorial staff office: bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125047

Tel.: +7 (495) 250-71-31

E-mail: dep_ksp@rggu.ru

ВЕСТНИК РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование»

Научный журнал

Учредитель и издатель – Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ)

ВЕСТНИК РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование» включен в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ); в Перечень ВАК рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по следующим научным специальностям и соответствующим им отраслям науки:

- 5.3.1. Общая психология, психология личности, история психологии (психологические науки)
- 5.3.5. Социальная психология, политическая и экономическая психология (психологические науки)
- 5.3.6. Медицинская психология (психологические науки)
- 5.3.7. Возрастная психология (психологические науки)
- 5.8.1. Общая педагогика, история педагогики и образования (педагогические науки)
- 5.8.2. Теория и методика обучения и воспитания (по областям и уровням образования) (педагогические науки)

Цель и тематика журнала. Вестник РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование» печатает оригинальные статьи по различным направлениям современного научного знания. Миссия журнала заключается в представлении междисциплинарных исследований по актуальным проблемам теории, методологии и практики психологической науки, педагогики и образования. Публикация и доступ к статьям бесплатные. Статьи, поступающие в редакцию, проходят двустороннее анонимное рецензирование. Рубрики журнала: теоретические исследования, эмпирические исследования, методический инструментарий, работы молодых ученых. Язык журнала: русский и английский.

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций, свидетельство о регистрации ПИ No ФС77-61884 от 25.05.2015 г. В запись о регистрации СМИ внесены изменения в связи с изменением названия, переименованием учредителя, уточнением тематики – регистрационный номер ПИ No ФС77-73401 от 03.08.2018 г.

Адрес редакции: 125047, Москва, Миусская пл., 6; Тел.: +7 (495) 250-71-31

Электронный адрес: dep_ksp@rggu.ru

Founder and Publisher

Russian State University for the Humanities (RSUH)

Editor-in-chief

D.A. Khoroshilov, Dr. of Sci. (Psychology), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

Editorial Board

T. Varis, Doctor of social sciences, professor, University of Tampere, Tampere, Finland (*by agreement*)

I.I. Vorontsova, Cand. of Sci. (Philology), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

O.V. Gavrichenko, Cand. of Sci. (Psychology), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*release officer*)

L.A. Grigorovich, Dr. of Sci. (Psychology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

V.V. Guldán, Dr. of Sci. (Psychology), professor, Central Clinical Psychiatric Hospital named after F.A. Usoltsev, Moscow, Russian Federation (*by agreement*)

S. Duggan, Vice president of Terawe Corporation, Member of UNESCO IITE Governing Board, Dublin, Ireland (*by agreement*)

T.P. Emelyanova, Dr. of Sci. (Psychology), professor, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation (*by agreement*)

G.G. Kravtsov, Dr. of Sci. (Psychology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

E.E. Kriger, Dr. of Sci. (Psychology), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

R.R. Lamprecht, Dr. of Sci. (Philology), professor, University of Potsdam, Potsdam, Federal Republic of Germany (*by agreement*)

A.S. Nelubina, Cand. of Sci. (Psychology), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

M.M. Mishina, Dr. of Sci. (Psychology), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

V.R. Orestova, Dr. of Sci. (Psychology), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*deputy editor*)

T.V. Ryabova, Cand. of Sci. (Psychology), Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

M.O. Soboleva, Cand. of Sci. (Psychology), Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

- I.V. Solodnikova*, Dr. of Sci. (Psychology), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- A.Sh. Tkhostov*, Dr. of Sci. (Psychology), professor, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation (*by agreement*)
- L.A. Khalilova*, Cand. of Sci. (Philology), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- D.J. Hwang*, Ph.D., professor, Suangkyunkwan University, Seoul, Republic of Korea (*by agreement*)
- A.B. Kholmogorova*, Dr. of Sci. (Psychology), professor, Moscow State University of Psychology and Education, Russian Federation (*by agreement*)
- K.I. Chizhova*, Cand. of Sci. (Pedagogics), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- V.K. Schabelnikov*, Dr. of Sci. (Psychology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

Executive editors

- O.V. Gavrichenko*, Cand. of Sci. (Psychology), associate professor, RSUH

Учредитель и издатель

Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ)

Главный редактор

Д.А. Хорошилов, доктор психологических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Редакционная коллегия

Т. Варис, доктор социальных наук, профессор, Университет Тампере, Тампере, Финляндия (*по согласованию*)

И.И. Воронцова, кандидат филологических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

О.В. Гавриченко, кандидат психологических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*ответственный секретарь*)

Л.А. Григорович, доктор психологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

В.В. Гульдан, доктор психологических наук, профессор, Центральная клиническая психиатрическая больница (ЦКПБ) имени Ф.А. Усольцева, Москва, Российская Федерация (*по согласованию*)

С. Дагган, вице-президент корпорации “Teagawe”, член совета управляющих ИИТО ЮНЕСКО, Дублин, Ирландия (*по согласованию*)

Т.П. Емельянова, доктор психологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*по согласованию*)

Г.Г. Кравцов, доктор психологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Е.Э. Кригер, доктор психологических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Р.Р. Ламптрехт, доктор филологических наук, профессор, Потсдамский университет, Потсдам, Федеративная Республика Германия (*по согласованию*)

А.С. Нелюбина, кандидат психологических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

М.М. Мишина, доктор психологических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

- В.Р. Орестова*, доктор психологических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*заместитель главного редактора*)
- Т.В. Рябова*, кандидат психологических наук, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- М.О. Соболева*, кандидат психологических наук, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- И.В. Солод니кова*, доктор социологических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- А.Ш. Тхостов*, доктор психологических наук, профессор, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (МГУ имени М.В. Ломоносова), Москва, Российская Федерация (*по согласованию*)
- Л.А. Халилова*, кандидат филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- Д.Д. Хван*, Ph.D., профессор, Университет Суангюнкван, Сеул, Республика Корея (*по согласованию*)
- А.Б. Холмогорова*, доктор психологических наук, профессор, Московский государственный психолого-педагогический университет (МПППУ), Москва, Российская Федерация (*по согласованию*)
- К.И. Чижова*, кандидат педагогических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- В.К. Шабельников*, доктор психологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Ответственные за выпуск

О.В. Гавриченко, кандидат психологических наук, доцент, РГГУ

CONTENTS

Theoretical research

- Aida M. Ailamazyan*
On the psychological meaning, functions and genesis
of expressive movement 10

Empirical research

- Anastasiya A. Dekhtiarenko, Elena I. Shliagina*
Age specifics of implicit understanding of subjective well-being
and uncertainty situation 39

- Oksana V. Gavrichenko, Nadezhda B. Kim*
Manifestations of perfectionism, self-conception and personality traits
in the digital space 60

- Maria O. Soboleva, Irina A. Kondratieva*
The relationship between psychological well-being and cognitive
regulation of emotions in codependent individuals attending
self-help groups 83

- Marina M. Mishina, Dmitry A. Kolyakov*
Ethnic identity in the structure of self-awareness
of humanities students 98

- Irina V. Polyakova*
Cognitive and emotional components of foreign language acquisition.
Linguistic and non-linguistic direction of training 112

- Oksana V. Baskaeva*
The value system of generation Z and its relation to the locus of control 130

Methodological tools

- Anna S. Nelyubina, Arseniy A. Razlutsky, Aleksandr Sh. Tkhostov,
David V. Nebieridze, Nadir M. Akhmejanov*
Russian-language adaptation of the HK-LS health literacy scale
for patients suffering from arterial hypertension 148

СОДЕРЖАНИЕ

Теоретические исследования

- Аида М. Айламазьян*
О психологическом значении, функциях и генезе
выразительного движения 10

Эмпирические исследования

- Анастасия А. Дехтяренко, Елена И. Шлягина*
Возрастная специфика имплицитного понимания субъективного
благополучия и ситуации неопределенности 39

- Оксана В. Гавриченко, Надежда Б. Ким*
Проявления перфекционизма, самоотношения и личностных черт
в цифровом пространстве 60

- Мария О. Соболева, Ирина А. Кондратьева*
Связь психологического благополучия и когнитивной регуляции
эмоций у созависимых людей, посещающих группы самопомощи 83

- Марина М. Мишина, Дмитрий А. Коляков*
Этническая идентичность в структуре самосознания
студентов-гуманитариев 98

- Ирина В. Полякова*
Когнитивный и эмоциональный компоненты усвоения
иностранного языка: лингвистическая и нелингвистическая
специализация 112

- Оксана В. Баскаева*
Система ценностей поколения Z и ее связь с локусом контроля 130

Методический инструментарий

- Анна С. Нелюбина, Арсений А. Разлуцкий, Александр Ш. Тхостов,
Давид В. Небиеридзе, Надир М. Ахмеджанов*
Русскоязычная адаптация шкалы медицинской грамотности НК-LS
для пациентов, страдающих артериальной гипертензией 148

Теоретические исследования

УДК 159.9+116

DOI: 10.28995/2073-6398-2024-4-10-38

О психологическом значении, функциях и генезе выразительного движения

Аида М. Айламазьян

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
Федеральный научный центр психологических и междисциплинарных
исследований, Москва, Россия, aida@heptachor.ru*

Аннотация. В статье обсуждаются проблемы значения и роли выразительного движения в психическом развитии, в становлении личности. Рассматривается генез выразительных движений от первых проявлений эмоциональных реакций через произвольное овладение экспрессивным поведением до сложных опосредствованных видов экспрессивной деятельности. Описан процесс отделения и возможного расхождения внутренней и внешней сторон экспрессивного поведения и его значение в становлении дифференцированной и опосредствованной структуры личности. Путь эволюции экспрессивных компонентов эмоциональных реакций связан с тем, что они приобретают предвосхищающий характер, уменьшаются в своей выраженности, сокращаются в конечном итоге до зачаточных форм. Эти зачаточные действия становятся основой внутренней эмоциональной и смысловой ориентировки, составляют важную часть эмоционального образа и внутреннего психологического пространства человека. Наряду с преобразованием и сворачиванием выразительного движения в его внутреннюю форму происходит не менее важный процесс разворачивания во внешней форме психологического жеста и психологического пространства. Как правило, такое разворачивание происходит в специальных условиях, при возникновении особого состояния или режима работы психики, оно предполагает изменения и трансформации в движениях. Ставится вопрос об автокоммуникации, возникновении внутреннего диалога на основе кинесики, выразительного движения.

Ключевые слова: выразительное движение, теории выразительности, экспрессивное поведение, внутреннее и внешнее пространство, импровизация, спонтанность, кинесика, экспрессивный знак, психологический жест, танец, пляска

© Айламазьян А.М., 2024

Для цитирования: Айламазян А.М. О психологическом значении, функциях и генезе выразительного движения // Вестник РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование». 2024. № 4. С. 10–38. DOI: 10.28995/2073-6398-2024-4-10-38

On the psychological meaning, functions and genesis of expressive movement

Aida M. Ailamazyan

Lomonosov Moscow State University

*Federal Scientific Center of Psychological and Multidisciplinary
Research, Moscow, Russia, aida@heptachor.ru*

Abstract. The article addresses issues of the significance and role of expressive movement for mental development, in the formation of personality. It considers the genesis of expressive movements from the first manifestations of emotional reactions through the arbitrary acquisition of expressive behavior to complex mediated types of expressive activity. As well it describes the process of separation and possible divergence between inner and outer sides of expressive behavior and its significance in the formation of differentiated and mediated personality structure. The path of evolution of the expressive components of emotional reactions is related to the fact that they acquire an anticipatory character, decrease in their expression, and are reduced eventually to rudimentary forms. Those rudimentary actions become a basis of internal emotional and semantic orientation, make an important part of an emotional image and internal psychological space of the person. Along with the transformation and swerving of an expressive movement into its internal form, there is no less important process of unwinding in the external form of a psychological gesture and psychological space. As a rule, such unwinding takes place in special conditions, at occurrence of a special state or mode of work of the psyche, it presupposes changes and transformations in movements. The question is raised about autocommunication, the emergence of internal dialog on the basis of kinesics, expressive movement.

Keywords: expressive movement, theories of expressiveness, expressive behavior, internal and external space, improvisation, spontaneity, kinesics, expressive sign, psychological gesture, dance

For citation: Ailamazyan, A.M. (2024), “On the psychological meaning, functions and genesis of expressive movement”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Psychology. Pedagogics. Education” Series*, no. 4, pp. 10–38, DOI: 10.28995/2073-6398-2024-4-10-38

Введение: постановка проблемы

Вопрос о роли движения в развитии высших психологических функций мало рассматривается в психологии. В свое время Л.С. Выготский высказал предположение, что жест является древней основой всех высших форм поведения. И в процессе онтогенеза развитие речи также начинается с преобразования хватательного движения в указательный жест. Л.С. Выготский пишет:

Здесь изменяется функция самого движения: из движения, направленного на предмет, оно становится движением, направленным на другого человека, средством связи; хватание превращается в указание. Благодаря этому само движение редуцируется, сокращается и вырабатывается та форма указательного жеста, про которую мы в праве сказать, что это уже жест для себя [Выготский 1983, с. 144].

Л.С. Выготский также обращает внимание на то, что в регуляции общения и сферы отношений людей особая роль принадлежит выразительным движениям, которые поначалу являются проявлением непосредственных форм поведения:

Если мы обратимся к средствам социальной связи, мы узнаем, что и отношения между людьми бывают двоякого рода. Возможны непосредственные и опосредованные отношения между людьми. Неопосредованные основаны на инстинктивных формах выразительного движения и действия [Выготский 1983, с. 143].

Установление контакта происходит посредством этих форм поведения:

Вся история ранних форм социального контакта у ребенка полна примерами подобного рода, и здесь мы видим контакт, устанавливаемый посредством крика, хватания за рукав, взглядов [Выготский 1983, с. 143].

Но в дальнейшем отношения регулируются через опосредованные, знаковые формы поведения и общения.

Нельзя сказать, что эти представления, несмотря на свою известность, получили дальнейшее развитие. В основном внимание исследователей было сосредоточено на развитии вербальной речи и усвоении вербального языка и, соответственно, на опосредствовании процессов поведения и мышления вербальной речью. Мало кто задавался вопросом: а какова дальнейшая судьба жеста? Выпол-

няет ли он только функцию предшественника речи и «отмирает» или также претерпевает свое развитие и выполняет важную роль в культурном бытии личности? Попробуем утвердительно ответить на поставленный вопрос и проследить генез выразительного движения и становление высших экспрессивных форм поведения и общения.

Основная часть: анализ

Прежде всего вслед за Л.С. Выготским, А.Н. Леонтьевым и другими укажем на наличие двоякой системы отношений, в которые вступает человек с окружающим миром: с одной стороны, это отношения с предметным миром, с другой – с людьми. Как отмечает А.Н. Леонтьев,

...первоначально отношения к миру вещей и к окружающим людям слиты для ребенка между собой, но дальше происходит их раздвоение, и они образуют разные, хотя и взаимосвязанные, переходящие друг в друга линии развития [Леонтьев 1983, с. 215].

Еще более определенно высказывается Э. Кассирер, говоря о двойственном отношении человека к действительности и о двойственности его сознания. Он прямо наряду с предметной и познавательной установкой сознания выделяет экспрессивную функцию, или модус сознания. Причем последняя является первичной, отражающей отношение к живому, к субъекту, к «Ты». Предметное восприятие рассматривается как чувственное, а экспрессивное – как эмоциональное. Э. Кассирер пишет:

Ни содержательный, ни генетический анализ не дает нам право предпочесть чувственное восприятие эмоциональному. <...>

Любое непредвзятое психологическое наблюдение говорит о том, что первые переживания ребенка суть эмоциональные переживания. Восприятие «вещей» и их «качеств» вступает в свои права позже [Кассирер 1998, с. 53].

Эта двойственность переживания действительности представлена в направлении «Оно» и в направлении «Ты»:

Мир, перед которым стоит «Я», есть, в одном случае, мир вещей, а в другом – мир личностей. Мы рассматриваем мир то как совокупность пространственных объектов и воплощение в них понятия изменения во времени, то как «равный нам». Инаковость сохраняется

в обеих ситуациях, но в ней самой заметно характерное различие. «Оно» есть просто другое, aliud; «Ты» есть alter ego. Несомненно, что в зависимости от того, в каком направлении мы движемся, ощущение приобретает для нас тот или иной смысл и, соответственно, ту или иную окраску [Кассирер 1998, с. 46–47].

Примат эмоционального восприятия над предметным присутствует и в развитых культурных формах поведения и сознания: в мифологическом мышлении, в искусстве, в религии и т. п. Подчеркивая значимость эмоционального восприятия и экспрессивного поведения, Э. Кассирер указывает на то, что у человека они приобретают активный характер и культурную форму:

Они – действия, а не просто неосознанные реакции, как румянец стыда, морщины на лбу, сжимание кулаков. Они не просто события, которые играют в нас и нами, они – особые энергии, с чьей помощью строится мир культуры, мир языка, искусства, религии [Кассирер 1998, с. 59].

Сказанное позволяет заключить, что экспрессивное, эмоционально окрашенное восприятие мира, так же как выразительное поведение, отражающее это восприятие и отношение к миру как к живому существу, отношение к Другому как к субъекту, является неотъемлемой частью сознания человека и имеет свою траекторию развития.

В психологии накоплены знания о том, какую эволюцию прodelывает экспрессивное поведение как аспект регуляции отношений, средство коммуникации и взаимодействия людей. Показано, что экспрессивное поведение служит средством установления и поддержания контакта, воздействует на эмоциональное состояние другого человека, выполняет функцию саморегуляции.

Богатый эмпирический материал содержат исследования и наблюдения за развитием эмоциональной сферы новорожденных и младенцев. Как в зарубежных, так и в отечественных работах подчеркивается, что появление улыбки является важным показателем эмоционального развития ребенка [Божович 1968]. Однако первые улыбки, которые появляются у новорожденных, были названы эндогенными. Они носят спонтанный и рефлекторный характер, зависят от внутреннего состояния ребенка и обычно имеют место во время сна с быстрыми движениями глаз. По мнению Л.А. Сроуфа, эндогенные улыбки связаны с колебанием возбуждения в ЦНС: они возникают, когда ребенок расслабляется после кратковременного возбуждения [Лафренье 2004].

В возрасте одного месяца характер улыбок меняется. Они возникают во время бодрствования и носят ответный характер. Дети начинают улыбаться в ответ на различные внешние стимулы, такие как тактильная стимуляция (прикосновения, похлопывания), лицо, голос. В отечественной литературе ответная реакция ребенка на появление другого человека получила название «комплекс оживления» [Божович 1968]. Подчеркивается, что реакция носит действительно комплексный характер, в ней участвует все тело ребенка, он может издавать звуки. Зарубежные авторы обращают внимание на постепенно увеличивающееся участие когнитивных факторов в эмоциональной реакции младенца. Так, к третьему месяцу дети начинают проявлять предпочтение знакомым лицам, а к четвертому или пятому месяцу дети улыбаются на голос и лицо своего опекуна. Можно сказать, что социальная функция улыбки становится все более выраженной и она постепенно приобретает не только ответный, но и активный, воздействующий на других характер. Сошлемся на данные исследований А. Эйнсворт и Дж. Боулби, показывающие, что, как только развитие ребенка вступает в стадию привязанности, улыбка используется, чтобы приветствовать приход матери и вовлечь ее в игру:

Наиболее важные социальные функции улыбки включают в себя вызов стремления к установлению контакта и позитивного реагирования у других, а также побуждение взаимодействия, существенного для развития привязанности между матерью и ребенком [Лафренье 2004, с. 107].

Надо сказать, что подобную эволюцию прodelьвают и другие экспрессивные движения, превращающиеся из непосредственных и спонтанных реакций в достаточно активные жесты, воздействующие на окружающих. Это касается плача и смеха, выражения гнева и страха и др. Известно, как ребенок начинает «пользоваться» своими возможностями, чтобы повлиять на поведение взрослых и окружающих, добываясь желаемого. Социальная направленность экспрессивного поведения ребенка ярко обнаруживает себя в ситуациях, когда взрослый исчезает из поля зрения ребенка или перестает быть достигаемым: отчаянный плач может моментально прекратиться, а гневный крик – затихнуть. Таким образом, ребенок учится управлять окружающими людьми не только с помощью слова, но и с помощью экспрессии, выразительного поведения, которое также становится со временем опосредованным и намеренным действием. Дети довольно быстро осваивают целый арсенал средств, с помощью которых выражают дружелюбие или недовольство,

регулируют свои отношения с окружающими. Например, желая поиграть с другим ребенком, могут предложить ему свои игрушки, улыбаться, смеяться, брать за руку и т. п.

Решающим моментом в развитии экспрессивного поведения становится осознание и в дальнейшем регулирование его внешне выраженного аспекта. В 2–2,5 года дети начинают узнавать себя в зеркале, у них формируется представление о своем внешнем облике, о внешнем выражении чувств. Нельзя переоценить психологическое значение такого события, как появление «зеркального двойника». С одной стороны, это создает условия для формирования способности к произвольной регуляции внешней стороны экспрессивного поведения и, как следствие, для отделения внешнего выражения от внутренней эмоционально-смысловой основы жеста; но, с другой стороны, фигура «зеркального двойника» становится персонифицированным образом меня самого, с которым я могу вести диалог, которого я могу познавать и к которому могу так или иначе относиться. Мы знаем, что на этом этапе ребенок начинает отделять себя от окружающих людей и окружающего мира, он использует по отношению к себе сначала собственное имя, а потом и местоимение «я».

Рассмотрим подробнее последствие каждого из указанных событий. Произвольная регуляция экспрессивных движений развивается под влиянием социальных требований, запретов, подражания. В литературе встречается такое понятие, как *ограничительная кинесика*. К концу дошкольного возраста ребенок, как правило, овладевает этой формой регуляции и оказывается способным сдерживать проявление своих чувств: гнева, недовольства, бурного веселия, скуки, а также приобретает двигательные привычки и навыки и т. п. Результатом этого процесса является социализация ребенка, его поведение становится управляемым, он способен подчиняться нормам и правилам, которым необходимо следовать в тех или иных ситуациях, даже при отсутствии мотивации и интереса. Однако остается открытым вопрос: что происходит с желанием и чувствами самого ребенка, исчезают ли они в случае произвольного контроля внешнего поведения? Опыт наблюдений и данные психологии показывают, что чаще всего соответствующие эмоции и стоящие за ними отношения не прекращают своего существования, а сдерживаются. В результате возникает расхождение между поведением, внешне выраженной экспрессией и отношением, внутренней оценкой и переживанием. Некогда единый и целостный процесс выражения определенного отношения и воздействия на другого человека разделяется, расщепляется. Одно из следствий этого расщепления связано с по-

явлением возможности имитировать эмоции, изображать чувства при их отсутствии. Ребенок овладевает обманом, учится прятать себя и быть закрытым, неуязвимым; одновременно и правдивое, искреннее поведение становится осознанным, произвольным, опосредствованным.

Те изменения, которые происходят в организации личности ребенка при переходе к произвольной регуляции экспрессивного поведения, являются важным этапом в психическом развитии. Л.С. Выготский обращает внимание на драматический характер становления личности, при котором каждый новый уровень развития сопровождается сменой принципа регуляции, образованием новых структурных отношений между функциями. Особое значение в перестройке личности приобретает появление самосознания и рефлексии в подростковом возрасте. Л.С. Выготский пишет:

Если мы взглянем на значение рефлексии для психической жизни в целом, то ясно увидим, глубокое различие между нерелексирующей, наивной, с одной стороны, и релексирующей структурой личности – с другой [Выготский 1984, с. 238].

Л.С. Выготский, ссылаясь на Буземана, употребляет термин «симпсихия» для обозначения законченной, замкнутой в себе, неразвоенной рефлексией душевной жизни:

Под этим термином он разумеет единую установку и активность примитивной психики, примером которой может служить всецело отдающийся игре ребенок. Противоположный пример: подросток, который упрекает себя, который колеблется в решениях, наблюдает себя в свете собственных чувств [Выготский 1984, с. 238].

Для достижения психического единства теперь требуется особая работа, которую осуществляет личность, устанавливая новые структурные отношения и смысловые связи.

Описанный нами процесс отделения и возможного расхождения внутренней и внешней стороны экспрессивного поведения имеет не только значение в становлении дифференцированной и опосредствованной структуры личности, но может приводить к ее расколу, обеднению или невротизации. Торможение импульсов может носить такой тотальный характер, что те или иные чувства теряют всякий шанс быть выраженными. Произвольный контроль экспрессивных движений может приобретать хронический характер, и тогда возникает состояние, когда в целом снижается способность чувствовать, эмоционально откликаться на события жизни.

В психологической и психотерапевтической литературе встречается такое понятие, как *наличие контакта с собственными чувствами или его отсутствие*. Хроническое напряжение мышц, возникающее вследствие торможения экспрессивного движения, приводит к потере контакта с чувствами, к состоянию отчужденности от своей чувственной сферы.

Более гармоничный путь эволюции экспрессивных компонентов эмоциональных реакций связан с тем, что они приобретают превосходящий характер, уменьшаются в своей выраженности, сокращаются в конечном итоге до зачаточных форм. Эти зачаточные действия становятся основой внутренней эмоциональной и смысловой ориентировки, составляют важную часть эмоционального образа и внутреннего психологического пространства человека. Напрашивается аналогия с той эволюцией, которую прорабатывает вербальная речь ребенка, переходя от внешней форме к внутренней.

Подтверждением сделанных выводов и предположений являются результаты исследований генеза эмоциональных процессов у ребенка, проведенных А.В. Запорожцем и его сотрудниками. А.В. Запорожец в частности указывает, что внешний и внутренний опыт сливается в эмоциональном образе в единое целое. Приведем цитату, в которой описывается процесс изменения в моторном компоненте эмоциональных реакций:

Наши эксперименты показали, что формирование эмоциональных образов в процессе, например, слушания сказок сопровождается у ребенка специфическими изменениями в области моторики и деятельности внутренних органов. Внутриорганические сдвиги, наблюдаемые при эмоциях, вызываемых представляемыми событиями типа описанного нами предчувствия результатов своих действий или действий сказочного героя, значительно более слабые, менее внешне выражены, чем те, которые сопутствуют импульсивным аффективным реакциям на непосредственно воспринимаемые раздражители, имеющие для субъекта витальное значение. Создается впечатление, что в описанных нами психических процессах типа эмоционального представления, эмоционального воображения и т. д. эти внутриорганические изменения перестают выполнять роль непосредственно энергетического обеспечения ранее неразрывно связанных с ними исполнительских, поведенческих компонентов аффективных реакций и превращаются в базальные компоненты эмоционального отражения, приобретая функцию, сходную с той, которую выполняют заторможенные речевые кинестезии в умственных процессах [Запорожец 1986, с. 272].

В указанном примере моторные компоненты в их сокращенном и зачаточном виде сохраняются и выполняют предвосхищающую, ориентировочную функцию в структуре эмоциональной регуляции деятельности. Важную роль в становлении такой регуляции играют процессы воображения и представления, частью которых становится экспрессивное поведение личности.

Ряд авторов указывает на психорегулирующую функцию внутренней моторики. Разрабатывая этнографический подход к изучению кинесики, Я.В. Чеснов различает внешнюю и скрытую, внутреннюю форму выразительных движений и подчеркивает:

Во внешне коммуникативном процессе кинесика участвует лишь частью своих возможностей (кинеморфемами). Основное ее воздействие – fasciniрующее, направленное на перестройку внутренних процессов организма, на изменение его физиологического и эмоционального состояния (кинемами) [Чеснов 1989, с. 130].

Данный автор также проводит аналогию между таким пониманием кинесики и концепцией внутренней речи Л.С. Выготского:

Но мы только должны помнить, что кинесическая внутренняя «речь» лежит в более глубоких пластах психики, чем вторая сигнальная система. В кинесике гораздо меньше контроль сознания. При молчании человека его напряженное состояние могут выдать постукивающие по чему-то пальцы, движения ногами или дрожание каких-либо мышц [Чеснов 1989, с. 131–132].

Другой путь (также рассмотренный нами) эволюции изначально целостного и непосредственного поведения приводит к доминированию произвольной регуляции настолько, что контакт со спонтанными экспрессивными импульсами оказывается заблокирован. Возникает особая структура личности, в которой доминирует рациональная регуляция деятельности, а чувственно-экспрессивная сфера может оказаться подавленной или жестко подчиненной. Мир такой личностью воспринимается объективно-рационалистически.

Осознание своего внешнего облика и появление фигуры «зеркального двойника» создают условия для возникновения внутреннего диалога, персонифицирующего отношения человека с самим собой. Отношение к себе как к Другому, как к живому, чувствующему, одушевленному существу противостоит объектному отношению к себе и к своему телесному облику. Проблема объектного отношения к себе проявляется в переживании отчуждения,

потери контакта со своими чувствами и телесностью. Собственное тело, воспринимаемый внешний образ представляются человеку чужеродными или величественными, не обладающими собственной ценностью. В последнее время появляется много исследований, фиксирующих данный факт. Феноменология телесного отчуждения была предметом и ряда работ, которые проводились под нашим руководством [Айламазьян, Каминская 2009; Айламазьян, Шувалова 2010].

Восстановлению общения со своим «зеркальным двойником» посвящены и некоторые психотерапевтические подходы. Так, в методе маскотерапии, предложенном Г.М. Назлояном, через создание скульптурного портрета пациента восстанавливается нарушенное общение как со своим «зеркальным двойником», так и с другими людьми. Клинический материал ярко демонстрирует, что внутренний диалог лежит в основе личностной регуляции и интегративной работы, прорабатываемой личностью [Назлоян 1994].

Однако внутренний диалог может осуществляться и на основе кинестетики, на основе внутренней моторной «речи». Эту идею высказывает Я.В. Чеснов:

В отношении же кинесики подчеркивание ее интериоризованного внутреннего аспекта может показаться неожиданным. Между тем основная функция кинесики лежит в сфере автокоммуникации. <...> Что происходит с индивидом в процессе кинесической автокоммуникации? Как отмечает Ю.М. Лотман, в коммуникации по типу «я – я» наблюдается перестройка самого «я». В нашем случае речь идет о возбуждении или торможении эмоциональных центров человека [Чеснов 1989, с. 129].

Рассматривая дальнейшую судьбу выразительного движения, отметим, что указанная двойственность, расхождение внешней и внутренней сторон экспрессивного поведения определяют основные линии его развития и функционирования, а также его смысл и значение.

Уже первые исследователи художественной выразительности тела, такие как Ф. Дельсарт, подчеркивают, что подлинной выразительностью обладают естественные жесты или выразительные движения. Наряду с естественными выделяются конвенциональные или искусственные жесты.

Естественный жест выдает наше отношение к тому, что мы видим, слышим, говорим, т. е. естественный жест отражает и выявляет наши реальные чувства. Как указывает С.Н. Волконский,

...нас не занимает то движение, которому человек поручает заменить слово: не тот жест интересен, которым человек показывает, что он хочет спать, а тот, который выдает его сонливость... Не выдуманный жест, значит, а непосредственный, тот, о котором Дельсарт сказал, что он есть «прямое орудие сердца»; непосредственное проявление чувства, выражения того, что в словах пропущено¹.

Напротив, жест искусственный или конвенциональный носит условный характер и может выполняться произвольно вне зависимости от нашего настоящего отношения или испытываемого чувства. Конвенциональный, условный и естественный жесты отличаются не только по своей психологической структуре и психологическому значению, но и по форме. Искусственный жест-знак существует и воспринимается как статическая фиксация определенного сочетания позиции головы, корпуса, рук или ног. Если искусственный жест тяготеет к статике и фиксации, то естественный – к движению. Как отмечает современный исследователь невербального языка в жизни и в искусстве А.Я. Бродецкий,

...естественное знаковое движение находится в связи со всем окружением человека и зависит от того, как это жестовое движение ориентировано в пространстве. Поэтому при одном и том же направлении значение движения (от взгляда до перемещения всего тела) всегда будет одинаковым [Бродецкий 2000, с. 15].

Неслучайно самые разные авторы, характеризуя естественный выразительный жест, отмечают присущую ему целостность, понимаемую как вовлеченность всего тела в движение, и направленность как главные смысловые составляющие. С.Н. Волконский предлагает назвать этот жест психологическим:

Этот жест не связан ни с какой потребностью в действии, он ничего не делает, не имеет намерения, он лишь выдает ту сторону нашего существа, которая наиболее задета тем, что мы видим или слышим. Дельсарт открыл, что этот жест получает смысл от того центра, от которого он исходит...²

В другом месте, излагая основы системы Дельсарта, С.Н. Волконский указывает:

¹Волконский С.Н. Выразительный человек. Сценическое воспитание жеста (по Дельсарту): Учеб. пособие. СПб.: Лань: Планета музыки, 2012. С. 57.

²Там же. С. 130.

Каждый человек есть как бы центр несуществующей окружности. Он мыслит или от себя, или по отношению к себе. Он сам – отправная точка всех своих проявлений и конечная точка всех своих восприятий. Или от центра к окружности, или от окружности к центру – другого направления нет ни в физической, ни в душевной, ни в умственной деятельности человека³.

Последовательно развивая представление о направленности жеста как основе его выразительности и смысла, А.Я. Бродецкий предложил рассматривать топоному как элементарную значимую часть невербального языка:

...цель знакового движения (значимое местоположение) и есть основной базовый визуальный знак, который нуждается в самостоятельном терминологическом определении. Предлагается дать ему название – топонома... [Бродецкий 2000, с. 20].

Таким образом, основное значение имеет не конкретная форма жестового движения, а его координация по осям трехмерного пространства:

Значение топономы заключается в совокупности ассоциаций, разного рода прошлых переживаний, связанных у человека с тем или иным локальным местом в пространстве [Бродецкий 2000, с. 20].

Вернемся к поставленному вопросу о судьбе выразительного движения. Сказанное позволяет предположить, что овладение выразительным поведением идет по нескольким направлениям. Торможение двигательной части экспрессивного поведения приводит к тому, что остаются ее зачаточные формы, которые проявляются в виде общей позы, направленности жестов, взглядов, общего положения тела в пространстве и др. Одновременно осваиваются многочисленные принятые в данном обществе нормы выражения чувств, отношений, способы произвести желаемое впечатление, воздействие на чувства других. Возможно расхождение (диапсихия) между первым и вторым, между реальным отношением, проявленным в зачаточных, позно-тонических компонентах моторики, и произвольно выраженным, демонстрируемым отношением, реализованным в конвенциональных жестах-знаках. В случае схождения на новом уровне регуляции возникают сложные системы экспрессивного поведения, опосредованные и опосредствованные

³ Волконский С.Н. Указ. соч. С. 46.

культурными образцами выражения чувств. В этом случае можно говорить о естественной искусственности или опосредствованной непосредственности экспрессии.

Еще один путь трансформации выразительного движения, о котором также говорилось выше, – это переход его во внутренний план, когда оно становится частью эмоционального образа, побуждает воображение, ориентирует в мире чувств и отношений. Важным условием становления эмоционального образа является и формирование внутреннего пространства как пространства, окрашенного психологическими смыслами. Рассматривая процесс формирования внутреннего пространства, А.Я. Бродецкий приходит к выводу:

Рассмотренный нами процесс позволяет предположить, что, во-первых, наряду со словесным мышлением существует и вторая его форма – пространственно-ассоциативное мышление – и, во-вторых, процессы образования обеих форм мышления (словесного и телесного) схожи между собой [Бродецкий 2000, с. 40].

Автор использует понятие телесного мышления для обозначения процессов экспрессивной ориентировки. Встречается также термин «пластическое мышление». В теории множественного интеллекта Х. Гарднера выделяется телесно-кинестетический и пространственный интеллекты [Гарднер 2007].

М. Чехов один из первых заговорил о внутренней реальности пластических переживаний и ощущений человека. Смысл действия находит воплощение в выразительном движении, осуществляемом во внутреннем пространстве человека. Это движение автор назвал «психологический жест». Он обратил внимание на то, что в нашей речи содержатся двигательные и пространственные метафоры, которые применяются к сфере общения, переживаний, разнообразных психических процессов и т. п. Приведем примеры таких выражений: идти по жизни тем или иным путем, заблуждаться, выбирать направление в решении задачи, свернуть с пути; встретиться с трудностями, уйти от трудностей, идти напролом; падение и подъемы в жизни, вести других за собой, плестись в хвосте; отступить, сделать шаг вперед и т. п. М. Чехов рассуждает таким образом:

Прийти к заключению. Коснуться проблемы. Порвать отношения. Схватить идею. Ускользнуть от ответственности. Впасть в отчаяние. Поставить вопрос и т. п. О чем говорят эти глаголы? О жестах, определенных и ясных. И мы совершаем в душе эти жесты, скрытые в словесных выражениях... [Чехов 1986, с. 203–204].

Как отмечает другой исследователь выразительности, А.Я. Бродецкий, можно предположить, что когда-то эти метафоры имели буквальное значение и они отражают эволюцию, которую проделал человеческий язык:

Можно предположить, что в начале человеческой цивилизации все нынешние «пространственные иносказания» имели буквальный смысл. Затем, не меняясь по существу, их стали относить к все более сложным жизненным процессам [Бродецкий 2000, с. 17].

Рассмотрим еще один процесс, связанный с формой существования выразительного поведения. Наряду с преобразованием и сворачиванием выразительного движения в его внутреннюю форму происходит не менее важный процесс разворачивания во внешней форме психологического жеста и психологического пространства. Как правило, такое развертывание происходит в специальных условиях, при возникновении особого состояния или режима работы психики, оно предполагает изменения и трансформации в движениях.

Достаточно спонтанно этот процесс разворачивается, например, в пляске, когда как будто все «внутреннее» выплескивается наружу, находит выражение во внешних действиях и экспрессивных телодвижениях. По этому поводу ярко высказался М.М. Бахтин:

Ясный образ такой пассивной активности – пляска. В пляске сливается моя внешность, только другим видимая и для других существующая, с моей внутренней, самоощущающейся органической активностью; в пляске все внутреннее во мне стремится выйти наружу, совпасть с внешностью, в пляске я наиболее оплотневаю в бытии, приобщаюсь бытию других; пляшет во мне моя наличность (утвержденная ценностно извне), моя софийность, другой пляшет во мне. Момент одержания явственно переживается в пляске, момент одержания бытием [Бахтин 1979, с. 120].

Примеры спонтанно разворачивающейся пляски можно найти как в художественной литературе, так и в документальных материалах. К известным свидетельствам относятся воспоминания тех, кто наблюдал неистовые танцы Андрея Белого, оказавшегося в Берлине в начале 1920-х гг. Приведем слова В.Ф. Ходасевича из очерка, посвященного Андрею Белому:

С осени он переехал в город – и весь русский Берлин стал любопытным и злым свидетелем его истерики. Ее видели, ей радовались, над ней насмехались слишком многие. Скажу о ней покороче. Выра-

жалась она главным образом в пьяных танцах, которым он предавался в разных берлинских Dielen. Не в том дело, что танцевал он плохо, а в том, что он танцевал страшно... Танец в его исполнении превращался в чудовищную мимодраму, порой даже и непристойную. <...> Возвращаясь домой, раздевался он догола и опять плясал, выплясывая свое несчастье. Это длилось месяцами [Ходасевич 1991, с. 62–63].

Если А. Белый выплясывал страдание, то А. Дункан в стихийно рождающемся танце выражала радость и восторг. Красноречивы описания ее выступлений у современников:

Акомпаниатор заиграл мазурку Шопена – и Айседора Дункан запела, заговорила ногами, руками, глазами, устами... Никем и никогда так мазурка не танцевалась. Не было танца, и не было па... Но был ритм жизни и музыка непосредственного ароматного чувства. Она пела гимн солнцу и небу, гналась в цветущем саду за бабочками и рвала цветы, и любила, и грезила, и просыпалась с ощущением желанного поцелуя на устах [Айседора 1992, с. 54].

Особенно должны быть рассмотрены и выделены ситуации, в которых «пляска» возникает вследствие уменьшения или полного выключения сознательной регуляции поведения. Это могут быть длительные монотонные движения, внешне монотонно задаваемый ритм, массовые действия. В этих случаях при подавлении сознания включаются другие механизмы регуляции поведения, такие как заражение, автоматические действия и др. Мы встречаем эти приемы в некоторых ритуалах, коллективных радениях, африканских традиционных обрядах, рок-концертах и т. п. Как правило, у участников возникает измененное состояние сознания, движения приобретают достаточно однообразный характер, совпадают с движениями других участников и могут доходить до конвульсивных. Представляется, что при этом происходит прямая разрядка заторможенных действий, задержанных аффектов, а возможно, и охватывающих человека вследствие заражения, «подключения» к общему состоянию (эффект толпы).

Наряду с ситуациями стихийного выявления внутреннего пространства во внешнем пространстве, внутреннего выразительного жеста во внешне развернутое действие в культуре существуют специально организованные ситуации или практики, стимулирующие и провоцирующие этот процесс. Можно сказать, что в этих практиках ставится задача вторичного высвобождения, выслушивания и претворения во внешние действия зачаточных импульсов и экспрессивных движений. С психологической точки зрения это

означает, что возникающие движения и жесты носят спонтанный, произвольный характер, но одновременно и опосредствованный, осознанный. Такая спонтанность, конечно, отличается от прямой аффективной разрядки и импульсивных действий, она приобретает характеристики высших форм психической регуляции и высших форм поведения и зависит от той символической деятельности, в которую включена.

Как «выманить» естественный выразительный жест? Этим вопросом задавались Ф. Дельсарт, С. Волконский⁴, М. Чехов, С. Эйзенштейн и другие театральные деятели [Чехов 1986; Лурия 2003]. Если К. Станиславский, создавая систему актерской игры и воспитания актера, ориентировался на жест бытовой и обращался к «физическим действиям» для его реконструкции, то М. Чехов говорит о некоем особом обобщенном жесте, являющемся выражением и обнаружением внутреннего психологического жеста.

Психологический жест (ПЖ) может носить более или менее натуралистический характер, но может иметь и фантастические черты. Психологический жест представляет собой наш внутренний, телесный отклик на впечатление от персонажа, от той или иной роли, от любого события окружающего нас мира. Так, М. Чехов пишет:

Каждый лист, скала, отдаленная горная цепь, каждое облако, ручей, волна будут говорить вам об их жестах и окрасках.

...не воображайте себя цветком, не имитируйте его. В этом нет надобности: психология жеста принадлежит вам, а не цветку [Чехов 1986, с. 206].

М. Чехов предлагает наблюдать и архитектурные конструкции, формы колонн, арок, лестниц, крыш и замечает: «...они также вызывают в вашем воображении композиции известных сил и качеств. Создайте соответствующий им ПЖ» [Чехов 1986, с. 206].

Развивая в себе способность чувствовать и выражать физические и психологические жесты, актер осваивает «технику» создания роли. ПЖ становится основой для целостного понимания характера и образа. Еще раз обратимся к тексту М. Чехова:

Вглядываясь в действия, желания, настроения, переживания вашего героя, вслушиваясь в его речь, подмечая его внутренние и внешние особенности, прослеживая его отношения к другим героям пьесы, вы приходите к моменту, когда в вас интуитивно зарождается первое

⁴ Волконский С.Н. Указ. соч.

представление об основном характере его воли и чувств. Не анализируя вашего первого впечатления, вы воплощаете его в ПЖ, как бы примитивен он ни казался вам вначале. В движении вы выражаете волю героя, в красках – его чувства [Чехов 1986, с. 206].

Как видим, М. Чехов подчеркивает интуитивный и спонтанный характер психологического жеста, который рождается не путем обдумывания и анализа, а как целостный телесный отклик на восприятие события, явления, человека.

Однако преобразование выразительного движения, воплощение его во внешних формах происходит не только в сфере театрального действия и драматизации, но и в другой символической деятельности, направленной на создание художественного произведения. Так, художник, создающий картину или скульптуру, выявляет и свою экспрессивную природу и оставляет запись своих движений в произведении. Именно это делает произведение «живым», несущим энергию, имеющим «душу». Мы чувствуем присутствие автора в его произведении, можем вступить с ним в живой контакт и диалог. В широком смысле слова искусство рождается из жеста и может быть понято как жест. Сошлемся на анализ различных видов творчества, проделанный П.А. Флоренским в работе, посвященной пространственным и временным аспектам изобразительного искусства. Так, сопоставляя скульптуру и пластику, он пишет:

Скульптурное произведение – это запись широких движений режущего или отбивающего орудия, а произведение пластики представляется записью прикосновений... Рубка дает систему пересекающихся плоскостей, и произведение скульптуры в ее чистом виде возникает как граненная и потому обобщающая своими гранями [запись]... Кроме того, тут неминуемо выступают преобладающие направления ударов, определяемые строением тела самого художника и родом режущего орудия. Точно так же ритмика этих ударов будет запечатлена в вырубленном произведении. Скульптура если и есть подражание внешнему предмету, то – подражание внутренне музыкальное, отвечающее на впечатление предмета ритмическим внутренним взвиганием [Флоренский 1993, с. 83–84].

Нам представляется особенно интересным последнее замечание П.А. Флоренского о ритмическом взвигании в ответ на впечатление от предмета. Речь идет о целостной экспрессивной реакции или выразительном движении, которое находит свое воплощение в работе над скульптурой.

В культуре существуют и практики, ориентированные на спонтанность и импровизацию. К таким практикам можно отнести ряд направлений свободного танца, так называемое спонтанное рисование и др. Импровизация в целом может рассматриваться как альтернатива заученному исполнению или слишком отшлифованному и потому безжизненному, холодному творчеству.

Импровизационный танец и спонтанное рисование интересны тем, что пытаются создать особые условия, вызывающие спонтанный ответ, выявляющий внутреннее состояние человека или транслирующий опыт подсознания. Как показывает анализ данных практик, можно выделить двоякого рода условия: 1) высвобождающие ответ, пробуждающие действие; 2) направляющие экспрессивную деятельность в определенное русло.

К условиям первой группы относятся такие особенности ситуации, которые уменьшают необходимость жестко контролировать свои движения, проявления своих чувств. Создается безопасная среда, со стороны педагога или ведущего занятий, всех участников исходит поддержка инициативы, самостоятельности, отсутствует оценка с точки зрения качества выполнения движения, поощряется нестандартность, нешаблонность и т. п. Помимо создания атмосферы принятия и поиска, экспериментирования, используется и целый ряд технических приемов, позволяющих уменьшить контроль над двигательными импульсами. Например, предлагается отказаться от зеркала в зале для занятий, участники перестают смотреть на себя со стороны и в большей степени начинают ориентироваться на кинестетические ощущения. Пробуждению кинестетических переживаний способствуют и различные физические и психофизические упражнения, позволяющие «снять» лишнее мышечное напряжение, научиться регулировать мышечный тонус. Немаловажное значение имеет и регуляция дыхания, использование дыхания для достижения состояния релаксации, оптимизации мышечного тонуса, снятия эмоционального напряжения и т. п. В разных импровизационных практиках встречается разный набор приемов и техник, но все они уделяют внимание подготовке к свободному ответу, настройке на спонтанные действия.

Немалую роль играет и сам способ постановки задачи: результат не задается однозначно, да и средства могут выбираться разные, в целом ситуация характеризуется высокой степенью неопределенности. Если обратиться к анализу техники движения, то также можно заметить ряд особенностей: в технике используются расслабление, инерционное движение, падение, утрата равновесия. В предпринятой нами попытке анализа метода «музыкального движения» как практики импровизации мы показали, что техника

организована так, что увеличиваются степени свободы при выполнении движения [Айламазьян 2016]. Например, отказ от статичных позиций, использование динамического равновесия в стойке и движении приводит к затруднению выполнения естественных видов движения, разблокировке сложившихся двигательных стереотипов, расширению ориентировочной и чувственной базы движения [Айламазьян 2021]. Таким образом создается «аппарат», или «орган», для выслушивания, обнаружения, усиления и претворения в действие рождающихся спонтанных импульсов и реакций.

Тема особой физической преднастройки, обеспечивающей включенность актера в игру, его особую убедительность и выразительность, стала популярной и в современном театре, особенно в таких его направлениях, как физический театр, театральная антропология и др. Представители театральной антропологии, изучив различные театральные традиции, в том числе восточные театральные школы, пришли к выводу о том, что существуют определенные приемы и принципы организации движения, способствующие экспрессивному проявлению. Среди них находим уже упоминавшееся нами использование стоек с неустойчивым или усложненным равновесием, а также реализацию принципа противопоставления или противодвижения в теле. Эти, как пишут авторы, универсальные принципы и создают особую включенность актера, танцора, мима в действие и называются ими пре-экспрессивностью⁵. Принцип экстра-обыденного равновесия характеризуется следующим образом:

Свойство, одинаково присущее актерам и танцовщикам разных эпох и культурных традиций, – это отказ от обыденного равновесия. Оно требует больших физических усилий, в которых задействовано все тело целиком, но именно эти усилия вызывают ощущение расширения всех напряжений тела, отчего актер/танцовщик кажется исполненным необычайной жизненности еще до того, как начал активно проявлять себя на сцене⁶.

Принцип оппозиции также способствует выявлению микродвижений, которые рождаются в теле актера и осуществляют его присутствие на сцене. Протицируем указанных авторов:

⁵ Барба Э., Саварезе Э. Словарь театральной антропологии. Тайное искусство исполнителя. М.: Артист. Режиссер. Театр, 2010. 320 с.

⁶ Там же. С. 141.

Азиатский актер (или крупный западный мастер) может затрачивать гораздо больше сил, почти не двигаясь при этом. Его усталость будет обусловлена не чрезмерной сценической витальностью и жестикуляцией, но игрой разнонаправленных импульсов (оппозиций). Его тело заряжается энергией, поскольку в нем возникает множество напряжений от разницы потенциалов, и это придает ему жизненность, делает его присутствие ощутимым, даже когда движения медленны, а то и в моменты кажущейся неподвижности. Танец оппозиций разгрягается внутри тела, прежде чем вырваться вовне⁷.

Театральная антропология предполагает некий базовый уровень организации, свойственный всем исполнителям, и определяет его как пре-экспрессивный. Однако, с нашей точки зрения, проблема выглядит сложнее. Позволим усомниться в универсальности и полной тождественности применяемых в разных практиках способах активизации экспрессивных проявлений. Неслучайно среди условий, провоцирующих и организующих спонтанный ответ, мы выделили условия, направляющие этот ответ. Это означает, что спонтанность, которая демонстрируется, например, в контактной импровизации, не тождественна спонтанности, которая требуется и развивается в музыкальном движении; а так называемая аутентичность движений в танцевательной терапии не совпадает с подлинностью импровизации в народной пляске и т. п. Примеры можно продолжить.

Если обратиться к конкретному сравнительному анализу, то можно заметить, что предлагаются разные «стимулы» для пробуждения спонтанного ответа, происходит селекция реакций и движений. Так, в музыкальном движении задается установка на выявление спонтанных движений, возникающих в ответ на звучащую музыку (в основном классическую); далее происходит работа по уточнению этого ответа, по соответствию движения музыке, музыкальному содержанию; в результате создается целостная музыкально-двигательная форма, запечатлевающая эти ответы и смыслы.

Напротив, в целом ряде других импровизационных современных танцевальных практик в фокусе оказываются собственное тело и идущие от него сигналы и импульсы; при этом часто используется музыка медитативного плана, которая может звучать как фон, нередко встречается требование двигаться вопреки музыке, специально не обращая на нее внимание. Эти принципы ярко проявляются в танцевательной терапии, в ряде танцевальных тренингов, идущих от школы Р. Лабана, от таких основоположни-

⁷ Барба Э., *Саварезе Э.* Указ. соч. С. 14.

ков направления, как М. Чейс, М. Уайтхаус и другие [Искусство и наука 2017].

Основная направленность этого подхода – самовыражение личности, выражение своих чувств, выражение болезненных проблем, травм и страхов человека. В подтверждение наших выводов приведем выдержки из работ танцевдвигательных терапевтов. Так, С. Кляйнман пишет:

Танцевально-двигательный терапевт способствует выражению чувств, приглашая пациентов начать замечать ранее приглушенные или чрезмерно контролируемые ощущения, импульсы, естественные движения и сознательно реализовать эти движения. <...> Часто, боясь следовать за своими чувствами, а также двигаться в экспрессивной манере, а не в контексте упражнений или стилизованных движений, они начинают проявлять больший интерес, когда понимают, почему эта терапия имеет важное значение для их восстановления, чего от них ожидают и насколько их вклад важен для процесса. <...> Любое поведение считается релевантным, и коммуникация присутствует всегда. <...> Такие проблемы, как утрата чего-либо или кого-либо, боязнь стать успешным, неудачи, изменения, потеря контроля, отсутствие осознания границ тела, страх быть замеченным и так далее, быстро становятся видимыми в опыте, который начинает раскрываться [Кляйнман 2017, с. 190–191].

Очевидны различия в рассмотренных подходах к выявлению экспрессивных импульсов и реакций. Если в танцевдвигательной терапии создаются условия и поддерживаются реакции, обнаруживающие задержанные и заблокированные чувства человека, то в практике музыкального движения выявляются и усиливаются до развернутых действий те зачаточные движения, изменения тонуса, изменения в перемещении центра тяжести и дыхании, которые рождаются в ответ на звучащую музыку. Как следствие, объективации подлежат разные аспекты личности и осуществляется трансформация переживаний в определенном направлении, заданном целевой установкой практики.

Нельзя рассматривать процесс разворачивания внутреннего пространства и жеста во внешнее пространство и движение вне контекста и задач общения. Жест обретает социальное значение и обращенность к Другому. Однако во многом этим Другим оказываюсь «я сам», раскрывая, переживая свою самость, утверждая свое бытие. Обнажая внутреннее, личность преодолевает свою двойственность и расколотость; исчезает разделение на «я» действующее и «я» рефлексирующее, наблюдающее, тем самым стано-

вится возможным переживание самоидентичности, совпадения с самим собой. Интересно, что чувство аутентичности сочетается с опытом выхода за пределы собственного «я», но – «я» обыденного, двойственного. Может ли быть у такого танца-пляски, такого чистого присутствия зритель, да и нужен ли он? Мы ответим утвердительно при условии, что зритель становится свидетелем и соучастником, он перестает быть внешним наблюдателем, а скорее стремится к сопresутствию.

Однако современный театр, как драматический, так и балетный, во многом ориентирован на зрелищность. Это означает, что ведущая роль отводится визуальному знаку, визуальной форме поведения, движения в целом. Другая сторона подхода к театру как к зрелищу выражена в разделении зрителя и актера, зрителя и танцора. Функция актера, танцора, исполнителя состоит в том, чтобы произвести впечатление, заинтересовать зрителя, который находится по другую сторону рампы в позиции внешнего наблюдателя. Само устройство сценической площадки и театрального пространства говорит об этой разделенности позиций и способов коммуникаций, присущих каждой из позиций. Неслучайно такое значение придается внешней технике, особенно это касается балетного театра, когда тело танцора превращается в инструмент, с помощью которого создается рисунок движения, создается общая картина. В обучении это происходит особенно остро, когда отработка движений не сопрягается с переживанием исполнителя, его внутренним состоянием. В пределе тело танцора «отчуждается» от него самого, и, исполняя предложенные танцевальные «па», он должен полностью подчинить свое тело поставленной задаче создания визуального образа. Уместно вспомнить Г. Крэга, считавшего идеальным актером марионетку, близкую позицию занимал и Вс. Мейерхольд, многие современные театральные режиссеры воплощают эту идею в жизнь.

По всей видимости, некоторые современные направления в искусстве родились в попытке компенсировать указанные тенденции или противопоставить себя им. Так, в противоположность зрелищности утверждается театральный и танцевальный перформанс, основным принципом которого является участие, здесь и сейчас присутствие, отсутствие ориентации на зрителя. В книге, посвященной современному танцевальному перформансу, дается яркое описание представлений:

Артисты порой напоминали участников соматических тренингов: вместо сценического костюма – простая спортивная одежда, вместо наработанной экспрессии и артистизма – вовлечение публики в действие, приглашение стать свидетелями движенческого исследования.

Исчезла оркестровая яма, которая раньше отделяла танцовщиков от публики, и возникшая близость зрителей и исполнителей позволила сделать акцент на их физическом соприсутствии, привлечь внимание аудитории к материальности тел артистов [Козонина 2021, с. 53–54].

Борьба с отчуждением стала одной из ведущих тем в культуре с конца XX в. Поначалу проблема отчуждения ставилась в контексте обсуждения капиталистических форм производства, превращающих в товар любой продукт человеческой деятельности. Коммерциализация искусства, появление массового искусства изменили как его формы, так и критерии, размыли границы и превратили в сферу услуг [Ортега-и-Гассет 1998; Бурдые 2010]. Само понятие эстетического и художественного было подвергнуто деконструкции и обесцениванию [Чухров 2011]. В дальнейшем тема отчуждения приобрела новые измерения и оттенки в связи с распространением информационных технологий. Где подлинное, настоящее, а где имитация, подделка? Отсылает ли знак к обозначаемому, или за ним стоит пустота, пустота смысла и отсутствия реальности? Виртуальное и реальное, искусственное и естественное перестают различаться. Отношение к экспрессивному поведению также меняется в культуре, оно начинает терять свое внутреннее измерение, напротив, внешний знак, внешняя форма приобретают самодовлеющее значение. В искусстве это проявляется в том, что созданная визуальная форма (изображение, танец и др.) отсылают в лучшем случае к другим изображениям, к другим известным визуальным знакам, но не к некоей реальности, стоящей «за» знаком (образной, метафизической, психологической). Противостояние внешнего и внутреннего отменяется, пространства «схлопываются», лишаясь глубины.

В жизни человека, в его психологической структуре указанная тенденция также находит отражение. Теряя опору на внутреннее пространство с его внутренним диалогом и собеседником, современный человек нуждается во внешнем подтверждении своего существования и значимости. Вместо стремления к потаенности и сокрытию своей личности возникает потребность быть наблюдаемым, быть зримым. Пространство, в котором теперь утверждает себя личность, – это пространство демонстрации, показа, внешнего существования. Происходит утрата интимного и утверждение сферы публичного; обнаженность чувств заменяется обнаженностью тела, а поиск смысла – некоей «правдой» тела, телесным присутствием. В этой парадигме выразительность как условный символический жест перестает существовать. На ее место приходит реальное физическое и даже физиологическое действие.

Заключение

Конкретный исторический анализ феноменов сознания нам еще раз показывает, как взаимосвязаны процессы выразительного движения и становления личности. Контроль над сферой чувств, эмоциональная регуляция и эмоциональная ориентировка осуществляются с помощью выразительных движений. Сокращение жеста до его зачаточных форм, перевод во внутренний план и в дальнейшем его развертывание во внешнем символическом пространстве лежат в основе становления сложной структуры личности с ее внутренним и внешним планами поведения, внутренним «я» и внутренним диалогом с самим собой (автокоммуникация в современной терминологии), разработкой выразительных языков общения, позволяющих транслировать смыслы и ценности.

Благодарность

Работа выполнена при поддержке РФФ, проект № 24-28-01252 «Анализ структуры музыкального переживания, выраженного в двигательной форме (на материале практики музыкального движения)».

Acknowledgment

This work was supported by the Russian Science Foundation, project No. 24-28-01252 “Analysis of the structure of musical experience expressed in the motor form (based on the material of the practice of musical movement)”.

Литература

- Айламазьян 2016 – *Айламазьян А.М.* Становление метода музыкального движения: от свободного танца к свободному действию // Образовательная политика. 2016. № 2 (72). С. 48–59.
- Айламазьян 2021 – *Айламазьян А.М.* Свободный танец как культурно-историческая практика импровизации // Национальный психологический журнал. 2021. № 1. С. 175–192.
- Айламазьян, Каминская 2009 – *Айламазьян А.М., Каминская Н.Л.* Телесное отчуждение: феноменология и обусловленность психологическим состоянием личности // Журнал практического психолога. 2009. № 6. С. 45–60.
- Айламазьян, Шувалова 2010 – *Айламазьян А.М., Шувалова Н.Ю.* Феномен телесности личности в танцевальных практиках // Вопросы психологии. 2010. № 5. С. 71–82.

- Айседора 1992 – Айседора: Гастроли в России (Сб. ст.) / Сост. Т. Касаткина. М.: АРТ СТД РФ, 1992. 415 с.
- Бахтин 1979 – *Бахтин М.М.* Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. 423 с.
- Божович 1968 – *Божович Л.И.* Личность и ее формирование в детском возрасте. М.: Просвещение, 1968. 464 с.
- Бродецкий 2000 – *Бродецкий А.А.* Внеречевое общение в жизни и в искусстве: Азбука молчания. М.: ВЛАДОС, 2000. 190 с.
- Бурдые 2010 – *Бурдые П.* Рынок символической продукции // Социология искусства: Хрестоматия / Сост. В.Г. Житков, Т.А. Клявина. М.: Прогресс-Традиция, 2010. С. 280–295.
- Выготский 1983 – *Выготский Л.С.* Собр. соч.: В 6 т. Т. 3: Проблемы развития психики. М.: Педагогика, 1983. 368 с.
- Выготский 1984 – *Выготский Л.С.* Собр. соч.: В 6 т. Т. 4. Детская психология. М.: Педагогика, 1984. 432 с.
- Гарднер 2007 – *Гарднер Г.* Структура разума. Теория множественного интеллекта. М.: И.Д. Вильямс, 2007. 512 с.
- Запорожец 1986 – *Запорожец А.В.* Психическое развитие ребенка // Запорожец А.В. Избр. психологические труды: В 2 т. Т. 1. М.: Педагогика, 1986. 320 с.
- Искусство и наука 2017 – Искусство и наука танцевально-двигательной терапии: Жизнь как танец / Под ред. Ш. Чайклин, Х. Венгровер. М.: Когито-Центр, 2017. 419 с.
- Кассирер 1998 – *Кассирер Э.* Избранное. Опыт о человеке. М.: Гардарики, 1998. 779 с.
- Кляйнман 2017 – *Кляйнман С.* Как снова обрести целостность: танцевально-двигательная терапия с людьми, страдающими расстройствами пищевого поведения // Искусство и наука танцевально-двигательной терапии: Жизнь как танец / Под ред. Ш. Чайклин, Х. Венгровер. М.: Когито-Центр, 2017. С. 183–204.
- Козонина 2021 – *Козонина А.* Станные танцы. Теории и истории вокруг танцевального перформанса в России. М.: Музей современного искусства «Гараж», 2021. 240 с.
- Лафренье 2004 – *Лафренье П.* Эмоциональное развитие детей и подростков. СПб.: Прайм–ЕВРОЗНАК, 2004. 250 с.
- Леонтьев 1983 – *Леонтьев А.Н.* Избранные психологические произведения: В 2 т. Т. 2. М.: Педагогика, 1983. 320 с.
- Лурия 2003 – *Лурия А.Р.* К общей теории выразительности (С.М. Эйзенштейн – мыслитель) // Лурия А.Р. Литературное наследие: Избр. труды по общей психологии / Под ред. Ж.М. Глозман, Д.А. Леонтьева, Е.Г. Радковской. М.: Смысл, 2003. С. 283–294.
- Назлюян 1994 – *Назлюян Г.М.* Зеркальный двойник: утрата и обретение. Портретный метод психотерапии. М.: Друза, 1994. 115 с.
- Ортега-и-Гассет 1998 – *Ортега-и-Гассет Х.* Восстание масс // Психология масс: Хрестоматия / Ред.-сост. Д.Я. Райгородский. Самара: БАХРАХ, 1998. С. 195–314.

- Флоренский 1993 – *Флоренский П.А.* Анализ пространственности и времени в художественно-изобразительных произведениях. М.: Прогресс, 1993. 324 с.
- Ходасевич 1991 – *Ходасевич В.Ф.* Некрополь: Воспоминания. М.: Советский писатель – Олимп, 1991. 188 с.
- Чеснов 1989 – *Чеснов Я.В.* Шаг Майтрейи: некоторые аспекты изучения кинесики // Этнографическое изучение знаковых средств культуры / Отв. ред. А.С. Мыльников. Л.: Наука, 1989. С. 122–138.
- Чехов 1986 – *Чехов М.* Литературное наследие: В 2 т. Т. 2. Об искусстве актера. М.: Искусство, 1986. 587 с.
- Чухров 2011 – *Чухров К.* Быть и исполнять: проект театра в философской критике искусства. СПб.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2011. 278 с.

References

- Ailamaz'yan, A.M. (2016), "Formation of a method of musical movement. From free dance to free action", *Educational Policy*, no. 2 (72), pp. 48–59.
- Ailamaz'yan, A.M. (2021), "Free dance as a cultural-historical practice of improvisation", *National Psychological Journal*, no. 1, pp. 175–192.
- Ailamaz'yan, A.M. and Kaminskaya, N.L. (2009), "Bodily alienation. Phenomenology and conditionality of the psychological state of personality", *Zhurnal prakticheskogo psikhologa*, no. 6, pp. 45–60.
- Ailamaz'yan, A.M. and Shuvalova, N.Yu. (2010), "The Phenomenon of physicalness of personality in dancing practices", *Voprosy psikhologii*, no. 5, pp. 71–82.
- Bakhtin, M.M. (1979), *Estetika slovesnogo tvorchestva* [Aesthetics of verbal creative work], Iskusstvo, Moscow, Russia.
- Bozhovich, L.I. (1968), *Lichnost' i ee formirovanie v detskom vozraste* [Personality and its formation in childhood], Prosveshchenie, Moscow, Russia.
- Brodetskiy, A.Ya. (2000), *Vnerechevoe obshchenie v zhizni i v iskusstve: Azbuka molchaniya* [Extra-speech communication in life and in art. The ABC of silence], VLADOS, Moscow, Russia.
- Bourdieu, P. (2010), "The market for symbolic products", Zhitkov, V.G. and Klyavina, T.A. (eds.), *Sotsiologiya iskusstva: Khrestomatiya* [Sociology of Art. Textbook], Progress-Traditsiya, Moscow, Russia, pp. 280–295.
- Cassirer, E. (1998), *Izbrannoe. Opyt o cheloveke* [Selected works. Essay on Man], Gardarika, Moscow, Russia. *Cassirer*
- Chaiklin, Sh. and Vengrover, Kh. (eds.) (2017), *Iskusstvo i nauka tantseval'no-dvigatel'noi terapii: Zhizn' kak tanets* [The Art and Science of Dance-Movement Therapy. Life as Dance], Kogito-Tsentr, Moscow, Russia.
- Chekhov, M. (1986), *Literaturnoe nasledie, V 2 t. T. 2. Ob iskusstve aktera* [Literary heritage, in 2 vols., vol. 2. On the Art of the Actor], Iskusstvo, Moscow, Russia.

- Chesnov, Ya.V. (1989), "Maitreya's Step. Some aspects of the study of kinesics", Myl'nikov, A.S. (ed.), *Etnograficheskoe izuchenie znakovykh sredstv kul'tury* [Ethnographic study of the sign means of culture], Nauka, Leningrad, Russia, pp. 122–138.
- Chukhrov, K. (2011), *Byt' i ispolnyat': proekt teatra v filosofskoi kritike iskusstva* [Being and Performing. The Project of Theater in Philosophical Criticism of Art], Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge, St. Petersburg, Russia.
- Florenskii, P.A. (1993), *Analiz prostranstvennosti i vremeni v khudozhestvenno-izobrazitel'nykh proizvedeniyakh* [Analysis of Spatiality and Time in Artistic and Pictorial Works], Progress, Moscow, Russia.
- Gardner, H. (2007), *Struktura razuma. Teoriya mnozhestvennogo intellekta* [Frames of Mind. Theory of multiple intelligence], I.D. Vil'yams, Moscow, Russia.
- Kasatkina, T. (ed.) (1992), *Aisedora: Gastrol'i v Rossii (Sb. statei)* [Isadora. Concert tour in Russia. (Collection of articles)], Artist. Rezhiser. Teatr, Moscow, Russia.
- Khodasevich, V.F. (1991), *Nekropol': Vospominaniya* [Necropolis. Memories], Sovetskii pisatel', Olimp, Moscow, Russia.
- Klyainman, S. (2017), "How to find wholeness again. Dance-movement therapy with people suffering from eating disorders", Chaiklin, Sh. and Vengrover, Kh. (eds.), *Iskusstvo i nauka tantseval'no-dvigatel'noi terapii: Zhizn' kak tanets* [The Art and Science of Dance-Movement Therapy. Life as Dance], Kogito-Tsentr, Moscow, Russia, pp. 183–204.
- Kozonina, A. (2021), *Strannyye tantsy. Teorii i istorii vokrug tantseval'nogo performansy v Rossii* [Strange Dances. Theories and histories around dance performance in Russia], Muzei sovremennogo iskusstva "Garazh", Moscow, Russia.
- LaFreniere, P.J. (2004), *Emotsional'noe razvitiye detei i podrostkov* [Emotional development of children and adolescents], Praim–EVROZNAK, St. Petersburg, Russia. Emotional development / Peter J.
- Leont'ev, A.N. (1983), *Izbrannyye psikhologicheskie proizvedeniya: V 2 t. T. 2* [Selected psychological works in 2 vols., vol. 2], Pedagogika, Moscow, Russia.
- Luriya, A.R. (2003), "On a General Theory of Expressiveness (S.M. Eisenstein – thinker)", Glozman, Zh.M., Leont'eva, D.A. and Radkovskaya, E.G. (eds.), *Literaturnoe nasledie: Izbrannyye trudy po obshchei psikhologii* [Literary Heritage. Selected Works on General Psychology], Smysl, Moscow, Russia, pp. 283–294.
- Nazloyan, G.M. (1994), *Zerkal'nyi dvoynik: utrata i obretenie. Portretnyi metod psikhoterapii* [Mirror twin. Loss and gain. Portrait method of psychotherapy], Druza, Moscow, Russia.
- Ortega y Gasset, J. (1998), "The Revolt of the Masses", in Raigorodskii, D.Ya. (ed.), *Psikhologiya mass. Khrestomatiya* [Psychology of the Masses. Chrestomathy], Izdatel'kii Dom "BAKHPRAKH", Samara, Russia, pp. 195–314.
- Vygotskii, L.S. (1983), *Sobranie sochinenii: V 6 t. T. 3. Problemy razvitiya psikhiki* [Collected Works: in 6 vols., vol. 3, Issues of development of psyche], Pedagogika, Moscow, Russia.

Vygotskii, L.S. (1984), *Sobranie sochinenii: V 6 t. T. 4. Detskaya psikhologiya* [Collected Works: in 6 vols., vol. 4, Child psychology], Pedagogika, Moscow, Russia.

Zaporozhets, A.V. (1986), *Izbrannye psikhologicheskie trudy: V 2 t. T. 1. Psikhicheskoe razvitiye rebenka* [Selected psychological works, in 2 vols., vol. 1, Mental development of the child], Pedagogika, Moscow, Russia.

Информация об авторе

Аида М. Айламазьян, кандидат психологических наук, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия; 125009, Россия, Москва, ул. Моховая, д. 11, стр. 9;

Федеральный научный центр психологических и междисциплинарных исследований, Москва, Россия; 125009, Россия, Москва, ул. Моховая, д. 9, стр. 4; aida@heptachor.ru

Information about the author

Aida M. Ailamazyan, Cand. of Sci. (Psychology), Moscow State University, Moscow, Russia; bld. 11–9, Mokhovaya Street, Moscow, Russia, 125009;

Federal Scientific Center of Psychological and Multidisciplinary Research, Moscow, Russia; bld. 9–4, Mokhovaya Street, Moscow, Russia, 125009; aida@heptachor.ru

Эмпирические исследования

УДК 159.922.6

DOI: 10.28995/2073-6398-2024-4-39-59

Возрастная специфика имплицитного понимания субъективного благополучия и ситуации неопределенности

Анастасия А. Дехтяренко

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
Москва, Россия, anastasyadekhtyarenko@gmail.com*

Елена И. Шлягина

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
Москва, Россия, shliagina.e@gmail.com*

Аннотация. Статья посвящена изучению имплицитного эмоционально-смыслового содержания феноменов «субъективное благополучие» (СБ) и «неопределенность», выявленного с помощью проективной методики «незаконченные предложения» и качественного контент-анализа этих результатов, а также анализу различий в понимании этих феноменов в зависимости от количественной выраженности каждого из них, измеренной по опросным методикам. Исследование проведено на выборке 223 респондентов (152 женщины, 71 мужчина), поделенной на две группы по критерию возраста: молодежь 18–35 лет ($N = 115$) и «взрослые» 36–55 лет ($N = 108$). В результате контент-анализа выявлена эмоционально-смысловая доминанта субъективного благополучия (СБ) (категория состояний) и неопределенности (субъективный дискомфорт). Обнаружены значимые различия в понимании данных феноменов в двух группах респондентов. В результате сопоставительного анализа категорий ответов на незаконченные предложения и количественных данных, полученных по опросным методикам, выявлено, что респонденты с низким уровнем СБ чаще описывают его в терминах материального достатка и наличия работы, респонденты с низкой интолерантностью к неопределенности (ИТН) чаще описывают неопределенность как трудность выбора. Представители молодежи с высокой ИТН чаще описывают СБ как удовлетворение базовых потребностей, а с низкой ИТН чаще описывают СБ в терминах состояния. Представители группы «взрослых» с высоким уровнем СБ чаще определяют неопределенность как нестабильность. Полученные результаты позволили определить специфику осознания и личностного смысла каждого феномена у респондентов

© Дехтяренко А.А., Шлягина Е.И., 2024

разного возраста и с разной выраженностью СБ, ТН/ИТН. Использование в исследовании проективных и опросных методик, качественного и количественного методов обработки результатов дало более полное понимание изучаемых феноменов в двух возрастных группах.

Ключевые слова: субъективное благополучие, толерантность к неопределенности, интолерантность к неопределенности

Для цитирования: Дехтяренко А.А., Шлягина Е.И. Возрастная специфика имплицитного понимания субъективного благополучия и ситуации неопределенности // Вестник РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование». 2024. № 4. С. 39–59. DOI: 10.28995/2073-6398-2024-4-39-59

Age specifics of implicit understanding of subjective well-being and uncertainty situation

Anastasiya A. Dekhtyarenko
Lomonosov Moscow State University
Moscow, Russia, anastasyadekhtyarenko@gmail.com

Elena I. Shlyagina
Lomonosov Moscow State University
Moscow, Russia, shliagina.e@gmail.com

Abstract. The article deals with the study of the implicit emotional and semantic content of the subjective well-being (SWB) and the uncertainty phenomena, revealed by the projective technique “incomplete sentences” and qualitative content analysis of those results, as well as analyzing the differences in understanding of the phenomena depending on the quantitative expression of each of them, as measured using survey methods. The research was conducted on a sample of 223 respondents (152 women, 71 men) divided into two groups according to the age criterion: young people aged 18–35 (N = 115) and adults aged 36–55 (N = 108). The content analysis revealed the emotional and semantic dominance of subjective well-being (SWB) (the category of conditions) and uncertainty (subjective discomfort). Significant differences in the understanding of such phenomena in the two groups of respondents were found. As a result of the comparative analysis in the categories of answers to unfinished sentences and the quantitative data obtained by the survey methods, it was revealed that respondents with a low SWB level more often describe it in terms of material prosperity and job availability, respondents with low intolerance of uncertainty more often describe uncertainty as a difficulty of choice. Young people with high intolerance of uncertainty are more likely to describe SWB as

fulfillment of their basic needs, while those with low intolerance of uncertainty are more likely to describe SWB in terms of states. Representatives of the adult group with a high SWB level more often define uncertainty as instability. The obtained results made it possible to determine the perception specifics and personal meaning for each phenomenon among respondents of different age groups and with different expression of SWB, tolerance/intolerance of uncertainty. The use of both qualitative and quantitative methods of processing the results in the study of projective and survey techniques provided a more comprehensive understanding of the researched phenomena in the two age groups.

Keywords: subjective well-being, tolerance of uncertainty, intolerance of uncertainty

For citation: Dekhtiarenko, A.A. and Shliagina, E.I. (2024), "Age specifics of implicit understanding of subjective well-being and uncertainty situation", *RSUH/RGGU Bulletin. "Psychology. Pedagogics. Education" Series*, no. 4, pp. 39–59, DOI: 10.28995/2073-6398-2024-4-39-59

Введение

В условиях неопределенности и нестабильности современного мира особенно актуальным становится изучение факторов, влияющих на уровень СБ человека. Несмотря на многочисленное проведение количественных исследований, посвященных названной проблематике, остается малоизученным имплицитное эмоционально-смысловое содержание феноменов «субъективное благополучие» и «неопределенность» и его различие у респондентов разных возрастов.

Цель статьи:

- 1) выявить имплицитное эмоционально-смысловое содержание понятий «субъективное благополучие» и «неопределенность»;
- 2) выявить особенности понимания феноменов «субъективное благополучие» и «неопределенность» у двух возрастных групп, сопоставив его с уровнями субъективного благополучия и толерантности/интолерантности к неопределенности, измеренных по опросным методикам.

Субъективное благополучие личности и ситуация неопределенности

Последнее время в психологии большое внимание уделяется изучению благополучия личности [Герасимова, Холмогорова 2020; Шамионов 2020; Куликов и др. 2022; Самохвалова и др.

2022; Buecker et al. 2021; Jebb et al. 2020 и др.]. С учетом развития цифровых технологий, глобальных социополитических изменений появляется огромное количество информации, которая во многом является избыточной или противоречивой. В таких нестабильных внешних условиях человеку важно сохранить психологическую устойчивость, которая в большей степени формируется на основании определенных личностных характеристик [Гусельцева 2023], что, в свою очередь, сказывается на благополучии личности.

Возрастает актуальность изучения благополучия личности в ситуации нарастающей неопределенности. Ряд результатов российских и зарубежных исследователей показали опосредствующую роль толерантности к неопределенности СБ [Банщикова и др. 2022; Deniz 2021]. Однако в раннее проведенном нами исследовании, направленном на изучение вклада ТН в благополучие личности [Дехтяренко и др. 2022], вопреки нашим ожиданиям на изучаемых выборках этого вклада не было обнаружено.

Последующее изучение предикторов психологического и субъективного благополучия показало их различный вклад в зависимости от возраста [Дехтяренко, Шлягина 2023], в связи с этим мы видим целесообразным продолжение исследования СБ у представителей разных возрастных групп.

Как российские, так и зарубежные исследования доказывают U-образную форму СБ, связанную с возрастом, а именно: высокий уровень СБ наблюдается у молодежи до 30–35 лет и у людей старше 55 лет и низкий уровень благополучия у людей среднего возраста от 35 до 54 лет (есть отличия в разных странах) [Монусова 2012; Широканова 2020; Blanchflower, Oswald 2008]. Различия в уровне СБ у представителей разных возрастов объясняется такими составляющими СБ, как материальная удовлетворенность, оценка будущих перспектив, удовлетворенность трудом, которые снижаются в период от 35 до 54 лет [Монусова 2012]. Кроме того, данные возрастные периоды характеризуются ценностно-смысловыми особенностями: до 35 лет основными векторами развития являются самоопределение, построение карьеры и семьи, после 35 лет наступает «кризис среднего возраста», которому свойственно переосмысление выбранного жизненного пути, появляется сожаление об упущенных возможностях, часто сопровождающееся разочарованием [Ильин 2012].

Опираясь на исследования возрастных различий СБ и в целом разных возрастных периодов, мы предполагаем, что различия могут быть не только в уровне СБ, но и в понимании самого феномена «субъективное благополучие» в двух возрастных группах: у молодежи от 18 до 35 лет и представителей среднего возраста от 36

до 55 лет – как наиболее и наименее субъективно благополучных групп соответственно.

Несмотря на большое количество проведенных исследований на тему благополучия личности, большинство из них направлено на выявление определенных закономерностей между СБ и различными внутренними и внешними факторами. В то же время крайне мало работ, посвященных выявлению семантического содержания данных феноменов респондентами. А в теоретических обзорах определение благополучия дается на основании словарей или описаний авторов методик [Карапетян 2014]. Использование модификации проективной методики «Незаконченные предложения» в текущем исследовании как раз позволяет определить актуальное имплицитное эмоционально-смысловое содержание феноменов «субъективное благополучие» и «неопределенность».

Продолжая изучать данные феномены, мы ставили перед собой задачу определить, различается ли семантическое содержание феномена «неопределенность» у людей с разным уровнем СБ и, наоборот, различается ли семантическое содержание феномена «субъективного благополучия» у людей с разным уровнем ТН и ИТН. Для измерения уровня субъективного благополучия мы использовали методики «Шкала удовлетворенности жизнью» Э. Динера и «Шкала субъективного счастья» С. Любомирски, которые при простой структуре обладают высокими психометрическими свойствами [Осин, Леонтьев 2020]. Для измерения уровня ТН и ИТН нами была использована методика «Шкалы толерантности и интолерантности к неопределенности в модификации опросника» С. Баднера, которая обладает высокой конструктивной валидностью и позволяет измерять ТН (поведение, направленное на стремление к сложным и противоречивым ситуациям) и ИТН (поведение, направленное на избегание сложных и противоречивых ситуаций) как различные переменные, а не полюса одной шкалы, что подтверждается связью данных переменных с различными личностными характеристиками [Корнилова, Чумакова 2014]. Важно, что низкая ТН не означает высокую ИТН, а низкая ИТН не означает высокую ТН: человек может не стремиться к противоречивым ситуациям, но при этом и не избегать их.

Кроме этого, мы ставили перед собой задачу определить, совпадает ли эмоционально-смысловое содержание изучаемых феноменов нашими респондентами с содержанием, которое дается авторами опросных методик: Э. Динер и С. Любомирски определяют СБ как удовлетворенность жизнью и баланс положительных и отрицательных эмоций [Diener et al. 1999], С. Баднер, автор методики «Шкала интолерантности к неопределенности», характери-

зует неопределенность как ситуацию, которая не может быть четко интерпретирована субъектом из-за отсутствия информации или ее неоднозначности [Budner 1962].

Важно отметить, что сбор данных происходил осенью 2022 г. в период военной мобилизации, когда уровень тревожности и неопределенности в стране резко вырос [Нестик 2023], что могло сказаться на полученных результатах.

Выборка

В исследовании приняли участие 223 человека (152 женщины, 71 мужчина). Выборка была поделена на две группы по критерию возраста: 1-я группа – молодежь 18–35 года (N = 115) и 2-я группа – респонденты 36–55 лет, которых мы условно называем «взрослые» (N = 108). При определении верхней возрастной границы молодежи мы опирались на Федеральный закон «О молодежной политике в Российской Федерации»¹. Границы взрослости варьируются в разных периодизациях, поэтому мы взяли средний диапазон, который попадает в большинство классификаций [Ильин 2012].

Методики

Респондентам добровольно предлагалось пройти опрос на онлайн-платформе google.forms, состоящий из следующих методик:

1. Предложенная нами модификация проективной методики «Незаконченные предложения» Дж. Сакса и С. Леви [Сакс, Леви 2000]. Респондентам были даны два незаконченных предложения: «Для меня субъективное благополучие – это...», «Для меня неопределенность – это...»

2. «Шкалы толерантности и интолерантности к неопределенности в модификации опросника» С. Баднера [Корнилова, Чумакова 2014].

3. «Шкала субъективного счастья» С. Любомирски [Осин, Леонтьев 2020].

4. «Шкала удовлетворенности жизнью» Э. Динера [Осин, Леонтьев 2020].

В конце опроса респонденты могли оставить свой email для получения своих результатов с краткой интерпретацией.

¹Федеральный закон от 30 декабря 2020 г. № 489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации».

Методы исследования

1. В исследовании были использованы качественный и количественный методы сбора и анализа данных.

2. Незаконченные предложения анализировались с помощью контент-анализа с целью выявления наиболее часто встречающихся категорий ответов.

3. Сопоставление категорий ответов на незаконченные предложения с уровнями СБ и ТН/ИТН, измеренных по опросным методикам, проводилось с помощью таблиц сопряженности.

4. Статистическая обработка данных выполнялась с применением статистической системы IBM SPSS Statistics 23.

Результаты исследования

На первом этапе проводился анализ результатов, полученных с помощью проективной методики «Незаконченные предложения». Результаты были подвергнуты качественному контент-анализу двух предложений: «Для меня неопределенность – это...», «Для меня СБ – это...». Первично выделенные категории ответов были согласованы с тремя психологами-экспертами, после чего командой экспертов проводилось кодирование ответов.

Категории ответов для незаконченного предложения «Для меня СБ – это...» были выбраны на основании категорий, использовавшихся в предыдущем нашем исследовании, в котором изучалось эмоционально-смысловое наполнение феномена психологического благополучия [Дехтяренко и др. 2022]. Название, описание категорий и примеры ответов представлены в табл. 1.

В связи с тем, что один ответ может попадать в несколько категорий, сумма всех категорий не равна 100% (рис. 1). В результате контент-анализа, проведенного на всей выборке респондентов, выявлено, что эмоционально-смысловой доминантой СБ является категория состояний, так же как и психологического благополучия [Дехтяренко и др. 2022]. Данный результат частично соотносится с пониманием данного феномена авторами методик Э. Динера и С. Любомирски, так как для респондентов это в большей степени эмоциональная сфера, а Э. Динер включает в определение еще и когнитивный аспект. В отличие от психологического благополучия, для которого эмоционально-смысловыми субдоминантами являются отношения с близкими людьми и стабильность окружающего мира, для СБ эмоционально-смысловой субдоминантой являются трудовые процессы. Описывая СБ, респонденты чаще всего говорят о комфортном душевном состоянии, финансовом достатке и наличии работы.

Таблица 1

Категории ответов на незаконченное предложение
«Для меня субъективное благополучие – это...»

Категория	Описание	Пример высказываний
Отношение с малым социумом	Взаимодействие с близкими людьми	«Мир в семье», «Теплые отношения с близкими», «Семейное счастье»
Отношение с большим социумом	Стабильность окружающего мира	«Уверенность в завтрашнем дне», «Уверенность в будущем», «Стабильность»
Трудовые процессы	Профессиональная среда, доход	«Материальное благосостояние», «Наличие работы», «Финансовое благополучие»
Жизненные процессы	Базовые потребности личности и здоровье	«Когда все потребности удовлетворены», «Здоровье близких и мое»
Состояния и свойства	Эмоциональные состояния	«Спокойствие и комфорт», «Хорошие эмоции», «Внутренний покой»
Интересы	Личностное развитие, наличие целей в жизни	«Когда есть собственное понимание смысла жизни», «Личные ценности»

Рис. 1. Процентное соотношение выявленных категорий по результатам описания СБ по всей группе респондентов на основании незаконченного предложения «Для меня СБ – это...»

Анализируя различия встречаемости каждой категории ответов в двух выборках с помощью таблиц сопряженности, мы обнаружили, что представители молодежи значимо чаще, чем представители группы «взрослые», на уровне тенденции описывают СБ в терминах состояния ($\chi^2 = 3,708$, $p = 0,55$) и личностной реализации ($\chi^2 = 3,676$, $p = 0,55$). По другим категориям значимых отличий между двумя возрастными группами обнаружено не было (рис. 2).

Рис. 2. Процентное соотношение выявленных категорий по результатам описания СБ в двух группах респондентов на основании методики «Незаконченные предложения»

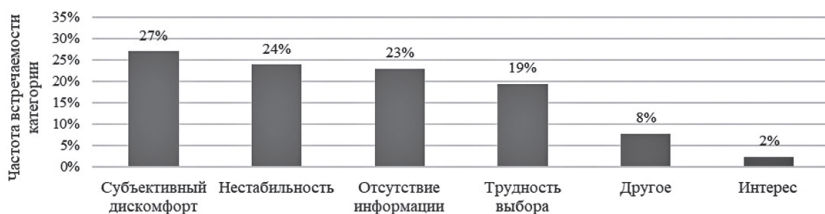
При анализе вопроса «Для меня неопределенность – это...» на основании ответов респондентов группой экспертов были согласованы категории, представленные в табл. 2.

В результате распределения ответов респондентов по выделенным категориям выявлено, что эмоционально-смысловой доминантой феномена «неопределенность» являются негативные эмоциональные переживания, например страх, тревога, волнение, а субдоминантами являются категории нестабильности и отсутствия информации (рис. 3). Это отличается от понимания С. Баднером феномена неопределенности. Если С. Баднер акцентирует внимание на характеристиках ситуации, а именно ее неоднозначности или неполноте информации, то в понимании наших респондентов основной акцент делается на внутреннем состоянии, т. е. на переживании ситуаций человеком.

Таблица 2

Категории ответов на незаконченное предложение
«Для меня неопределенность – это...»

Категория	Описание	Пример высказываний
Отсутствие информации	Недостаток информации, полное отсутствие информации	«Неизвестность результата или ответа», «Недоговоренности, отсутствие точных данных»
Трудность выбора	Субъективная трудность в принятии решения	«Когда сложно сделать выбор», «Наличие нескольких вариантов развития событий», «Неоднозначность»
Нестабильность	Невозможность планирования из-за постоянных изменений	«Когда в любой момент внешние обстоятельства могут поменяться», «Невозможность прогнозировать свою жизнь»
Интерес	Неопределенность как вызов	«Это интересная задача», «Шанс к лучшему»
Субъективный дискомфорт	Эмоциональные негативные состояния	«Тревога, страх», «Вечное сомнение, которое внушает неуверенность в себе»

Категории ответов

Рис. 3. Процентное соотношение выявленных категорий по результатам описания неопределенности по всей группе респондентов на основании незаконченного предложения «Для меня неопределенность – это...»

При сравнении частоты встречаемости категорий в группах молодежи и «взрослых» было обнаружено одно значимое отличие по категории «трудность выбора» ($\chi^2 = 5,374, p < 0,05$): при описании неопределенности среди представителей молодежи значимо чаще встречались ответы, связанные с трудностью принятия решения (рис. 4).

Рис. 4. Процентное соотношение выявленных категорий по результатам описания неопределенности в двух группах респондентов на основании методики «Незаконченные предложения»

Целью следующего этапа было выявление наличия значимой связи между уровнем СБ и его эмоционально-смысловым содержанием и связи между уровнями ТН/ИТН и эмоционально-смысловым содержанием феномена «неопределенность», т. е. мы сопоставляли ответы респондентов на незаконченные предложения с их уровнем СБ, измеренного по шкале Э. Динера и С. Любомирски, и с ТН/ИТН, измеренными по шкале С. Баднера, соответственно.

Для реализации данной цели мы разделили всю выборку респондентов на три группы по уровню СБ, рассчитанного как среднее значение между показателями шкалы удовлетворенности жизнью Э. Динера и шкалы субъективного счастья С. Любомирски. Разделение респондентов на три группы было произведено на основании квартилей частотного распределения. В первую группу вошел 61 человек с низким уровнем СБ (по 1-му квартилю), во вторую группу вошли 67 человек с высоким уровнем СБ (по 4-му квартилю), оставшаяся часть респондентов со средним уровнем СБ вошла в третью группу, которую мы не рассматривали (2-й и 3-й квартили).

С помощью таблиц сопряженности мы выявляли различия в частоте встречаемости категории ответов в группах людей с высоким и низким уровнем СБ. В результате анализа было получено

значимое отличие по категории «трудовые процессы» ($\chi^2 = 4,212$, $p < 0,05$): респонденты с низким уровнем СБ чаще, чем респонденты с высоким уровнем СБ, описывали его в терминах материально-го достатка и наличия работы.

Аналогично разделению респондентов на группы с высоким и низким уровнем СБ, мы разделили респондентов на группы с высокой и низкой ТН (наличием/ отсутствием стремления к сложным и противоречивым ситуациям) и с высокой и низкой ИТН (наличием/отсутствием избегания сложных и противоречивых ситуаций), измеренными по «Шкале толерантности к неопределенности» С. Баднера. Среди респондентов с низкой и высокой ТН значимых различий в категориях ответов не было обнаружено. Среди респондентов с низкой и высокой ИТН было обнаружено одно значимое различие по категории «трудность выбора» ($\chi^2 = 5,644$, $p < 0,05$): респонденты с низкой ИТН, которым не свойственно избегание неопределенных ситуаций, значимо чаще выбирали данную категорию, чем респонденты с высокой ИТН.

На последнем этапе мы проверяли, есть ли различия в понимании СБ у представителей молодежи и представителей группы «взрослых» с разным уровнем ТН/ИТН и есть ли различия в понимании неопределенности у людей с разным уровнем СБ.

В результате сопряжения категорий ответов на незаконченное предложение «Для меня субъективное благополучие – это...» с высокой и низкой ИТН в группе молодежи были обнаружены следующие различия: респонденты с высокой ИТН значимо чаще, чем респонденты с низкой ИТН, описывали СБ как удовлетворение базовых потребностей, в том числе состояние здоровья ($\chi^2 = 6,833$, $p < 0,05$), а респонденты с низкой ИТН значимо чаще описывали СБ в терминах состояния ($\chi^2 = 6,392$, $p < 0,05$). В группе «взрослых» различий по данным критериям обнаружено не было.

Различное понимание неопределенности и субъективного благополучия у респондентов с разной ИТН и отсутствие таких различий у респондентов с разной ТН дополнительно подтверждает факт рассмотрения ТН и ИТН как независимых переменных.

В результате сопряжения категорий ответов на незаконченное предложение «Для меня неопределенность – это...» с высоким и низким уровнем СБ среди представителей группы «взрослых» было выявлено одно значимое различие: респонденты с высоким уровнем СБ чаще определяют неопределенность как нестабильность, т. е. невозможность планирования ($\chi^2 = 4,998$, $p < 0,05$). В группе молодежи различий по данным критериям обнаружено не было.

Таким образом, нами были обнаружены эмоционально-смысловые доминанты и субдоминанты феноменов «субъективное благополучие» и «неопределенность», а также различия в понимании данных феноменов в двух группах респондентов.

Обсуждение результатов

Результаты контент-анализа феномена «субъективное благополучие» показали, что большинство респондентов в обеих возрастных группах описывают его как спокойное комфортное состояние и душевную гармонию. Аналогичные результаты были получены в предыдущем нашем исследовании, где изучалось эмоционально-смысловое содержание феномена «психологическое благополучие» [Дехтяренко и др. 2022].

Это говорит о том, что и психологическое благополучие, и субъективное благополучие в восприятии людей в первую очередь связаны с определенным состоянием спокойствия.

Представители группы молодежи чаще, чем представители группы «взрослых», описывают СБ в терминах состояния и личностной реализации, т. е. под субъективно благополучным человеком молодежь понимает эмоционально спокойного человека, у которого есть цели в жизни и который удовлетворен своей деятельностью. Во многом данные различия могут быть связаны с этапом взросления молодежи, когда происходит сепарация от родителей, приобретение автономии и на первый план выходят потребность в самореализации и профессиональная идентичность, в становлении которой значимым аспектом является комфортное душевное состояние [Манукян 2022].

В исследовании психологического благополучия было выявлено, что его эмоционально-смысловыми субдоминантами являются отношения с близкими людьми и стабильность окружающего мира [Дехтяренко и др. 2022], а эмоционально-смысловой субдоминантой СБ по результатам текущего исследования является категория материального достатка, т. е. психологическое благополучие больше ассоциируется с нематериальными благами, а СБ – с материальными. Данный факт подтверждается тем, что у респондентов с низким уровнем СБ категория «трудовые процессы» встречается значимо чаще, чем у людей с высоким уровнем СБ. Предположительно, люди с низким уровнем СБ считают, что улучшение финансового положения позволит им чувствовать себя более счастливыми.

При анализе неопределенности наиболее часто встречаемой категорией является «субъективный дискомфорт». Неопределен-

ность понимается нашими респондентами именно как негативно окрашенное эмоциональное состояние, причем процент встречаемости данной категории одинаковый и для представителей молодежи, и для представителей группы «взрослых», что может быть связано с общим уровнем повышенной тревожности [Нестик 2023].

Различия между группами наблюдаются по категории «трудность выбора»: у представителей молодежи данная категория встречается значимо чаще, чем у представителей группы «взрослых». Это можно объяснить тем, что молодежь впервые сталкивается с важными выборами, которые повлияют на их жизнь: выбор профессии, места работы, партнера, жилья и др., и в каждой сфере существует как минимум две альтернативы, что затрудняет процесс принятия решения. При этом интересно, что у респондентов с низкой ИТН данная категория встречается чаще. Вероятно, они лучше адаптированы к ситуациям с различным исходом, что может быть связано с их способностью к открытости к новому опыту, гибкостью в принятии решений и активным поиском информации перед принятием решения. Эти качества позволяют им воспринимать и рассматривать больше альтернатив, что делает процесс выбора более сложным. Низкая ИТН способствует более эффективному принятию решений в условиях неопределенности за счет глубокого анализа и оценки различных вариантов действий.

Представители молодежи с высокой ИТН чаще описывают субъективное благополучие в терминах удовлетворения базовых потребностей (здоровье, безопасность и др.), поскольку они обеспечивают фундаментальное чувство контроля над своей жизнью. Для молодых людей, испытывающих дискомфорт от неопределенных ситуаций, фокус внимания на базовых потребностях помогает минимизировать внешнюю неопределенность и снижать уровень стресса [Ожиганова 2022].

Также важным фактором является реакция на текущие социально-экономические условия, которые могут усиливать ощущение неопределенности и непредсказуемости будущего. Психологическая устойчивость в таких условиях формируется через чувство уверенности, достигаемое благодаря удовлетворению этих фундаментальных потребностей. Это способствует тому, что молодежь, плохо переносящая неопределенность, чувствует себя более благополучной, стремясь разработать план, направленный на достижение стабильности и предсказуемости в своей жизни, и следовать ему [Банщикова и др. 2022].

Молодые люди с низкой ИТН, описывая субъективное благополучие в основном через состояние внутреннего спокойствия,

подчеркивают центральную роль эмоционального равновесия и психологического комфорта в их жизни. Известно, что некоторые люди воспринимают неопределенность не как источник тревоги и страха, а как пространство для личностного роста и самореализации [Мохов, Бабушкина 2022]. Их готовность к принятию новых вызовов и адаптации к меняющимся обстоятельствам свидетельствует о глубоком понимании того, что истинное благополучие скорее связано с умением находить внутренний баланс и гармонию, чем с внешними достижениями или материальным успехом [Банщикова и др. 2022].

Таким образом, для молодых людей с низкой ИТН понятие СБ тесно связано с внутренними состояниями удовлетворенности, радости и спокойствия. Их подход к жизни, ориентированный на внутренний мир и эмоциональное состояние, отражает убеждение в том, что настоящее благополучие начинается с гармонии с самим собой.

Представители группы «взрослых» с высоким уровнем СБ описывают неопределенность в терминах нестабильности, что, на наш взгляд, может являться подтверждением их способности адаптироваться и быть уверенными даже в постоянно изменяющихся условиях. Такие люди обладают глубоким пониманием того, что жизнь непредсказуема и подвержена постоянным изменениям, что заставляет их воспринимать неопределенность как неизбежный аспект существования. Вероятно, их высокий уровень СБ связан с тем, что они научились находить удовлетворение в жизни независимо от внешних обстоятельств. Взрослым, достигшим высокого уровня СБ, свойственна самоэффективность, вера в свои силы и способности преодолевать трудности [Дехтяренко и др. 2022], что позволяет им уверенно чувствовать себя даже в условиях нестабильности.

Описание неопределенности в терминах нестабильности может также отражать их реалистичный взгляд на мир. Они осознают, что не все аспекты жизни можно проконтролировать, и принимают неопределенность как часть жизненного процесса. Вместо того чтобы сопротивляться изменениям, они стремятся адаптироваться к ним благодаря внутренним ресурсам – жизнестойкости, самопринятию и др. [Мухина, Князева 2021].

Заключение

Таким образом, проведенное исследование позволило определить эмоционально-смысловые доминанты СБ и неопределенности и значимые различия в их понимании у разных возрастных групп

и с разным уровнем выраженности СБ и ТН/ИТН. Результаты количественных и качественных исследований дают нам понимание динамики уровня благополучия и его восприятия в зависимости от возраста, что связано с ценностно-смысловыми особенностями и жизненными приоритетами каждого периода.

Тем не менее данное исследование обладает определенными ограничениями, влияющими на обобщение полученных данных. Во-первых, при делении респондентов на несколько групп, например по возрасту и по уровню СБ, в каждой группе получается небольшое количество людей. Во-вторых, восприятие исследуемых феноменов может быть связано с социополитической обстановкой и являться ситуативным. В-третьих, несмотря на разделение выборки на две группы, возрастной диапазон в каждой группе остается широким. В связи с приведенными выше ограничениями мы считаем целесообразным продолжить более детальное изучение восприятия данных феноменов в разных группах.

Выводы

1. В результате проведенного исследования нами было выявлено имплицитное эмоционально-смысловое содержание феноменов «субъективное благополучие» (состояние внутренней гармонии) и «неопределенность» (дискомфортное эмоциональное состояние).

2. При сопоставлении понимания феномена «субъективное благополучие» нашими респондентам и авторами опросных методик наблюдается конгруэнтность: и респонденты, и авторы методик выделяют его эмоциональную составляющую.

3. При сопоставлении понимания феномена «неопределенность» нашими респондентам и авторами опросных методик конгруэнтность отсутствует: респонденты акцентируют внимание на эмоциональном негативном восприятии ситуации неопределенности, что ближе именно к конструкту «интолерантности к неопределенности», а С. Баднер описывает именно характеристики самой неопределенности.

4. При сравнении эмоционально-смыслового содержания субъективного благополучия и неопределенности в двух группах респондентов было выявлено, что представители молодежи значимо чаще описывают субъективное благополучие в терминах состояния и личностной реализации и значимо чаще описывают неопределенность в терминах трудности выбора.

5. Респонденты с низким уровнем субъективного благополучия чаще, чем респонденты с высоким уровнем субъективного благополучия, описывали его в терминах материального недостатка и наличия

работы. Респонденты с низкой интолерантностью к неопределенности значимо чаще выбирали категорию «трудность выбора», чем респонденты с высокой интолерантностью к неопределенности.

6. Среди представителей молодежи респонденты с высокой интолерантностью к неопределенности значимо чаще, чем респонденты с низкой интолерантностью к неопределенности описывали субъективное благополучие как удовлетворение базовых потребностей, в том числе состояния здоровья, а респонденты с низкой интолерантностью к неопределенности значимо чаще описывали субъективное благополучие в терминах состояния.

7. Среди представителей группы «взрослых» респонденты с высоким уровнем субъективного благополучия чаще, чем респонденты с низким уровнем субъективного благополучия, определяют неопределенность как нестабильность.

8. Использование смешанного метода исследования позволило сопоставить результаты ответов на незаконченные предложения с уровнем выраженности феноменов субъективного благополучия и неопределенности, измеренным по опросным методикам, что дало более полное понимание изучаемых феноменов в двух возрастных группах.

9. Различия в понимании феноменов «субъективное благополучие» и «неопределенность» в двух возрастных группах позволяют определить, с какой сферой в первую очередь надо работать для повышения уровня субъективного благополучия и качества адаптации к ситуациям неопределенности.

Литература

- Банщикова и др. 2022 – *Банщикова Т.Н., Соколовский М.Л., Коростелева Т.В.* Саморегуляция и толерантность к неопределенности как ресурсы субъективного благополучия современной молодежи: кросс-культурный аспект // Вестник РУДН. Серия «Психология и педагогика». 2022. № 4. С. 717–743.
- Герасимова, Холмогорова 2020 – *Герасимова А.А., Холмогорова А.Б.* Стратегии совладания, психологическое благополучие и проблемное использование интернета в период пандемии // Психологическая наука и образование. 2020. Т. 25. № 6. С. 31–40.
- Гусельцева 2023 – *Гусельцева М.С.* Психологическая устойчивость личности в свете психологии ценностей: диалектика постоянства и изменчивости // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология. 2023. Т. 13. № 3. С. 290–309.
- Дехтяренко и др. 2022 – *Дехтяренко А.А., Шлягина Е.И., Гусев А.Н.* Предикторы психологического благополучия // Вопросы психологии. 2022. Т. 68. № 2. С. 135–146.

- Дехтяренко, Шлягина 2023 – *Дехтяренко А.А., Шлягина Е.И.* Долгосрочная ориентация личности как предиктор психологического благополучия // Вопросы психологии. 2023. Т. 69. № 5. С. 40–51.
- Ильин 2012 – *Ильин Е.П.* Психология взрослости. СПб.: Питер, 2012. С. 13.
- Карапетян 2014 – *Карапетян Л.В.* Теоретические подходы к пониманию субъективного благополучия // Известия Уральского федерального университета. Серия 1 «Проблемы образования, науки и культуры». 2014. № 1. С. 171–182.
- Корнилова, Чумакова 2014 – *Корнилова Т.В., Чумакова М.А.* Шкалы толерантности и интолерантности к неопределенности в модификации опросника С. Баднера // Экспериментальная психология. 2014. № 1. С. 92–110.
- Куликов и др. 2022 – *Куликов Л.В., Маленова А.Ю., Потапова Ю.В.* Интернет-предпочтения студентов средних специальных и высших учебных заведений с разным уровнем субъективного благополучия // Современные проблемы науки и образования. 2022. № 1. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=31474> (дата обращения 2 июля 2024).
- Манукян 2022 – *Манукян В.Р.* Взросление молодежи: сепарация от родителей, субъективная взрослость и психологическое благополучие в возрасте 18–27 лет // Психологическая наука и образование. 2022. Т. 27. № 3. С. 129–140.
- Монусова 2012 – *Монусова Г.А.* Субъективное благополучие и возраст: Россия в контексте международных сравнений // Материалы XII Международной научной конференции по проблемам развития экономики и общества. 2012. Т. 3. С. 98–109.
- Мохов, Бабушкина 2022 – *Мохов В.А., Бабушкина С.Л.* Роль экзистенциального опыта в переживании ситуации неопределенности // Вестник РГГУ. Психология. Педагогика. Образование. 2022. № 2. С. 26–46.
- Мухина, Князева 2021 – *Мухина С.Е., Князева Ю.С.* Толерантность к ситуации неопределенности как условие социально-психологической адаптации «взрослых» // Проблемы и вопросы психологии развития, возрастной психологии. 2021. № 1. С. 55–68.
- Нестик 2023 – *Нестик Т.А.* Психологическое состояние российского общества в условиях СВО // Социодиггер. 2023. Т. 4. № 9 (28). URL: <https://sociodigger.ru/articles/articles-page/psikhologicheskoe-sostojanie-rossiiskogo-obshchestva-v-uslovijakh-svo> (дата обращения 1 июля 2024).
- Ожиганова 2022 – *Ожиганова Г.В.* Структурно-уровневый подход в психологии и его применение для изучения высших способностей // Ярославский педагогический вестник. 2022. № 1. С. 82–95.
- Осин, Леонтьев 2020 – *Осин Е.Н., Леонтьев Д.А.* Краткие русскоязычные шкалы диагностики субъективного благополучия: психометрические характеристики и сравнительный анализ // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2020. № 1. С. 117–142.
- Сакс, Леви 2000 – *Сакс Дж.М., Леви С.* Тест «Завершение предложений» // Проективная психология / Под ред. Р. Римской, И. Кириллова. М.: Эксмо-Пресс, 2000. С. 203–237.

- Самохвалова и др. 2022 – Самохвалова А.Г., Шитова Н.С., Тихомирова Е.В., Вишневецкая О.Н. Психологическое благополучие современных студентов: типология и мишени психологической помощи // Консультативная психология и психотерапия. 2022. Т. 30. № 1. С. 29–48.
- Шамяионов 2020 – Шамяионов Р.М. Соотношение социальной активности и удовлетворенности базовых психологических потребностей, субъективного благополучия и социальной фрустрированности молодежи // Сибирский психологический журнал. 2020. № 77. С. 176–195.
- Широкаянова 2020 – Широкаянова А.А. Тренды субъективного благополучия в России: 1998–2018 // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. 2020. Т. 13. Вып. 1. С. 4–24.
- Blanchflower, Oswald 2008 – Blanchflower D., Oswald A. Is Well-being U-Shaped over the Life Cycle? // *Social Science & Medicine*. 2008. Vol. 66 (8). P. 1733–1749.
- Budner 1962 – Budner S. Intolerance of ambiguity as a personality variable // *Journal of Personality*. 1962. Vol. 30. № 1. P. 29–50.
- Buecker et al. 2021 – Buecker S., Simacek T., Ingwersen B. Physical activity and subjective well-being in healthy individuals: a meta-analytic review // *Health Psychology Review*. 2021. Vol. 15. № 4. P. 574–592.
- Deniz 2021 – Deniz M.E. Self-compassion, intolerance of uncertainty, fear of COVID-19, and well-being: A serial mediation investigation // *Personality and Individual Differences*. 2021. Vol. 177. URL: <https://doi.org/10.1016/j.paid.2021.110824> (дата обращения 1 июля 2024).
- Diener et al. 1999 – Diener E., Suh E.M., Lucas R.E., Smith H.L. Subjective well-being: Three decades of progress // *Psychological Bulletin*. 1999. Vol. 125. № 2. P. 276–302.
- Jebb et al. 2020 – Jebb A.T., Morrison M., Tay L., Diener E. Subjective Well-Being Around the World: Trends and Predictors Across the Life Span // *Psychological Science*. 2020. Vol. 31 (3). P. 293–305.

References

- Banshchikova, T.N., Sokolovskii, M.L. and Korosteleva, T.V. (2022), “Self-regulation and tolerance to uncertainty as resources for the subjective well-being of modern youth: a cross-cultural aspect”, *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*, no. 4, pp. 717–743.
- Blanchflower, D. and Oswald, A. (2008), “Is Well-being U-Shaped over the Life Cycle?”, *Social Science & Medicine*, vol. 66 (8), pp. 1733–1749.
- Budner, S. (1962), “Intolerance of ambiguity as a personality variable”, *Journal of Personality*, vol. 30, no. 1, pp. 29–50.
- Buecker, S., Simacek, T. and Ingwersen, B. (2021), “Physical activity and subjective well-being in healthy individuals: a meta-analytic review”, *Health Psychology Review*, vol. 15, no. 4, pp. 574–592.

- Dekhtyarenko, A.A. and Shlyagina, E.I. (2023), “Long-term personality orientation as a predictor of psychological well-being”, *Voprosy psikhologii*, vol. 69, no. 5, pp. 40–51.
- Dekhtyarenko, A.A., Shlyagina, E.I., and Gusev, A.N. (2022), “Predictors of psychological well-being”, *Voprosy psikhologii*, vol. 68, no. 2, pp. 135–146.
- Deniz, M.E. (2021), “Self-compassion, intolerance of uncertainty, fear of COVID-19, and well-being: A serial mediation investigation”, *Personality and Individual Differences*, vol. 177, available at: <https://doi.org/10.1016/j.paid.2021.110824> (Accessed 2 July 2024).
- Diener, E., Suh, E.M., Lucas, R.E. and Smith, H.L. (1999), “Subjective well-being: Three decades of progress”, *Psychological Bulletin*, vol. 125, no. 2, pp. 276–302.
- Gerasimova, A.A. and Kholmogorova, A.B. (2020), “Coping strategies, psychological well-being and problematic Internet use during a pandemic”, *Psychological Science and Education*, vol. 25, no. 6, pp. 31–40.
- Guseltseva, M.S. (2023), “Psychological stability of the personality in the light of the psychology of values: the dialectic of constancy and variability”, *Vestnik of Saint Petersburg University. Psychology*, vol. 13, no. 3, pp. 290–309.
- Il'in, E.P. (2012), *Psihologiya vzroslosti* [Psychology of adulthood], Piter, St. Petersburg, Russia.
- Jebb, A.T., Morrison, M., Tay, L. and Diener, E. (2020), “Subjective Well-Being Around the World: Trends and Predictors Across the Life Span”, *Psychological Science*, vol. 31 (3), pp. 293–305.
- Karapetyan, L.V. (2014), “Theoretical approaches to understanding subjective well-being”, *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya 1. Problemy obrazovaniya, nauki i kul'tury*, no. 1, pp. 171–182.
- Kornilova, T.V. and Chumakova, M.A. (2014), “Tolerance and intolerance of ambiguity in the modification of Budner's questionnaire”, *Experimental Psychology*, no. 1, pp. 92–110.
- Kulikov, L.V., Malenova, A.Yu. and Potapova, Yu.V. (2022), “Internet preferences of students of secondary special and higher educational institutions with different level of subjective well-being”, *Modern problems of science and education*, no. 1, available at: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=31474> (Accessed 2 July 2024).
- Manukyan, V.R. (2022), “Growing up of youth: separation from parents, subjective adulthood and psychological well-being at the age of 18–27”, *Psychological Science and Education*, vol. 27, no. 3, pp. 129–140.
- Mokhov, V.A. and Babushkina, S.L. (2022), “The role of existential experience in processing uncertainty”, *RSUH/RGGU Bulletin. "Psychology. Pedagogics. Education" Series*, no. 2, pp. 26–46.
- Monusova, G.A. (2012), “Subjective well-being and age. Russia in the context of international comparisons”, *Materialy XII Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii po problemam razvitiya ekonomiki i obshchestva* [XII International Scientific Conference Proceedings on the Issues of Development of Economy and Society], vol. 3, Moscow, Russia, 2007, pp. 98–109.

- Muhina, S.E. and Knyazeva, Yu.S. (2021), "Tolerance to the situation of uncertainty as a condition of social and psychological adaptation of 'adults' ", *Problemy i voprosy psikhologii razvitiya, vozrastnoi psikhologii*, no. 1, pp. 55–68.
- Nestik, T.A. (2023), "The psychological state of Russian society in the context of a special military operation", *Sociodigger*, vol. 4, no. 9 (28), available at: <https://sociodigger.ru/articles/articles-page/psikhologicheskoe-sostojanie-rossiiskogo-obshchestva-usloviyakh-svo> (Accessed 1 July 2024).
- Osin, E.N. and Leont'ev, D.A. (2020), "Brief Russian-language instruments to measure subjective well-being", *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, no. 1, pp. 117–142.
- Ozhiganova, G.V. (2022), "The structural-level approach in psychology and its application to the study of higher abilities", *Yaroslavl Pedagogical Bulletin*, no. 1, pp. 82–95.
- Sacks, J.M. and Levi, S. (2000), "The 'Completion of sentences' test", in Rinskaya, R. and Kirillova, I. (eds.), *Proektivnaya psikhologiya* [Projective psychology], Eksmo-Press, Moscow, Russia.
- Samokhvalova, A.G., Shipova, N.S., Tikhomirova, E.V. and Vishnevskaya, O.N. (2022), "Psychological well-being of modern students: typology and targets of psychological help", *Counseling Psychology and Psychotherapy*, vol. 30, no. 1, pp. 29–48.
- Shamionov, R.M. (2020), "The Ratio of Social Activity and Satisfaction of Basic Psychological Needs, Subjective Well-being and Social Frustration of Young People", *Sibirskiy Psikhologicheskij Zhurnal – Siberian journal of psychology*, no. 77, pp. 176–195.
- Shirokanova, A.A. (2020), "Trends of subjective well-being in Russia: 1998–2018", *Vestnik of Saint Petersburg University. Sociology*, vol. 13 (1), pp. 4–24.

Информация об авторах

Анастасия А. Дехтяренко, аспирант, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия; 119991, Россия, Москва, Ленинские горы, д. 1; anastasyadekhtyarenko@gmail.com

Елена И. Шлягина, кандидат психологических наук, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия; 119991, Россия, Москва, Ленинские горы, д. 1; shliagina.e@gmail.com

Information about the authors

Anastasiya A. Dekhtyarenko, postgraduate student, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; bld. 1, Leninskie Gory, Moscow, Russia, 119991; anastasyadekhtyarenko@gmail.com

Elena I. Shlyagina, Cand. of Sci. (Psychology), Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; bld. 1, Leninskie Gory, Moscow, Russia, 119991; shliagina.e@gmail.com

УДК 159.9+004.73

DOI: 10.28995/2073-6398-2024-4-60-82

Проявления перфекционизма, самоотношения и личностных черт в цифровом пространстве

Оксана В. Гавриченко

*Российский государственный гуманитарный университет
Москва, Россия, Oksana-danshina@rambler.ru*

Надежда Б. Ким

*Российский государственный гуманитарный университет
Москва, Россия, nadejda_kim_96@mail.ru*

Аннотация. В данной статье описываются психологические аспекты проявления перфекционизма, самоотношения и личностных черт в период ранней и средней зрелости пользователями социальных сетей. В работе анализируется цифровое пространство социальных сетей, ориентированных на текстовый и визуальный контент. Рассматриваются факторы предпочтения конкретной социальной сети, времяпровождения в данном цифровом пространстве в день, и особенности, связанные с полом и возрастом, которые будут проявляться в определенных психологических феноменах. Выборка исследования – 102 человека, активно использующих социальные сети, в возрасте от 22 до 60 лет. Результаты исследования показывают, что пользователи Instagram (проект Meta Platforms Inc., деятельность которой в России запрещена) демонстрируют более низкий уровень социально предписанного перфекционизма и садизма по сравнению с пользователями Telegram. По шкалам нарциссизм и самооценка высокая (неадекватная) у пользователей Instagram более высокие показатели. Пользователи, проводящие менее 30 минут в социальных сетях, демонстрируют более высокие показатели по шкалам самооценка высокая (неадекватная) и самооценка высокая (адекватная) по сравнению с теми, кто проводит в социальных сетях более 30 минут. По возрастному параметру выявлено, что пользователи в возрасте от 22 до 35 лет демонстрируют более высокий уровень перфекционизма, ориентированного на себя, и перфекционизма, ориентированного на других, по сравнению с пользователями в возрасте от 36 до 60 лет. Также в этой возрастной группе отмечаются более высокие показатели по шкале самооценка высокая (неадекватная) и самооценка высокая (адекватная). В то же время самооценка средняя (адекватная) у пользователей в возрасте от 22 до 35 лет несколько ниже, чем у пользователей старшей возрастной группы. Также

© Гавриченко О.В., Ким Н.Б., 2024

женщины в данной выборке демонстрируют более высокий уровень перфекционизма, ориентированного на других, по сравнению с мужчинами.

Ключевые слова: цифровое пространство, перфекционизм, самооотношение, личностные черты, социальные сети, социально предписанный перфекционизм, нарциссизм, садизм, психопатия, макиавеллизм, самооценка

Для цитирования: Гавриченко О.В., Ким Н.Б. Проявления перфекционизма, самооотношения и личностных черт в цифровом пространстве // Вестник РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование». 2024. № 4. С. 60–82. DOI: 10.28995/2073-6398-2024-4-60-82

Manifestation of perfectionism, self-conception and personality traits in the digital space

Oksana V. Gavrichenko

*Russian State University for the Humanities
Moscow, Russia, Oksana-danshina@rambler.ru*

Nadezhda B. Kim

*Russian State University for the Humanities
Moscow, Russia, nadejda_kim_96@mail.ru*

Abstract. The article describes the psychological aspects of the perfectionism manifestation, self-conception and personality traits in the period of early and middle maturity by users of social networks. The paper analyzes the digital space of social networks focused on text and visual content. It considers the factor of preference for a particular social network, time spent in a given digital space per day, and characteristics related to gender and age which will manifest in certain psychological phenomena. The study sample consisted of 102 people who actively use social networks, aged 22 to 60 years. The results of the study show that Instagram users (a project of Meta Platforms Inc., whose activities are prohibited in Russia) demonstrate a lower level of socially prescribed perfectionism and sadism compared to Telegram users. According to the scales, narcissism and self-esteem are high (inadequate), Instagram users have higher indicators. Users who spend less than 30 minutes on social media show higher scores on the scales of self-esteem high (inadequate) and self-esteem high (adequate) compared to those who spend more than 30 minutes on social media. In terms of age parameter, it was found that users between 22 to 35 years of age showed higher levels of self-centered perfectionism and others-centered perfectionism compared to users between 36 to 60 years of age. Also, that age group has higher scores on the self-esteem high (inadequate) and self-esteem

high (adequate) scales. At the same time, the self-esteem average (adequate) of users aged 22 to 35 is slightly lower than that of users in the older age group. Likewise, women in the sample exhibit higher levels of perfectionism, which is other-oriented, compared to men.

Keywords: digital space, perfectionism, self-conception, personality traits, social networks, socially prescribed perfectionism, narcissism, sadism, psychopathy, machiavellianism, self-esteem

For citation: Gavrichenko, O.V. and Kim, N.B. (2024), "Manifestation of perfectionism, self-conception and personality traits in the digital space", *RSUH/RGGU Bulletin. "Psychology. Pedagogics. Education" Series*, no. 4, pp. 60–82, DOI: 10.28995/2073-6398-2024-4-60-82

Введение

В новом тысячелетии мы можем говорить о существовании «цифрового общества», в ходе взаимодействия с которым человек сталкивается с рядом особенностей, проявляющихся в развитии психики и личности на разных этапах онтогенеза, а также с определенной психологической спецификой организации интерактивности внутри самого киберпространства.

В настоящее время проблема цифровой идентичности стала важным аспектом, объясняющим взаимоотношения между человеком и обществом и процессы социализации личности в условиях всеобщей цифровизации. Ее значимость обусловлена радикальными изменениями как в социальном пространстве, так и в личностных характеристиках участников цифрового мира.

Современное общество стремительно развивается благодаря технологическим изменениям, которые оказывают значительное влияние на все аспекты человеческой жизни. Психология, следуя этому тренду, все больше внимания уделяет исследованию цифрового пространства и тому, как индивид адаптируется к этой среде, живет, развивается и реализует себя в ней. В отечественной психологии этим вопросом занимаются такие исследователи, как А.Г. Асмолов, Т.Д. Марцинковская, Г.У. Солдатова, Н.А. Андреева, Н.В. Чудова, А.Е. Войскунский, Ю.П. Зинченко, А.Е. Жичкина, Е.П. Белинская и другие.

По словам А.Г. Асмолова, Интернет превратился в первое всемирное, доступное для всех, постоянно создающее новое и непрерывно функционирующее пространство [Асмолов, Асмолов 2019, с. 25]. Современные технологии существенно изменяют личностные качества и особенности людей [Голубева 2020]. Дж. Ланир под-

черкивает важное свойство информационных технологий: «Самая важная характеристика технологии – это то, как она меняет людей» [Ланир 2011, с. 317].

На протяжении многих лет наблюдается рост интереса к изучению интернета, дигитализации социальных сетей в совокупности с психологическим состоянием различных возрастных групп [Шейнов 2021]. Интерактивные платформы имеют как положительные, так и отрицательные стороны, влияя на проявление определенных характеристик у взрослого населения [Войскунский, Брызгалин 2018]. Социальные сети значительно изменили межличностную коммуникацию и способы общения, занимая важное место в формировании цифровой идентичности и построении новых взаимоотношений [Twenge, Campbell 2019; Barbosa et al. 2020; Holliman et al. 2021].

Существуют разные мнения о том, какое воздействие оказывают социальные сети на нашу жизнь – негативное или позитивное [Dhir et al. 2018; Tateno et al. 2019; Kircaburun et al. 2020; Chatterjee 2020].

Перфекционизм напрямую связан с активностью в социальных сетях, включая поведение пользователей, эмоциональные реакции и интерпретацию опыта. Многие исследователи описывают перфекционизм как устойчивую черту личности [Hewitt et al. 2003]. Часто он сопровождается неудовлетворенностью внешним видом, когда люди не могут принять свои несовершенства [Dopovan et al. 2014].

В современном мире перфекционизм и тревожность как особенность самоотношения в молодом и зрелом возрасте становятся все более актуальными. Отмечается, что повышенный уровень тревожности, являясь одним из факторов, ведущих к психическим нарушениям, тесно связан с перфекционизмом. Этот феномен не только снижает удовлетворенность жизнью, но и провоцирует страх неуспеха, что ухудшает социальную адаптацию. Исследование перфекционизма и тревожности приобретает особое значение в условиях современных макросоциальных установок на культ совершенства и успеха [Гавриченко, Бубновская 2021].

Перфекционизм, усиливаемый социальными сетями, оказывает значительное воздействие на личностное развитие и эмоциональное состояние людей [Harren et al. 2021]. В контексте виртуального пространства и активной самопрезентации проблема самооценки пользователей становится актуальной и часто связана с перфекционизмом. Система оценивания, представленная лайками, усиливает это давление, влияя на самооценку и общественное признание [McComb, Mills 2021].

Цифровое пространство также способствует проявлению темных черт личности, таких как нарциссизм, характеризующийся чрезмерным чувством собственной исключительности, макиавеллизм с его склонностью к манипуляциям [Rauthmann 2011], и психопатия [Kircaburun et al. 2020]. Садизм может проявляться в форме кибербуллинга.

Цифровое пространство в нашем исследовании – это социальные сети интернет Instagram¹ и Telegram.

Telegram – это текстово-ориентированная платформа с акцентом на приватность и безопасность общения, что способствует более глубокому смысловому взаимодействию. Instagram, напротив, ориентирован на визуальный контент и самопрезентацию, что подразумевает контент менее содержательного, но более легкого характера.

Платформа Telegram, несмотря на свою популярность и функциональные преимущества, представляет собой двоякую среду, в которой сосуществуют как положительные, так и отрицательные аспекты. Она обеспечивает удобные и разнообразные способы коммуникации и распространения информации, поддерживая активное участие пользователей и предоставляя им инструменты для выражения своих мыслей и мнений. Однако некоторая часть контента, особенно в политических и новостных каналах, может оказывать негативное влияние на психическое здоровье пользователей [Клочкова 2024].

Instagram – это мощный инструмент для самовыражения и социального взаимодействия, который предоставляет пользователям возможность делиться моментами своей жизни, устанавливать связи и следовать за трендами [Goffman 2023]. Однако чрезмерное использование платформы может привести к негативным психологическим последствиям, таким как снижение самооценки, развитие комплексов и усиление нарциссических черт [Белинская, Гавриченко 2018; Faelens et al. 2021; Keyte et al. 2021]. Несмотря на критику за негативное воздействие на психическое здоровье, Instagram продолжает активно развиваться, оставаясь важной частью современной культуры [Созинова, Чан-Сян 2023].

Тем не менее, несмотря на значительное влияние технологий на нашу жизнь, ученые только начинают осознавать все пути и методы, с помощью которых цифровое пространство воздействует на современного человека. Исследования цифрового пространства многообразны, но недостаточно многочисленны. Учитывая быстрое развитие технологий и их влияние на психологию человека, все это

¹Деятельность организации запрещена на территории РФ.

опосредует новые задачи и потребности в дальнейшем теоретическом и практическом изучении для развития данной области.

Цель исследования – изучить особенности перфекционизма, самооценки и личностных черт у людей зрелого возраста в цифровом пространстве.

Гипотезы исследования

Общая: существуют определенные различия между перфекционизмом, самооценкой и личностными чертами у людей зрелого возраста в цифровом пространстве.

Частные гипотезы:

- 1) пользователи Instagram будут демонстрировать более высокий уровень социально предписанного перфекционизма по сравнению с пользователями Telegram;
- 2) у пользователей Instagram будут более высокие показатели по уровню нарциссизма по сравнению с пользователями Telegram;
- 3) пользователи, проводящие в социальных сетях менее 30 минут в день, будут демонстрировать адекватный уровень самооценки по сравнению с пользователями, проводящими в социальных сетях более 30 минут в день;
- 4) показатели пользователей в возрасте от 22 до 35 лет по шкале «перфекционизм, ориентированный на себя», будут выше, чем показатели у пользователей социальных сетей от 36 до 60 лет в цифровом пространстве;
- 5) женщины в данной выборке будут демонстрировать более высокий уровень перфекционизма, ориентированного на других, по сравнению с мужчинами, участвующими в исследовании;
- 6) существует связь между перфекционизмом, ориентированным на себя, и проявлением нарциссизма в социальных сетях Telegram и Instagram у людей зрелого возраста;
- 7) существует связь между перфекционизмом, ориентированным на других, и проявлением садизма, которая будет более выражена у пользователей Telegram, чем у пользователей Instagram.

Методики и методы исследования

Многомерная шкала перфекционизма Хьюитта и Флетта (MPS) представляет собой опросник, созданный в 1990 г. канадскими исследователями П.Л. Хьюиттом и Г.Л. Флеттом, для

оценки степени проявления перфекционизма и анализа его составляющих у участников. Русскоязычная адаптация: И.И. Грачева (2006).

Короткий опросник Темной тетрады (SD4), разработанный Д. Полхусом и его коллегами в 2020 г., является инструментом, дополняющим концепцию Темной триады включением макиавеллизма, неклинического нарциссизма, неклинической психопатии и садизма. Русскоязычная адаптация: Д.С. Корниенко и соавторы (2022).

Методика С.А. Будасси (1972) предназначена для количественного исследования самооценки личности с помощью метода ранжирования.

Опрос проводился дистанционно. Данные для исследования были собраны с помощью программного обеспечения для опросов Google Forms. Вычисления производились с помощью веб-пакета редактора Google Таблицы и многофункциональной программы IBM SPSS Statistics 26.0.

Для этого было необходимо провести расчеты «описательной статистики» с применением функции Колмогорова–Смирнова (Kolmogorov–Smirnov Test) и Шапиро–Уилка (Shapiro–Wilk test). Результаты показали, что данные не соответствуют нормальному распределению, вследствие чего для дальнейшего анализа были использованы непараметрические методы статистики.

Для выявления различий между группами использовали непараметрический тест Краскела–Уоллиса, функцию «все попарно» (Kruskal–Wallis one-way analysis of variance). Корреляции между показателями определяли с помощью r -коэффициента ранговой корреляции Ч. Спирмена.

Характеристика выборки исследования

В исследовании принимали участие 102 человека, активно использующих социальные сети, в возрасте от 22 до 60 лет.

Вся группа участников была разделена на возрастные категории людей среднего возраста: первый период – от 22 до 35 лет, а второй период – от 36 до 60 лет. Обе группы имеют равное количество респондентов – по 51 человеку. Деление выборки по возрасту производилось в соответствии с возрастной периодизацией Б.Г. Ананьева (1980).

Также осуществлялось деление выборки по предпочтениям социальных сетей: Telegram ($N = 55$), Instagram ($N = 47$) (запрещенная на территории РФ), и по времени, проводимого в социальных

сетях в день: первая группа – от 30 минут и более ($N = 69$), вторая группа – менее 30 минут ($N = 33$). Деление выборки по критерию времени производилось на основе исследования, проведенного Мелиссой Хант и Джордином Янгом из Пенсильванского университета, опубликованного в *Journal of Social and Clinical Psychology* в 2018 г. Кроме того, респонденты также разделились на представителей группы мужского пола ($N = 45$) и группы женского пола ($N = 57$) [Hunt et al. 2018].

В соответствии с Федеральным законом «О персональных данных» от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ участники были проинформированы о целях и сути психологического исследования и предоставили согласие на использование и обработку своих данных для подготовки статистических отчетов и написания научных публикаций.

*Исследование результатов
и сопоставление межгрупповых различий
в проявлениях перфекционизма, самооценки
и личностных качеств у людей зрелого возраста
в цифровой среде*

Мы провели корреляционный и сравнительный анализ результатов, разделив выборку ($N = 102$) на группы по следующим критериям:

- по использованию определенной социальной сети: Telegram ($N = 55$), Instagram (запрещенная на территории РФ социальная сеть) ($N = 47$);
- по времени проведения в социальных сетях в день: от 30 минут и более ($N = 69$), менее 30 минут ($N = 33$);
- по возрастному признаку: первый период – от 22 до 35 лет ($N = 51$), второй возрастной период – от 36 до 60 лет ($N = 51$);
- по полу: женщины ($N = 57$), мужчины ($N = 45$).

Для анализа различий *по признаку использования социальных сетей*: Telegram и Instagram (запрещенная на территории РФ социальная сеть), выборка была разделена на две группы. В результате сравнения выявленных различий при помощи непараметрического критерия Краскала–Уоллиса (Kruskal–Wallis rank sum test) были зафиксированы следующие значимые тенденции, которые представлены на рис. 1.

По показателям социально предписанного перфекционизма результаты отражают более высокие показатели у группы предпочитающих использование Telegram (0,54), у пользователей Insta-

gram – 0,48. Это может свидетельствовать о том, что пользователи Telegram больше склонны считать, что общество выставляет слишком высокие требования к ним, в отличие от представителей, предпочитающих Instagram.

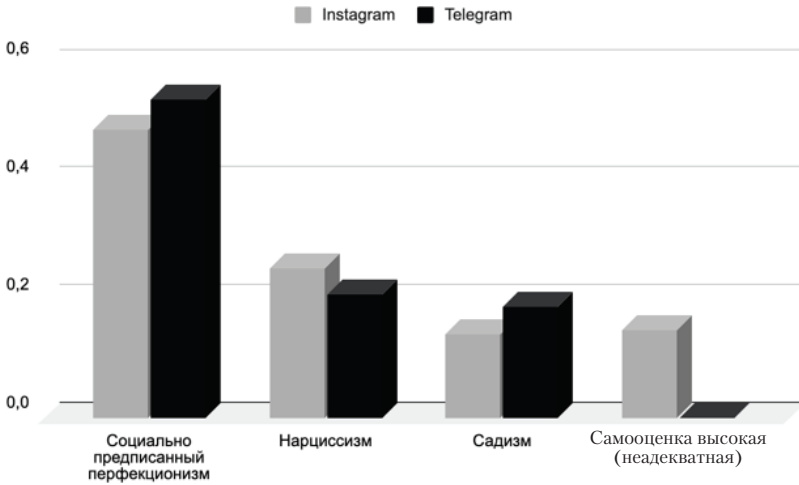

Рис. 1. Результаты анализа значимых различий между группами Telegram и Instagram

Нарциссизм: показатели обеих групп примерно равны, однако у пользователей Instagram (0,25) они немного выше, чем у пользователей Telegram (0,21). Это указывает на то, что пользователи Instagram имеют склонность к нарциссизму чуть более выраженную, чем пользователи Telegram.

Результаты по шкале садизм имеют следующие различия: у пользователей Telegram показатель садизма (0,18) несколько выше, чем у пользователей Instagram (0,14). Это позволяет предположить, что пользователи Telegram могут проявлять больше садистских наклонностей по сравнению с пользователями Instagram.

Высокая (неадекватная) самооценка: здесь наблюдается значительное различие. У пользователей Instagram результат значится на уровне 0,14, в то время как у пользователей Telegram этот показатель совсем не выражен – 0. Это говорит о том, что пользователи Instagram имеют тенденцию к более высокой и, возможно, неадекватной самооценке, а у пользователей Telegram данная шкала не проявляется.

Для анализа различий в характеристике времени проведения в социальных сетях в день выборка также была поделена на две группы: от 30 минут и более и менее 30 минут. Данные представлены на рис. 2.

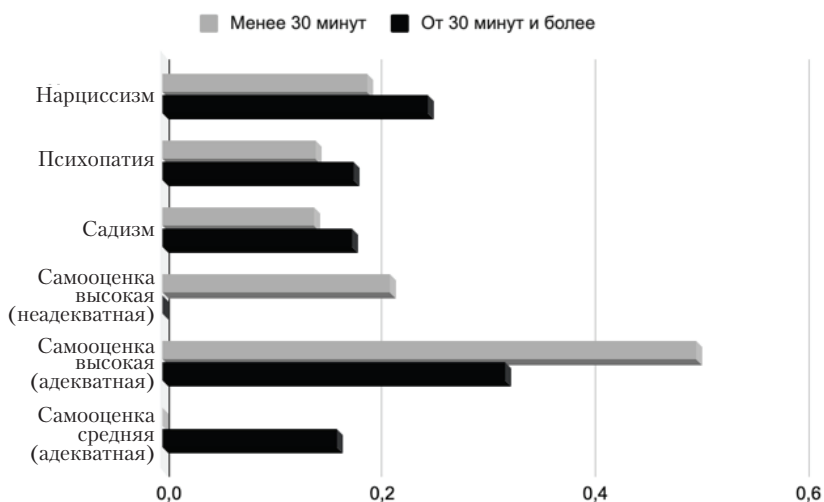

Рис. 2. Результаты межгруппового анализа значимых различий по критерию времени, проводимому в социальных сетях

В результате межгруппового сравнения при помощи непараметрического критерия Краскала–Уоллиса (Kruskal–Wallis rank sum test) обнаружены различия по шкале нарциссизма: показатели у пользователей, которые проводят в социальных сетях 30 минут и более (0,24), выше, чем у тех, кто проводит меньше 30 минут (0,19). Это может указывать на то, что люди, будучи включенными в социальные сети больше времени, склонны к проявлению более выраженных нарциссических черт.

По результатам двух других шкал опросника «Темной тетрады», «психопатия» и «садизм», показатели аналогичны: психопатия – от 30 минут и более (0,178), менее 30 минут (0,143); садизм – от 30 минут и более (0,177), менее 30 минут (0,141). Это указывает на то, что пользователи, проводящие больше времени в социальных сетях, могут проявлять более выраженные психопатические черты и садистские наклонности.

Также были выявлены различия по шкале высокая (неадекватная) самооценка, где показатель пользователей, проводящих в социальных сетях менее 30 минут (0,21), преобладает над результатами пользователей, проводящих от 30 минут и более, которые равны нулю (0).

По шкале высокой (адекватной) самооценки наблюдается следующая тенденция: у пользователей, проводящих в социальных сетях менее 30 минут (0,5), показатель значительно выше, чем у пользователей, проводящих от 30 минут и более (0,32). Это указывает на то, что пользователи, проводящие меньше времени в социальных сетях, имеют более высокую адекватную самооценку.

По шкале средней (адекватной) самооценки показатели между двумя группами имеют большую разницу. У пользователей, проводящих в социальных сетях от 30 минут и более, сильно выражены результаты по данной шкале (0,16), в то время как у пользователей, проводящих менее 30 минут, они вообще не проявлены (0).

С целью анализа различий *по возрастному признаку* выборка была разделена на две группы: первый период среднего возраста (22–35 лет) и второй период среднего возраста (36–60 лет). В результате сравнения выявленных различий при помощи непараметрического критерия Краскала–Уоллиса (Kruskal–Wallis rank sum test) были зафиксированы следующие тенденции.

Респонденты в возрасте от 22 до 35 лет демонстрируют более высокие показатели по многомерной шкале перфекционизма Хьюитта–Флетта для шкал «перфекционизм, направленный на себя» (0,71), и «перфекционизм, направленный на других» (0,55), чем соответствующие уровни у респондентов группы в возрасте от 36 до 60 лет, где «перфекционизм, направленный на себя», составляет 0,59, а «перфекционизм, направленный на других», – 0,47.

Также были выявлены различия по уровню самооценки.

Показатели людей первой группы сильно превышают результаты респондентов второй группы по шкалам «самооценка высокая (неадекватная)» (0,13) (0) и «самооценка высокая (адекватная)»: $0,51 > 0,24$. Однако шкала «самооценка средняя (адекватная)» отражает противоположную ситуацию: в группе людей от 22 до 35 лет результаты намного ниже (0,21), чем у второй группы респондентов (0,005). Сравнение полученных результатов в двух возрастных группах мы можем видеть на рис. 3.

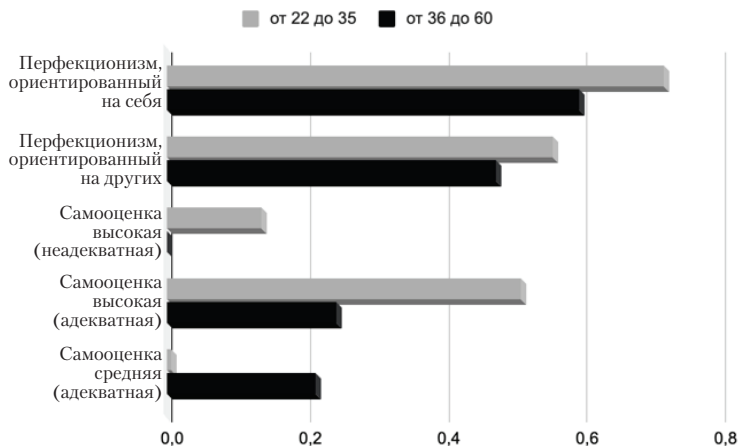

Рис. 3. Результаты межгруппового анализа значимых различий по возрастному критерию

Для анализа различий *по полу* выборка была поделена на две группы: мужчины и женщины.

В результате межгруппового сравнения при помощи непараметрического критерия Краскала–Уоллиса (Kruskal–Wallis rank sum test) были выявлены значимые различия по шкале «Перфекционизм ориентированный на себя», где прослеживаются более высокие показатели у женщин (54,95) и более низкие результаты у мужчин (47,51).

Критерий Краскала–Уоллиса для независимых выборок

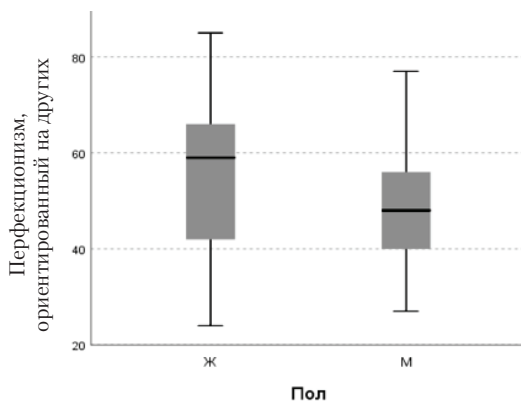

Рис. 4. Результаты межгруппового анализа значимых различий по полу

Исследование межгрупповых взаимосвязей по шкалам перфекционизма, самооценки и шкал Темной тетрады в контексте использования социальных сетей

Для обработки данных с применением математической статистики и выявления корреляций между уровнем перфекционизма, самооценки и личностными характеристиками у респондентов ($N = 102$), активно использующих социальные сети, нами был использован γ -коэффициент ранговой корреляции Ч. Спирмена.

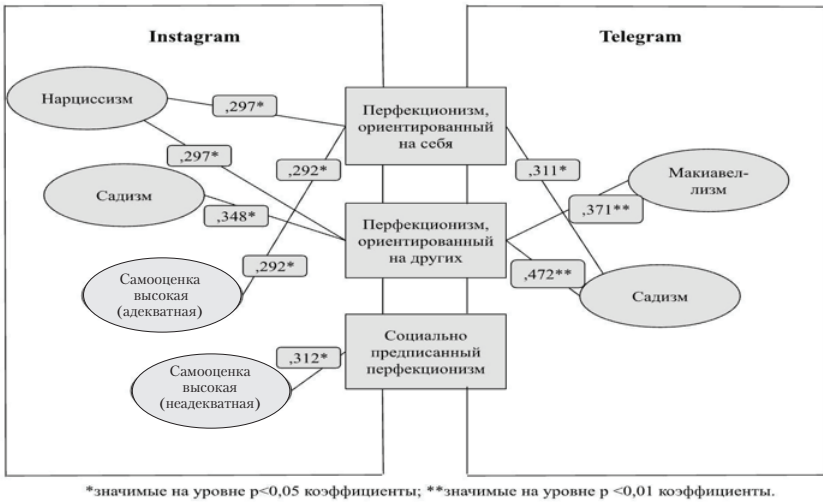

Рис. 5. Результаты межгруппового корреляционного анализа показателей пользователей Instagram и Telegram по критерию ранговой корреляции Спирмена (Spearman rank R)

Так как исследование включало пользователей социальных сетей Instagram и Telegram, в результате были выявлены следующие значимые связи:

Instagram: «Перфекционизм, ориентированный на себя», имеет значительную положительную корреляцию с «нарциссизмом» ($r = 0.297$; $p = 0.043$) и «высокой (адекватной) самооценкой» ($r = 0.292$; $p = 0.046$).

«Перфекционизм, ориентированный на других», также значимо положительно коррелирует с «нарциссизмом» ($r = 0.297$; $p = 0.043$) и «садизмом» ($r = 0.348$; $p = 0.016$). «Социально предписанный

перфекционизм» демонстрирует значимую положительную связь с «высокой (неадекватной) самооценкой» ($r = 0.312$; $p = 0.033$).

Telegram: «Перфекционизм, направленный на себя», имеет положительную корреляцию с «садизмом» ($r = 0.311$; $p = 0.021$). Кроме того, «перфекционизм, направленный на других», демонстрирует значимую положительную связь с «макиавеллизмом» ($r = 0.371$; $p = 0.005$) и «садизмом» ($r = 0.442$; $p = 0.001$).

Еще одним важным моментом было деление респондентов на группы по длительности использования социальных сетей в день.

У тех, кто проводит в социальных сетях 30 минут и более:

«Перфекционизм, ориентированный на других», значимо положительно коррелирует с «макиавеллизмом» ($r = 0.273$; $p = 0.023$) с «садизмом» ($r = 0.343$; $p = 0.004$) и «самооценкой высокой (адекватной)» ($r = 0.224$; $p = 0.045$);

«Социально предписанный перфекционизм» значимо положительно связан с «макиавеллизмом» ($r = 0.315$; $p = 0.008$) и «садизмом» ($r = 0.402$; $p = 0.001$).

В группе респондентов, кто проводит менее 30 минут в день в социальных сетях, значимых связей не выявлено.

*значимые на уровне $p < 0,05$ коэффициенты; **значимые на уровне $p < 0,01$ коэффициенты.

Рис. 6. Результаты межгруппового корреляционного анализа показателей у пользователей группы «30 минут и более» по критерию ранговой корреляции Спирмена (Spearman rank R)

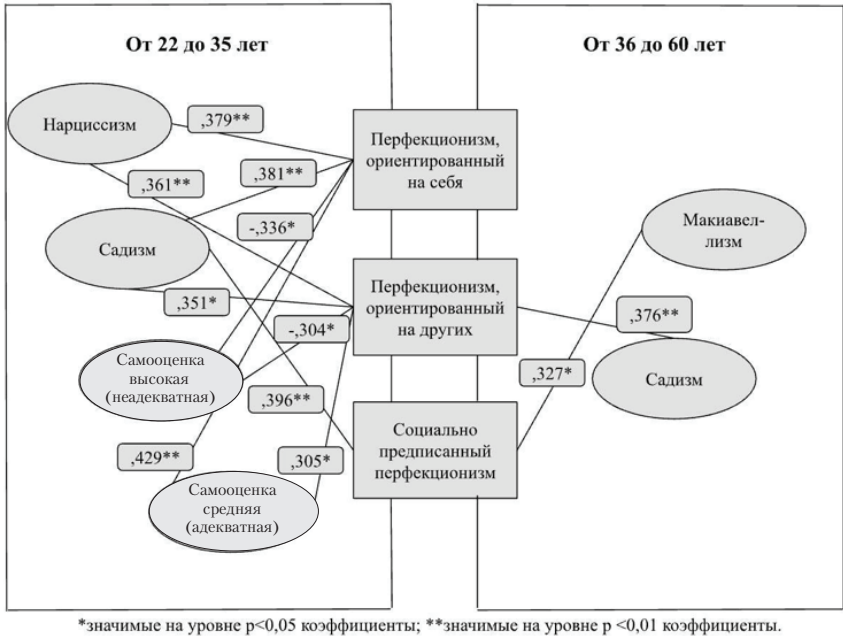

Рис. 7. Результаты межгруппового корреляционного анализа показателей пользователей в возрасте от 22 до 35 лет и от 36 до 60 лет, по критерию ранговой корреляции Спирмена (Spearman rank R)

Выборка также была поделена на две группы *по возрасту участников исследования*: от 22 до 35 лет, от 36 до 60 лет.

У группы людей в возрасте от 22 до 35 лет показатель «перфекционизм, ориентированный на себя», положительно коррелирует с чертами «нарциссизма» ($r = ,379$; $p = 0,006$), «садизма» ($r = ,381$; $p = 0,006$), а также отрицательно соотносится с показателями «самооценки высокой (неадекватной)» ($r = -,336$; $p = 0,016$) и имеет положительную сильную связь с «самооценкой средней (адекватной)» ($r = ,429$; $p = 0,002$).

Шкала «перфекционизм, ориентированный на других», также положительно связана с «нарциссизмом» ($r = ,361$; $p = 0,009$) и «садизмом» ($r = ,351$; $p = 0,012$), и отрицательно коррелирует с «самооценкой высокой (неадекватной)» ($r = -,304$; $p = 0,030$) и согласуется с «самооценкой средней (адекватной)» ($r = -,305$; $p = 0,030$).

Социально предписанный перфекционизм имеет сильную значимую связь с чертой «садизм» ($r = ,396$; $p = 0,004$).

У группы людей в возрасте от 36 до 60 лет шкала «перфекционизм, ориентированный на других», положительно связана с чертой «садизм» ($r = ,376$; $p = 0,007$), и шкала «социально предписанный перфекционизм» положительно коррелирует с «макиавеллизмом» ($r = ,327$; $p = 0,019$).

Выводы

Исследование показывает, что поведение в цифровом пространстве может быть сложным и многогранным, особенно когда речь идет о взаимосвязи психологических черт и социального взаимодействия.

Анализ данных выявил, что пользователи Instagram по сравнению с пользователями Telegram имеют более низкий уровень «социально предписанного перфекционизма» и «садизма». При этом по шкалам «нарциссизм» и «высокая (неадекватная) самооценка» показатели у пользователей Instagram выше.

В группе от 22 до 35 лет наблюдается более высокий уровень перфекционизма, ориентированного на себя и на других, по сравнению с группой от 36 до 60 лет. Также у данной группы респондентов выше показатели по шкалам «высокая (адекватная) самооценка» и «высокая (неадекватная) самооценка». Однако уровень «средней (адекватной) самооценки» у пользователей от 22 до 35 лет немного ниже, чем у представителей старшей возрастной группы.

Пользователи, проводящие менее 30 минут в день в социальных сетях, демонстрируют более высокие показатели по шкалам «самооценка высокая (неадекватная)» и «самооценка высокая (адекватная)» по сравнению с теми, кто проводит в социальных сетях более 30 минут. В то же время нарциссизм, психопатия и садизм более выражены у пользователей, проводящих более 30 минут в день в социальных сетях.

Женщины демонстрируют более высокий уровень «перфекционизма, ориентированного на других», по сравнению с мужчинами.

Анализируя данные, можно увидеть, что пользователи Telegram показывают более высокие показатели по шкале «социально предписанный перфекционизм», чем пользователи Instagram. Объяснить это можно следующим образом: Telegram, в отличие от Instagram, предоставляет своим пользователям более текстово ориентированное и содержательное пространство для коммуникации. Это означает, что пользователи Telegram больше фокусируются на

смысловой нагрузке и качестве информации. Следовательно, они чувствуют, что выражение и трансляция их собственных мыслей на данной платформе также должны соответствовать высоким смысловым и интеллектуальным требованиям общества, взаимодействующего в Telegram, а это, в свою очередь, может создавать у человека чувство сильного давления и недействительных завышенных ожиданий со стороны окружающих.

Сравнительный анализ также показал, что уровень нарциссизма выше у пользователей Instagram. Вовлеченность в процесс самопрезентации в Instagram способствует проявлению нарциссических черт, таких как чрезмерное самолюбование и преувеличение своих достижений. Функционал платформы активно способствует этому. Исследования показывают, что нарциссы чаще публикуют контент и проводят больше времени в данной соцсети, а также выкладывают больше селфи.

Также респонденты, проводящие в социальных сетях менее 30 минут в день, демонстрируют более высокие показатели по шкале «самооценка высокая (адекватная)». Это подтверждает положение о том, что активное и продолжительное использование социальных сетей оказывает значительное воздействие на самооценку. Постоянное сравнение себя с другими пользователями в социальных сетях приводит к увеличению чувства неудовлетворенности собой. Виртуальные платформы вызывают потребность в одобрении и признании, что усиливает зависимость от внешних оценок и лайков, формируя нестабильную самооценку. Ограничение времени, проводимого в социальных сетях, позволяет избежать постоянного социального сравнения и снижает психологическое напряжение, что способствует поддержанию более адекватной высокой самооценки.

Относительно сравнительного анализа по возрасту, мы видим, что показатели пользователей в возрасте от 22 до 35 лет по шкале «перфекционизм, ориентированный на себя», выше, чем показатели у пользователей социальных сетей от 36 до 60 лет. Молодые люди часто стремятся к достижению идеалов, склонны к максимализму, а это усиливается под воздействием социальных сетей, где они часто сталкиваются с идеализированными образами и конкурентной средой. Самопрезентация и получение одобрения с помощью лайков и комментариев особенно актуальны для молодых пользователей. Пользователи в возрасте 36–60 лет, как правило, имеют более устоявшуюся самооценку и менее восприимчивы к цифровому перфекционизму, что связано с их меньшей склонностью к конкурентным взаимодействиям в социальных сетях.

Женщины показывают более высокие результаты по шкале перфекционизма, ориентированного на других, в отличие от муж-

чин. Это обосновано тем, что женщины более зависимы от социальных сетей, соответственно чаще используют их для демонстрации социального одобрения и признания, что способствует формированию перфекционистских наклонностей. Дополнительно исследователи отмечают, что женщины подвержены воздействию социальных сравнений, что усиливает их стремление самим соответствовать высоким стандартам и также ожидать этого от окружающих.

Перфекционизм, ориентированный на себя, характеризуется стремлением к недостижимому и предъявлению высоких требований к собственной личности. В Instagram этот тип перфекционизма усиливается под воздействием самопрезентации, возможностей редактировать и доводить до совершенства контент, наличия фильтров и получения обратной связи с помощью лайков и комментариев, что приводит к проявлению нарциссических черт. Эти платформы позволяют пользователям активно демонстрировать свои достижения и внешний вид. Однако Telegram, ориентированный больше на текстовое взаимодействие и менее визуально насыщенный, не стимулирует в такой степени развитие нарциссических тенденций у пользователей.

Перфекционизм, ориентированный на других, характеризуется предъявлением завышенных требований к окружающим и ожиданием от них соответствия высоким стандартам. В особенности в текстово ориентированном Telegram новостные каналы доминируют среди остальных telegram-каналов. А так как информационная среда современности пропитана немалым количеством негативной информации, она вызывает большой стресс у населения и увеличивает риск развития садистских наклонностей. Здесь подразумеваются жестокие комментарии и агрессивное поведение, киберпреследование и кибертроллинг в отношении других пользователей. В Instagram, где основной акцент сделан на визуальной самопрезентации, подобное поведение выражено меньше, поскольку взаимодействие больше направлено на создание идеального образа и получение одобрения через лайки и комментарии.

Литература

- Асмолов, Асмолов 2019 – *Асмолов Г.А., Асмолов А.Г.* Интернет как генеративное пространство: историко-эволюционная перспектива // Вопросы психологии. 2019. № 4. С. 3–28.
- Белинская, Гавриченко 2018 – *Белинская Е.П., Гавриченко О.В.* Самопрезентация в виртуальном пространстве: феноменология и закономерности //

- Психологические исследования. 2018. Т. 11. № 60. URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2018v11n60/1606-belinskaya60.html> (дата обращения 15 июля 2024).
- Войскунский, Брызгалин 2018 – *Войскунский А.Е., Брызгалин Е.А.* Удовлетворение потребностей посредством виртуальной реальности // Цифровое общество в культурно-исторической парадигме: Материалы Международной научной конференции / Под ред. Т.Д. Марцинковской, В.Р. Орестовой, О.В. Гавриченко. М.: РГГУ, 2018. С. 39–43.
- Гавриченко, Бубновская 2021 – *Гавриченко О.В., Бубновская Е.А.* Перфекционизм и тревожность как феномен самоотношения в молодом и зрелом возрасте // Вестник РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование». 2021. № 4. С. 65–81.
- Голубева 2020 – *Голубева Н.А.* Особенности цифровой идентичности подростков и молодежи в современном технологическом обществе // Вестник РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование». 2020. № 1. С. 130–150.
- Клочкова 2024 – *Клочкова В.А.* Особенности медиатекста в Telegram и его воздействие на аудиторию // Вестник студенческого научного общества ГОУ ВПО «ДОННУ». 2024. Вып. 16. Т. 2: Социально-гуманитарные науки (Филология). Ч. 2. С. 74–78.
- Ланир 2011 – *Ланир Д.* Вы не гаджет. Манифест. М.: Астрель: Corpus, 2011. 320 с.
- Созинова, Чан-Сян 2023 – *Созинова М.В., Чан-Сян М.А.* Цифровая идентичность: взаимосвязь смысловых ориентаций и содержания личного профиля пользователя социальной сети // Северо-Кавказский психологический вестник. 2023. Т. 21. № 1. С. 24–38.
- Шейнов 2021 – *Шейнов В.П.* Зависимость от социальных сетей и характеристики личности: обзор исследований // Вестник РУДН. Серия «Психология и педагогика». 2021. № 3. С. 607–630.
- Barbosa et al. 2020 – *Barbosa B., Chkoniya V., Simoes D., Filipe S., Santos C.A.* Always connected: generation Y smartphone use and social capital // Revista Iberica de Sistemas y Tecnologias de Informacion. 2020. Vol. 35. P. 152–166.
- Chatterjee 2020 – *Chatterjee S.* Antecedents of phubbing: from technological and psychological perspectives // Journal of Systems and Information Technology. 2020. Vol. 22. № 2. P. 161–178.
- Dhir et al. 2018 – *Dhir A., Yossatorn Y., Kaur P., Chen S.* Online social media fatigue and psychological wellbeing – A study of compulsive use, fear of missing out, fatigue, anxiety and depression // International journal of information management. 2018. Vol. 40. P. 141–152.
- Donovan et al. 2014 – *Donovan C.L., Chew D., Penny R.* Perfecting weight restriction: The moderating influence of body dissatisfaction on the relationship between perfectionism and weight control practices // Behaviour Change. 2014. Vol. 31. № 3. P. 189–204.
- Faelens et al. 2021 – *Faelens L., Hoorelbeke K., Cambier R., Van Put J., Van de Putte E., De Raedt, R., Koster, E.H.* The relationship between Instagram use and indicators

- of mental health: A systematic review // *Computers in Human Behavior Reports*. 2021. Vol. 4. P. 100–121.
- Goffman 2023 – *Goffman E.* The presentation of self in everyday life // *Social theory re-wired*. England: Routledge, 2023. P. 450–459.
- Harren et al. 2021 – *Harren N., Walburg V., Chabrol H.* Studying social media burnout and problematic social media use: the implication of perfectionism and metacognitions // *Computers in Human Behavior Reports*. 2021. Vol. 4. P. 100–117.
- Hewitt et al. 2003 – *Hewitt P.L., Flett G.L., Sherry S.B., Habke M., Parkin M., Lam R.W., Stein M.B.* The interpersonal expression of perfection: perfectionistic self-presentation and psychological distress // *Journal of personality and social psychology*. 2003. Vol. 84. № 6. P. 1303–1325.
- Holliman et al. 2021 – *Holliman A.J., Waldeck D., Jay B., Murphy S., Atkinson E., Collie R.J., Martin A.* Adaptability and social support: Examining links with psychological wellbeing among UK students and non-students // *Frontiers in Psychology*. 2021. Vol. 12. P. 520–636.
- Hunt et al. 2018 – *Hunt M.G., Marx R., Lipson C., Young J.* No more FOMO: Limiting social media decreases loneliness and depression // *Journal of Social and Clinical Psychology*. 2018. Vol. 37. № 10. P. 751–768.
- Keyte et al. 2021 – *Keyte R., Mullis L., Egan H., Hussain M., Cook A., Mantzios M.* Self-compassion and instagram use is explained by the relation to anxiety, depression, and stress // *Journal of technology in behavioral science*. 2021. Vol. 6. P. 436–441.
- Kircaburun et al. 2020 – *Kircaburun K., Alhabash S., Tosuntaş Ş.B., Griffiths M.D.* Uses and gratifications of problematic social media use among university students: A simultaneous examination of the Big Five of personality traits, social media platforms, and social media use motives // *International journal of mental health and addiction*. 2020. Vol. 18. P. 525–547.
- McComb, Mills 2021 – *McComb S.E., Mills J.S.* Young women's body image following upwards comparison to Instagram models: The role of physical appearance perfectionism and cognitive emotion regulation // *Body image*. 2021. Vol. 38. P. 49–62.
- Rauthmann 2011 – *Rauthmann J.F.* Acquisitive or protective self-presentation of dark personalities? Associations among the Dark Triad and self-monitoring // *Personality and Individual Differences*. 2011. Vol. 51. № 4. P. 502–508.
- Tateno et al. 2019 – *Tateno M., Teo A.R., Ukai W., Kanazawa J., Katsuki R., Kubo H., Kato T.A.* Internet addiction, smartphone addiction, and Hikikomori trait in Japanese young adult: social isolation and social network // *Frontiers in psychiatry*. 2019. Vol. 10. P. 455.
- Twenge, Campbell 2019 – *Twenge J.M., Campbell W.K.* Media use is linked to lower psychological well-being: Evidence from three datasets // *Psychiatric Quarterly*. 2019. Vol. 90. P. 311–331.

References

- Asmolov, G.A. and Asmolov, A.G. (2019), "The internet as a generative space: historical-revolutional perspective", *Voprosy psikhologii*, no. 4, pp. 3–28.
- Belinskaya, E.P. and Gavrichenko, O.V. (2018), "The self-presentation in virtual space: phenomenology and regularities", *Psychological studies*, vol. 11, no. 60, available at: <http://psystudy.ru/index.php/num/2018v11n60/1606-belinskaya60.html> (Accessed 15 July 2024).
- Barbosa, B., Chkoniya, V., Simoes, D., Filipe, S. and Santos, C.A. (2020), "Always connected: generation Y smartphone use and social capital", *Revista Iberica de Sistemas y Tecnologias de Informacion*, vol. 35, pp. 152–166.
- Chatterjee, S. (2020), "Antecedents of phubbing: from technological and psychological perspectives", *Journal of Systems and Information Technology*, vol. 22, no. 2, pp. 161–178.
- Dhir, A., Yossatorn, Y., Kaur, P. and Chen, S. (2018), "Online social media fatigue and psychological wellbeing – A study of compulsive use, fear of missing out, fatigue, anxiety and depression", *International journal of information management*, vol. 40, pp. 141–152.
- Donovan, C.L., Chew, D. and Penny, R. (2014), "Perfecting weight restriction: The moderating influence of body dissatisfaction on the relationship between perfectionism and weight control practices", *Behaviour Change*, vol. 31, no. 3, pp. 189–204.
- Faelens, L., Hoorelbeke, K., Cambier, R., Van Put, J., Van de Putte, E., De Raedt, R. and Koster, E.H. (2021), "The relationship between Instagram use and indicators of mental health: A systematic review", *Computers in Human Behavior Reports*, vol. 4, pp. 100–121.
- Gavrichenko, O.V. and Bubnovskaya, E.A. (2021), "Perfectionism and anxiety as a phenomenon of self-attitude in young and mature age", *RSUH/RGGU Bulletin. "Psychology. Pedagogics. Education" Series*, no. 4, pp. 65–81.
- Goffman, E. (2023), "The presentation of self in everyday life", *Social theory re-wired*, Routledge, Oxford, UK.
- Golubeva, N.A. (2020), "Digital identity features of teenagers and youth in modern technological society", *RSUH/RGGU Bulletin. "Psychology. Pedagogics. Education" Series*, no. 1, pp. 130–150.
- Harren, N., Walburg, V. and Chabrol, H. (2021), "Studying social media burnout and problematic social media use: the implication of perfectionism and metacognitions", *Computers in Human Behavior Reports*, vol. 4, pp. 100–117.
- Hewitt, P.L., Flett, G.L., Sherry, S.B., Habke, M., Parkin, M., Lam, R.W. and Stein, M.B. (2003), "The interpersonal expression of perfection: perfectionistic self-presentation and psychological distress", *Journal of personality and social psychology*, vol. 84, no. 6, pp. 1303–1325.
- Holliman, A.J., Waldeck, D., Jay, B., Murphy, S., Atkinson, E., Collie, R.J. and Martin, A. (2021), "Adaptability and social support: Examining links with psychological

- wellbeing among UK students and non-students”, *Frontiers in Psychology*, vol. 12, pp. 520–636.
- Hunt, M.G., Marx, R., Lipson, C. and Young, J. (2018), “No more FOMO: Limiting social media decreases loneliness and depression”, *Journal of Social and Clinical Psychology*, vol. 37, no. 10, pp. 751–768.
- Keyte, R., Mullis, L., Egan, H., Hussain, M., Cook, A. and Mantzios, M. (2021), “Self-compassion and instagram use is explained by the relation to anxiety, depression, and stress”, *Journal of technology in behavioral science*, vol. 6, pp. 436–441.
- Kircaburun, K., Alhabash, S., Tosuntaş, Ş.B. and Griffiths, M.D. (2020), “Uses and gratifications of problematic social media use among university students: A simultaneous examination of the Big Five of personality traits, social media platforms, and social media use motives”, *International journal of mental health and addiction*, vol. 18, pp. 525–547.
- Klochkova, V.A. (2024), “Features of media text in Telegram and its impact on the audience”, *Vestnik studencheskogo nauchnogo obshchestva GOU VPO “DONNU”*, iss. 16, vol. 2: *Sotsial’no-gumanitarnye nauki (Filologiya)*, pp. 74–78.
- Lanier, J. (2011), *Vy ne gadzhet. Manifest* [You are not a gadget], Astrel’, Corpus, Moscow, Russia.
- McComb, S.E. and Mills, J.S. (2021), “Young women’s body image following upwards comparison to Instagram models: The role of physical appearance perfectionism and cognitive emotion regulation”, *Body image*, vol. 38, pp. 49–62.
- Rauthmann, J.F. (2011), “Acquisitive or protective self-presentation of dark personalities? Associations among the Dark Triad and self-monitoring”, *Personality and Individual Differences*, vol. 51, no. 4, pp. 502–508.
- Sheinov, V.P. (2021), “Social media addiction and personality: A review of research”, *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*, no. 3, pp. 607–630.
- Sozinova, M.V. and Chang-Xiang, M.A. (2023), “Digital Identity: The interconnection between meaning-life orientations and the content of a personal social network profile”, *North-Caucasian Psychological Bulletin*, vol. 21, no. 1, pp. 24–38.
- Tateno, M., Teo, A.R., Ukai, W., Kanazawa, J., Katsuki, R., Kubo, H. and Kato, T.A. (2019), “Internet addiction, smartphone addiction, and Hikikomori trait in Japanese young adult: social isolation and social network”, *Frontiers in psychiatry*, vol. 10, p. 455.
- Twenge, J.M. and Campbell, W.K. (2019), “Media use is linked to lower psychological well-being: Evidence from three datasets”, *Psychiatric Quarterly*, vol. 90, pp. 311–331.
- Voiskunskii, A.E. and Bryzgalin, E.A. (2018), “Satisfying needs through virtual reality”, Martsinkovskaya, T.D., Orestova, V.R. and Gavrichenko, O.V. (eds.), *Tsifrovoe obshchestvo v kul’turno-istoricheskoi paradigme: materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii* [Digital society in the cultural-historical paradigm. Proceedings of the international scientific conference], RGGU, Moscow, Russia, pp. 39–43.

Информация об авторах

Оксана В. Гавриченко, кандидат психологических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; Oksana-danshina@rambler.ru

Надежда Б. Ким, магистр, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; nadejda_kim_96@mail.ru

Information about the authors

Oksana V. Gavrichenko, Cand. of Sci. (Psychology), associate professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125047; Oksana-danshina@rambler.ru

Nadejda B. Kim, Master's degree (Psychology), Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125047; nadejda_kim_96@mail.ru

Связь психологического благополучия
и когнитивной регуляции эмоций у созависимых людей,
посещающих группы самопомощи

Мария О. Соболева

*Российский государственный гуманитарный университет
Москва, Россия, maria.soboleva1988@gmail.com*

Ирина А. Кондратьева

*Российский государственный гуманитарный университет
Москва, Россия, irina1861@inbox.ru*

Аннотация. Актуальность исследования продиктована распространённостью феномена созависимости. Согласно более ранним исследованиям, нарушения психического здоровья встречаются как у лиц с зависимостью, так и у их родственников. В основном проблема зависимости рассматривается практиками и исследователями как «семейная болезнь». Человек, страдающий созависимостью, обычно чрезмерно сосредоточен на потребностях и желаниях другого человека, даже в ущерб своим собственным. Он может вынуждать себя опекать, контролировать другого человека или помогать ему. Однако группы психологической поддержки ориентированы в основном на работу с людьми с зависимостями. Группы психологической поддержки для созависимых людей позволяют участникам поделиться своими эмоциями и опытом с людьми, которые находятся в похожей ситуации. Важным является понимание симптоматики созависимости для дальнейшей коррекции дезадаптивного поведения. Целью нашего исследования было эмпирическое изучение связи психологического благополучия, когнитивной регуляции эмоций и психологических защит у людей, посещающих группы самопомощи для созависимых. В исследовании приняли участие 94 человека (95% женщин), средний возраст – 46 лет. Было выявлено, что существует специфика связей структур психологического благополучия, когнитивных стратегий регуляции эмоций, психологических защит у людей с различным уровнем психологического благополучия. Не удалось выявить различий между группами, посещающими группы самопомощи различное время.

Ключевые слова: субъективное благополучие, когнитивная регуляция эмоций, созависимость, психологические защиты

© Соболева М.О., Кондратьева И.А., 2024

Для цитирования: Соболева М.О., Кондратьева И.А. Связь психологического благополучия и когнитивной регуляции эмоций у созависимых людей, посещающих группы самопомощи // Вестник РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование». 2024. № 4. С. 83–97. DOI: 10.28995/2073-6398-2024-4-83-97

The relationship between psychological well-being and cognitive regulation of emotions in codependent individuals attending self-help groups

Maria O. Soboleva

*Russian State University for the Humanities
Moscow, Russia, maria.soboleva1988@gmail.com*

Irina A. Kondratieva

*Russian State University for the Humanities
Moscow, Russia, irina1861@inbox.ru*

Abstract. The relevance of the study is due to the prevalence of the codependency phenomenon. According to earlier studies, mental health disorders occur both in people with addiction and their relatives. Basically, the issue of addiction is considered by practitioners and researchers as a «family disease». A person suffering from codependency is usually excessively focused on the needs and desires of another person, even to the detriment of their own. They can force themselves to take care of, help or control another person. However, psychological support groups are focused mainly on working with people with addictions. Psychological support groups for codependent people allow participants to share their emotions and experiences with people who are in a similar situation. It is important to understand the symptoms of codependency for further correction of maladaptive behavior. The purpose of our study was to empirically analyze the relationship between psychological well-being, cognitive regulation of emotions and psychological defenses in people attending self-help groups for codependents. The study involved 94 people (95% women), the average age was 46 years. It was found that there are some specifics in connections between the structures of psychological well-being, cognitive strategies for regulating emotions, and psychological defenses in people with different levels of psychological well-being. It was not possible to identify differences between groups attending self-help groups for different periods of time.

Keywords: subjective well-being, cognitive regulation of emotions, codependency, psychological defenses

For citation: Soboleva, M.O. and Kondratieva, I.A. (2024), "The relationship between psychological well-being and cognitive regulation of emotions in codependent individuals attending self-help groups", *RSUH/RGGU Bulletin. "Psychology. Pedagogics. Education" Series*, no. 4, pp. 83–97, DOI: 10.28995/2073-6398-2024-4-83-97

Введение

Проблемы, связанные с зависимостью и созависимостью, остаются актуальными как для научных исследований, так и для специалистов практики. Зависимое (аддиктивное) поведение представляет собой саморазрушительное поведение, связанное с неотъемлемой зависимостью от употребления определенного вещества (или от определенной деятельности) с целью изменения психического состояния. Программы психологической помощи зачастую связаны не только с непосредственной работой с человеком с зависимостью, но и с работой с его семьей, так как базируются на биопсихосоциальном подходе. Согласно более ранним исследованиям, нарушения психического здоровья встречаются и у лиц с зависимостью, и у их родственников. Обычно проблема зависимости рассматривается практиками и исследователями как «семейная болезнь». Исследователями отмечается, что воздействие семьи (как родительской, так и супружеской) может оказать существенное влияние на формирование и поддержание патологического влечения к алкоголю [Мазурова 2009]. И.Г. Малкина-Пых отмечает, что созависимые отношения являются опасными и для самого человека с зависимостью, так как могут спровоцировать рецидив и повлиять на зависимое поведение и психическое здоровье детей, выросших в такой семье [Малкина-Пых 2018].

Проблемы, связанные с созависимостью личности, изучили и зарубежные психологи, такие как Дж. Уайнхолд, М. Битти, Ч. Уайтфилд, Г.Л. Хьюс, К. Ломбардо, Е. Кристол, Р. Сабби, А.В. Шеф, Е. Янг, и отечественные психологи А.С. Кочарян, В.Д. Москаленко, Е.В. Фролова, С.В. Березин и другие. В рамках данного исследования под созависимостью мы понимаем деструктивные отношения, основанные на зависимости от другого человека. Человек, страдающий созависимостью, обычно чрезмерно сосредоточен на потребностях и желаниях другого человека, даже в ущерб своим собственным. Он склонен опекать, контролировать другого человека и/или помогать ему, в том числе в проявлениях дезадаптивного поведения. Необходимо отметить, что созависимость может иметь различные формы: эмоциональная, физическая и даже финансовая [Дианова, Акоюн 2022]. Таким образом, важно понять, в каком

психоэмоциональном состоянии находится тот, кто пытается помочь человеку с зависимостью.

Т.Д. Шевеленкова и П.П. Фесенко отмечают, что психологическое благополучие проявляется в ощущении удовлетворенности и счастья. Они разделяют понятие благополучия на две составляющие: идеальное и актуальное благополучие. Идеальное благополучие представляет собой идеальные представления о том, как должна быть устроена наша жизнь и что должно приносить нам счастье. Актуальное благополучие, в свою очередь, отражает текущее состояние и удовлетворенность, которую мы чувствуем в настоящий момент. Психологическое благополучие также позволяет нам осознать удовлетворение от сложившихся межличностных отношений. Оно способствует развитию коммуникации, при этом при разрушении межличностных связей страдает и психологическое благополучие [Шевеленкова, Фесенко 2005].

Психологическое благополучие и регуляция эмоций имеют тесную связь. Регуляция эмоций означает способность контролировать, выражать свои эмоции и управлять ими в различных ситуациях. М.А. Падун отмечает важное значение регуляции эмоций в жизни человека. Под ней автор понимает системный процесс, который происходит на биологическом, психологическом и социальном уровнях функционирования личности. Регуляция эмоций включает как осознаваемые, так и неосознаваемые психические процессы. Они могут влиять на качество, интенсивность эмоциональных реакций и состояний человека, усиливая, ослабляя или поддерживая их на определенном уровне. Эти процессы помогают человеку контролировать эмоции и управлять ими, а также адаптироваться к различным ситуациям [Падун 2015]. В процессе регуляции эмоций важно различать стратегии, которые сосредоточены на ситуации, включая анализ ситуации и поведение участников, и стратегии, которые основаны на внутренних процессах регуляции эмоций и реакциях субъекта. Результативность данных стратегий может быть различной и зависит от конкретной ситуации и индивидуальных особенностей [Бердичевский и др. 2021]. Например, переоценка произошедшего в позитивном ключе в ситуациях, требующих активных действий, не способствует выбору адаптивного поведения.

Таким образом, для эффективной регуляции эмоций и выстраивания адаптивного поведения необходима интеграция когнитивных процессов с эмоциональными переживаниями, соответственно, при выборе дезадаптивных стратегий регуляции эмоций можно наблюдать различные поведенческие нарушения.

Также для того, чтобы справиться с тяжелыми жизненными ситуациями психикой предусмотрено наличие защитных механиз-

мов. Б.В. Зейгарник предложила разделять защитные механизмы на деструктивные и конструктивные. Деструктивные механизмы характеризуются отсутствием осознания и связаны с негативными явлениями, а конструктивные механизмы предполагают осознание и регуляцию [Зейгарник 1986].

Адаптивная система включает использование психологических защит и копинг-стратегий. Эти механизмы и стратегии могут быть эффективными инструментами поддержания психического здоровья и успеха в различных сферах жизни. В исследованиях О.В. Суворовой и Е.В. Бересневой показано, что в зависимости от степени родства созависимых их копинг-стратегии и защитные механизмы могут различаться. Общей тенденцией является частое применение такого защитного механизма созависимых, как проекция. Основное различие между исследуемыми матерями и женами состоит в том, что для матерей наиболее характерно использование гиперкомпенсации, а для жен – компенсации [Суворова, Береснева 2020].

Адаптивность подразумевает способность человека приспосабливаться к изменяющейся среде, а реагирование на стрессовые ситуации с использованием адаптивных защитных механизмов способствует поддержанию психического здоровья. Использование психологических защит позволяет человеку справляться с неприятными событиями и эмоциями, охранять свою психическую целостность. Эффективность адаптивной системы играет важную роль в поддержании психического здоровья. Умение эффективно адаптироваться к изменениям и реагировать на стресс является важным фактором поддержания общего благополучия [Стоянова 2007].

Группы психологической поддержки для созависимых людей дают участникам возможность поделиться своими эмоциями и опытом с людьми, которые находятся в похожей ситуации. Это позволяет участникам чувствовать себя менее одинокими и изолированными в своей борьбе с созависимостью. Однако важно отметить, что участие в группах психологической поддержки может не всем подходить. Для эффективной работы очень важна заинтересованность участников в изменении своего поведения и готовность принять ответственность за свои действия.

Цель исследования

Целью исследования является выявление связи психологического благополучия и когнитивной регуляции эмоций у людей, посещающих группы самопомощи по созависимости.

Гипотезы исследования

1. Существует специфика связей между параметрами психологического благополучия, стратегиями когнитивной регуляции эмоций и психологическими защитами в группах с различным уровнем психологического благополучия.

2. Существуют различия в уровне психологического благополучия и степени созависимости у людей, посещающих группы самопомощи по созависимости различное время. У людей, посещающих группы самопомощи более пяти лет, будет более высокий уровень психологического благополучия и ниже степень созависимости по сравнению с людьми, посещающими группу менее года.

Методы

В ходе нашего исследования использовались следующие методики:

- 1) авторская анкета, включающая социально-демографические вопросы;
- 2) «Шкала созависимости Уайнхолд» (Б. Уайнхолд, Д. Уайнхолд, пер. А.Г. Чеславская, 2002);
- 3) «Шкала психологического благополучия» (К. Рифф, адаптация Т.Д. Шевеленковой и Т.П. Фесенко, 2005);
- 4) опросник когнитивной регуляции эмоций (Н. Гарнефски, В. Крайг; адаптация – О.Л. Писарева, А. Гриценко, 2010)
- 5) опросник «Индекс жизненного стиля» (Р. Плутчик, Г. Келлерман, Х.Р. Конт; адаптация – НИПНИ им. В.М. Бехтерева, 1999).

Математико-статистическая обработка полученных данных была проведена в программе IBM SPSS Statistics 26.0. Так как распределение большинства данных не подчинялось закону нормального распределения данных, то были выбраны критерий Краскела–Уоллиса и коэффициент корреляции r Спирмена (Spearman) (была применена поправка Бонферрони).

Опрос респондентов осуществлялся в онлайн-формате с помощью сервиса Google forms. Респонденты в течение одного месяца имели возможность в удобное для них время ответить на вопросы анкеты и психодиагностических методик.

Описание выборки

В исследовании приняли участие 94 человека, посещающих группы самопомощи по созависимости (участники группы Telegram-сообщества). 95% опрошенных составили женщины, в зарегистрированном браке – 53% и 22% – разведены. Основное количество респондентов обладает высшим образованием (74%). У 40% завистиостью страдает муж, у 31% – сын, у 17% – отец. Больше половины респондентов имели в детстве страдающих алкогольной или наркотической завистиостью членов семьи (59%). Больше всего респондентов находятся в группах самопомощи – до одного года (42%) и от одного до пяти лет (41%). Лишь 17% респондентов относят себя к категории лиц, которые состоят в группе самопомощи более пяти лет. Средний возраст респондентов – 46 лет.

В качестве важной характеристики исследуемой выборки стоит отметить, что, согласно «Шкале созавистиости Уайнхолд», больше половины респондентов в выборке характеризуются высокой степенью созавистиости (54,3%), далее по распространенности идет средняя степень созавистиости (26,6%) и очень высокая степень (15,9%). И лишь 3,2% респондентов имеют низкую степень созавистиости.

Затем с помощью методики «Шкала психологического благополучия» (К. Рифф, адаптация Т.Д. Шевеленковой и Т.П. Фесенко, 2005) были выделены три группы сравнения:

- а) группа 1 – респонденты, демонстрирующие низкий уровень психологического благополучия (44,7%);
- б) группа 2 – респонденты, демонстрирующие средний уровень психологического благополучия (29,8%);
- в) группа 3 – респонденты, демонстрирующие высокий уровень психологического благополучия (25,5%).

Расчет по критерию Краскела–Уоллиса подтвердил наличие различий между выделенными группами, что дало основание для проведения корреляционного анализа в каждой выделенной группе.

Рассмотрим корреляционные связи, характерные для выборки группы 1 с низким психологическим благополучием (см. табл. 1).

Таблица 1

Корреляционные связи, характерные для выборки с низким уровнем психологического благополучия

«Шкалы психологического благополучия»	Когнитивные стратегии регуляции эмоций и психологические защиты	Коэф. корр.
Управление средой	Руминации	0,31*
Личностный рост	Позитивная переоценка	0,318*
Самопринятие	Обвинение других	0,347*
Самопринятие	Фокусирование на планировании	0,328*
Самопринятие	Позитивная переоценка	0,403**
Личностный рост	Рационализация	-0,343*
Цели в жизни	Отрицание	0,402**

Примечания: * – уровень значимости $p \leq 0,05$; ** – уровень значимости $p \leq 0,01$.

Таким образом, нам удалось установить, что существуют положительные связи между такими шкалами психологического благополучия, как «управление средой», «личностный рост» и «самопринятие», со следующими стратегиями когнитивной регуляции эмоций: «руминации», «позитивная переоценка», «обвинение других», «фокусирование на планировании». Существует положительная связь показателей шкалы «целей в жизни» и такой психологической защиты, как «отрицание». Существует отрицательная связь показателей шкалы «личностного роста» и такой психологической защиты, как «рационализация». Интерпретация полученных связей говорит о том, что ощущение обладания властью и компетенцией в управлении окружением, контроля деятельности, эффективности использования представляющихся возможностей, веры в свои способности улавливать или создавать условия и обстоятельства, подходящие для удовлетворения личных потребностей и достижения целей, для созависимых с низким психологическим благополучием связаны с постоянными размышлениями о мыслях и чувствах, связанных с пережитой трудной ситуацией. Чувство собственного развития, самореализации, открытости новому опыту, реализации своего потенциала, умение наблюдать улучшения в себе и своих действиях связаны с поиском положительного смысла в происшедшем событии, но при этом способны снижаться при уве-

личении ценности недоступного для личности опыта. Позитивное отношение к себе, принятие себя у представителей данной группы связано с поиском положительного смысла в произошедших событиях, с размышлениями о том, какие следующие шаги лучше предпринять по отношению к случившемуся, и с перекалыванием вины за пережитое человеком событие на окружающих. Ощущение осмысленности и целенаправленности жизни у представителей данной группы связано с отрицанием фрустрирующей действительности.

Полученные связи и их интерпретация отличаются у представителей группы 2 со средним уровнем психологического благополучия (см. табл. 2).

Таблица 2

Корреляционные связи, характерные для выборки со средним уровнем психологического благополучия

«Шкалы психологического благополучия»	Когнитивные стратегии регуляции эмоций и психологические защиты	Коэф. корр.
Позитивные отношения	Позитивная переоценка	0,408*
Автономия	Принятие	-0,487**
Автономия	Позитивная перефокусировка	-0,411*
Автономия	Руминации	-0,379*
Самопринятие	Позитивная перефокусировка	0,421*
Цели в жизни	Проекция	-0,46*
Цели в жизни	Компенсация	0,502**

Примечания: * – уровень значимости $p \leq 0,05$; ** – уровень значимости $p \leq 0,01$.

Таким образом, для группы 2 со средним уровнем психологического благополучия выявлены положительные связи таких шкал психологического благополучия, как «позитивные отношения» и «самопринятие», и таких стратегий когнитивной регуляции эмоций, как «позитивная переоценка» и «позитивная перефокусировка». Были выявлены отрицательные связи «автономии» и таких стратегий когнитивной регуляции эмоций, как «принятие», «позитивная перефокусировка», «руминации». Были выявлены связи шкалы психологического благополучия «цели в жизни» и психологических защит «проекция» (отрицательная связь) и «компенсация» (поло-

жительная связь). Интерпретация полученных связей говорит о том, что у респондентов со средним уровнем психологического благополучия умение выстраивать близкие доверительные отношения с окружающими, заботиться о благополучии других, способность сопереживать связаны с умением найти положительный смысл в происшедших событиях. Ощущение себя как самостоятельной и независимой, способной противостоять другим личности связано с мыслями о непринятии того, что случилось, размышлениями о пережитых затруднениях, а не с переключением с данных мыслей, но не заикливанием на них. При этом принятие и позитивное отношение к себе связано как раз с умением отвлечься на мысли о других, более приятных событиях и ситуациях вместо размышлений о пережитых затруднениях. Ощущение осмысленности и целенаправленности жизни связано с прекращением приписывать другим свои чувства, а также с умением найти подходящую замену реального или воображаемого недостатка, дефекта нестерпимого чувства другим качеством. Таким образом, можно заметить, что психологические характеристики представителей данной группы содержат существенно меньше противоречий по сравнению с созависимыми с низким уровнем психологического благополучия.

Полученные связи и их интерпретация отличаются и у представителей группы 3 с высоким уровнем психологического благополучия (см. табл. 3).

Таблица 3

Корреляционные связи, характерные для выборки с высоким уровнем психологического благополучия

«Шкалы психологического благополучия»	Когнитивные стратегии регуляции эмоций и психологические защиты	Коэф. корр.
Цели в жизни	Позитивная переоценка	-0,495*
Управление средой	Компенсация	0,407*
Цели в жизни	Регрессия	-0,469
Цели в жизни	Показатель созависимости	-0,463*

Примечания: * – уровень значимости $p \leq 0,05$; ** – уровень значимости $p \leq 0,01$.

Таким образом, для группы 3 с высоким уровнем психологического благополучия выявлена положительная связь такой шкалы

психологического благополучия, как «управление средой», и такой психологической защиты, как «компенсация». Выявлена отрицательная связь такой шкалы психологического благополучия, как «цели в жизни», и стратегии когнитивной регуляции эмоций «позитивная переоценка», с психологической защитой «регрессия», а также показателями созависимости. Интерпретация полученных связей говорит о том, что у респондентов с высоким уровнем психологического благополучия ощущение власти и компетентности в управлении окружением, контроле внешней деятельности, эффективности использования представляющихся возможностей, умение улавливать или создавать условия и обстоятельства, подходящие для удовлетворения личных потребностей и достижения целей, связаны со способностью найти подходящую замену реального или воображаемого недостатка, дефекта нестерпимого чувства другим качеством. Ощущение осмысленности и целенаправленности жизни связано с умением не искать положительный смысл в происшедших событиях, не избегать тревоги путем перехода на более ранние стадии развития либидо и не заменять решение субъективно более сложных задач на относительно более простые и доступные в сложившихся ситуациях. Группа с высоким психологическим благополучием – единственная, в которой обнаружилось корреляции с показателями созависимости. Интерпретируя полученную связь, можно говорить о том, что ощущение осмысленности и целенаправленности жизни связано со снижением потребности в одобрении окружающих, с отказом от унижающих достоинство отношений и ощущением себя готовым что-либо изменить, с осознанием своих истинных желаний и потребностей и способностью испытывать чувство настоящей близости и любви.

По аналогии с выделением групп помощи зависимым мы выделили группы самопомощи для созависимых по длительности участия: до года (42%), от года до пяти лет (41%) и более пяти лет (17%). Также мы пытались выделить группы, исходя из наличия регулярной личной терапии (у 72% нет регулярной личной терапии, у 28% есть). Однако ни по показателям психологического благополучия, ни по степени созависимости значимых различий обнаружено не было.

Выводы

В статье была рассмотрена специфика связей субъективного благополучия, стратегий когнитивной регуляции эмоций и психологических защит у созависимых с разным уровнем психологического благополучия.

Было выявлено, что для респондентов с низким уровнем психологического благополучия наибольшее количество связей обнаруживается у такого показателя психологического благополучия, как «самопринятие», и такой стратегии когнитивной регуляции эмоций, как «позитивная перефокусировка». Таким образом, можно сделать вывод о том, что в плане практической работы особенно важно уделять внимание тому, насколько принимает себя человек, находящийся в созависимых отношениях. Ощущение контроля над окружающим миром связано именно с мыслями об их трудной жизненной ситуации. Исходя из анализа полученных связей также можно сделать вывод о том, что поиск позитивного смысла в происходящем не помогает созависимым справляться с текущей трудной жизненной ситуацией. При этом мы наблюдаем ожидаемую связь ощущения осмысленности жизни и отрицания существующих проблем. Данные закономерности могут говорить о трудоемкости процесса психотерапии и психологической помощи для подобной категории респондентов.

В группе созависимых со средним уровнем психологического благополучия наибольшее количество связей обнаруживается у такого параметра психологического благополучия, как «автономия», и такой стратегии когнитивной регуляции эмоций, как «позитивная перефокусировка». Ощущение себя как самостоятельной независимой, способной противостоять другим личности связано с мыслями о непринятии происходящего, размышлениями о пережитых затруднениях, но не заикливание на подобных мыслях. Таким образом, мы можем сделать вывод о том, что респонденты из данной группы больше готовы к тому, чтобы осознавать проблематичность текущей трудной жизненной ситуации.

Для респондентов с высоким уровнем психологического благополучия особенно важным является осмысление собственной жизни, связанное, в том числе, с выбором непростых жизненных путей, исходя прежде всего из своих интересов. Важно подчеркнуть, что только в группе респондентов с высоким уровнем психологического благополучия обнаруживается отрицательная связь со степенью созависимости, поэтому можно сделать вывод о том, что респонденты данной группы осознают проблему сложившихся деструктивных отношений.

У всех групп обнаруживаются корреляции с ощущением осмысленности и целенаправленности жизни, можно предположить, что это является важной составляющей при работе с созависимыми. Также у всех групп наблюдаются связи с такой стратегией когнитивной регуляции эмоций, как «позитивная переоценка»,

т. е. поиск положительного смысла в происходящем, но тут просматривается интересная закономерность, связанная с тем, что в группе с высоким уровнем психологического благополучия корреляция с данной стратегией отрицательная, следовательно, нужно более внимательно рассматривать вопрос об адаптивности данной стратегии для созависимых респондентов.

Отсутствие различий между группами, сформированными по длительности посещения групп самопомощи, по параметрам психологического благополучия и степени созависимости вызывает необходимость проведения лонгитюдного исследования для более детального изучения изменения психологического благополучия и степени созависимости у участников групп самопомощи по созависимости, так как данное эмпирическое исследование не позволяет зафиксировать динамику изменений.

В качестве ограничения нашего исследования следует отметить необходимость дифференциации согласно разным видам зависимости членов семьи созависимых, степени родства, учета длительности отношений и длительности проблемы зависимого поведения в отношениях респондентов.

Литература

- Бердичевский и др. 2021 – *Бердичевский А.А., Падун М.А., Гагарина М.А., Архипова М.В.* Регуляция эмоций у лиц, находящихся в созависимых отношениях // Клиническая и специальная психология. 2021. Т. 10. № 4. С. 185–204.
- Дианова, Акоюн 2022 – *Дианова Н.Ф., Акоюн Р.Э.* Феномен созависимости в социальной психологии // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2022. № 4–1. С. 199–201.
- Зейгарник 1986 – *Зейгарник Б.В.* Патопсихология. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1986. 288 с.
- Мазурова 2009 – *Мазурова Л.В.* Методологические аспекты изучения созависимости // Вестник Томского государственного университета. 2009. № 328. С. 158–160.
- Малкина-Пых 2018 – *Малкина-Пых И.Г.* Виктимология. Психология поведения жертвы. СПб.: Питер, 2018. 832 с.
- Падун 2015 – *Падун М.А.* Регуляция эмоций и ее нарушения // Психологические исследования. 2015. Т. 8. № 39. С. 5.
- Стоянова 2007 – *Стоянова И.Я.* Психологические образования в норме и патологии: Автореф. дис. ... д-ра психол. наук. Томск, 2007. 43 с.
- Суворова, Береснева 2020 – *Суворова О.В., Береснева Е.В.* Особенности проявления психологических защит и копинг-стратегий у разных категорий созависимых

женщин // Проблемы современного педагогического образования. 2020. № 66–4. С. 357–360.

Шевеленкова, Фесенко 2005 – Шевеленкова Т.Д., Фесенко Т.П. Психологическое благополучие личности (обзор основных концепций и методика исследования) // Психологическая диагностика. 2005. № 3. С. 95–129.

References

- Berdichevskii, A.A., Padun, M.A., Gagarina, M.A. and Arkhipova, M.V. (2021), “Emotional regulation in individuals, standing in codependent relationship”, *Clinical Psychology and Special Education*, vol. 10, no. 4, pp. 185–204.
- Dianova, N.F. and Akopyan, R.E. (2022), “The Phenomenon of Codependency in Social Psychology”, *International Journal of Humanities and Natural Sciences*, vol. 4-1 (67), no. 4–1, pp. 199–201.
- Malkina-Pykh, I.G. (2018), *Viktimologiya. Psikhologiya povedeniya zhertvy* [Victimology. Psychology of Victim Behavior], Piter, St. Petersburg, Russia.
- Mazurova, L.V. (2009), “Methodological aspects of studying codependency”, *Tomsk State University Bulletin*, no. 328, pp. 158–160.
- Padun, M.A. (2015), “Emotion regulation and its disorders”, *Psychological Studies*, vol. 8, no. 39, p. 5.
- Shevelenkova, T.D. and Fesenko, T.P. (2005), “Psychological well-being of the individual (review of the main concepts and research methods)”, *Psikhologicheskaya diagnostika*, no. 3, pp. 95–129.
- Stoyanova, I.Ya. (2007), *Prelogical formations in norm and pathology*, Abstract of Ph.D. dissertation, Tomsk University, Russia.
- Suvorova, O.V. and Beresneva, E.V. (2020), “Peculiarities of manifestation of psychological defenses and coping strategies in different categories of codependent women”, *Problems of Modern Pedagogical Education*, no. 66–4, pp. 357–360.
- Zeigarnik, B.V. (1986), *Patopsikhologiya* [Pathopsychology], Izd-vo Mosk. un-ta, Moscow, Russia.

Информация об авторе

Мария О. Соболева, кандидат психологических наук, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047 Москва, Миусская пл., д. 6; maria.soboleva1988@gmail.com

Ирина А. Кондратьева, магистр, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047 Москва, Миусская пл., д. 6; irina1861@inbox.ru

Information about the authors

Maria O. Soboleva, Cand. of Sci. (Psychology), Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miuskaya Square, Moscow, Russia, 125047; maria.soboleva1988@gmail.com

Irina A. Kondratieva, master, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miuskaya Square, Moscow, Russia, 125047; irina1861@inbox.ru

УДК 159.92

DOI: 10.28995/2073-6398-2024-4-98-111

Этническая идентичность в структуре самосознания студентов-гуманитариев

Марина М. Мишина

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, mishinamt@yandex.ru*

Дмитрий А. Коляков

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, dakolyakov@yandex.ru*

Аннотация. В статье представлены результаты эмпирического исследования личностной идентичности как основы самосознания, а также роли и места в ней этнической составляющей среди московских студентов гуманитарных направлений обучения ($n = 113$). Идентичность человека играет важную роль в его мироощущении, деятельности и взаимодействии с окружающим миром и другими людьми. Понимание идентичности, ее связи с социализацией и учебной деятельностью позволяет педагогам, преподавателям и администраторам образования более качественно выстраивать стратегию образовательного процесса. Этнический компонент в условиях совместного обучения представителей различных этнических идентичностей, в том числе из различных стран, приобретает особое значение. Для анализа идентичности студентов использовались три зарекомендовавшие себя методики: методика для оценки компонентов идентичности, ведущая зарубежная методика оценки этнической идентичности и российская методика оценки компонентов этнической идентичности. Анализ результатов исследования позволяет сделать вывод о значимых различиях идентичности в этно-демографических группах современных российских студентов-гуманитариев.

Ключевые слова: идентичность, этническая идентичность, когнитивный компонент, аффективный компонент, иностранные студенты

Для цитирования: Мишина М.М., Коляков Д.А. Этническая идентичность в структуре самосознания студентов-гуманитариев // Вестник РГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование». 2024. № 4. С. 98–111. DOI: 10.28995/2073-6398-2024-4-98-111

© Мишина М.М., Коляков Д.А., 2024

Ethnic identity in the structure of self-awareness of humanities students

Marina M. Mishina

*Russian State University for the Humanities
Moscow, Russia, mishinamm@yandex.ru*

Dmitry A. Kolyakov

*Russian State University for the Humanities
Moscow, Russia, dakolyakov@yandex.ru*

Abstract. The article presents the results of an empirical study in personal identity as a foundation for self-consciousness as well as the place and role of the ethnic component thereof. The study was conducted among Moscow humanities undergraduate students ($n = 113$). A person's identity plays an important role in his/her worldview, activity and interaction with the environment and other people. Understanding the identity and its relation to socialization and educational activity allows educators and education administrators create more efficient strategies of the educational process. In the multiethnic and multinational educational environment understanding the ethnic component is of particular significance. Three well-established techniques were used to analyze the students' identity – an identity component analysis framework, a leading international ethnic identity analysis framework and a Russian ethnic identity component analysis framework. The analysis of the research results lets concluding that there are significant differences of identity in ethno-demographic groups of modern Russian humanities students.

Keywords: identity, ethnic identity, cognitive component, affective component, international students

For citation: Mishina, M.M. and Kolyakov, D.A. (2024), "Ethnic identity in the structure of self-awareness of humanities students", *RSUH/RGGU Bulletin. "Psychology. Pedagogics. Education" Series*, no. 4, pp. 98–111, DOI: 10.28995/2073-6398-2024-4-98-111

Сущность и актуальность проблемы

Проблематика этнической идентичности получила новый импульс в отечественной психологии с конца 1990 – начала 2000-х гг. Новые реалии общества в целом и системы образования в частности требовали новых подходов, в том числе в педагогической психологии. Классические подходы отечественной психологии, сформировавшиеся еще в советское время, в новых условиях стали

все более настойчиво требовать переосмысления. Последнее десятилетие двадцатого и начало нынешнего века принесли в наше общество повышение этнического и национального сознания среди выходцев из бывших советских республик и отдельных регионов РФ, исчезновение ранее доминировавшей советской идентичности, которая лишь отчасти и не для всех смогла быть заменена новой российской идентичностью¹. Параллельно повысившаяся международная мобильность и демографические тенденции стали приводить к тому, что в системе образования особенно интенсивно начали возникать учебные коллективы с заметным разнообразием этнической идентичности, требующие понимания этнического аспекта и учета его в управлении образовательным процессом. При этом особенности как российского общества, так и истории изучения этнической проблематики в российской и советской науке накладывают ряд существенных ограничений на простой перенос в российскую практику зарубежных подходов и выводов. Как отмечает ряд современных российских исследователей, в международной (западной) научной практике внимание к этнической идентичности является прежде всего маркером постколониальных исследований, в то время как в отечественной научной литературе – в первую очередь отходом от научной парадигмы советского времени, подразумевавшей формирование так называемой новой исторической общности «советский народ» [Бекарев и др. 2024]. В такой ситуации, по мнению отдельных исследователей, отечественная наука, причем не только психология, пользуется своеобразной «двойной бухгалтерией», применяя многие западные наработки, но при этом прочитывая их в своем ключе, сквозь призму собственного понимания этничности [Герандоков 2009].

В современной Российской Федерации, с одной стороны, доля титульной национальности составляет (по переписи) более 80% (что больше, например, чем турок в Турции или тайцев в Таиланде) и соответствует показателям классических национальных государств, а с другой стороны, историческое наследие Советского Союза, где многонациональный характер народа являлся важной частью менталитета, идеологии и научных концепций, не позволяет шаблонно применять подходы, характерные для национальных государств.

В то же время, несмотря на бурные изменения последних десятилетий в нашей стране, изменилась не только она, изменился и продолжает меняться весь мир. Демографические изменения

¹Лебедева Н.М. Этнопсихология: Учеб. и практикум для вузов. М.: Юрайт, 2023. 491 с.

приводят к тому, что значительно повышается количество людей, особенно молодых, желающих учиться и работать в других странах, а также переезжать в них для постоянного проживания². Развитие Интернета и дигитализация позволяют людям, живущим в другой стране, в некоторой, а порой и в значительной части оставаться в культурно-информационном поле своей страны или же в информационно-культурном поле третьей страны, например глобально-англоязычном. Сочетание этих факторов ведет к тому, что, с одной стороны, состав учебных и трудовых коллективов становится все более этнически и культурно разнообразным, а с другой стороны, делает более выраженными наблюдаемые культурные и этнически обусловленные различия, замедляя или вообще останавливая процесс культурной ассимиляции³.

Игнорирование происходящих изменений неизбежно будет приводить к понижению эффективности образовательной деятельности и, потенциально, к негативным последствиям, выходящим за пределы сферы образования.

Понимание места этнической составляющей в идентичности студентов является фундаментом для разработки образовательной стратегии в мультиэтнических образовательных коллективах.

Выборка

В исследовании приняли участие 113 человек ($n = 113$) – студенты гуманитарных направлений обучения Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы: 97 человек женского пола ($n = 97$) и 16 человек мужского пола ($n = 16$). Возраст основной массы респондентов 20–23 года. Также в выборку попал один респондент 19 лет и пять респондентов 24–28 лет.

Методики

Для анализа роли и места этнической идентичности в самосознании и личностной идентичности помимо сбора демографических данных и вопросов об этнической самоидентификации и происхождении использовались три основные исследовательские методики:

² Стефаненко Т.Г. Этнопсихология: практикум. М.: Аспект Пресс, 2013. 224 с.

³ Стефаненко Т.Г. Этнопсихология. М.: Аспект Пресс, 2015. 352 с.

- «Кто я?» (М. Кун и Т. Макпартленд (сокращенный вариант));
- измерение выраженности этнической идентичности и ее компонентов (Дж. Финни);
- опросник по исследованию этнической идентичности учащихся и подростков (О.Л. Романова).

Совокупное рассмотрение и сопоставление результатов, полученных при использовании этих смежных, но рассматривающих проблематику идентичности в различных аспектах методик, позволяет увидеть взаимосвязи, заслуживающие дальнейшего исследования.

Методика М. Куна и Т. Макпартленда «Кто я?» является одной из наиболее известных международных методик экспресс-анализа идентичности и предполагает заполнение опрашиваемыми шести (20 в расширенном варианте) ранжированных граф ответа на вопрос «Кто я?» в условиях ограниченного времени. Данная методика прежде всего позволяет составить общую картину личностной идентичности и показать место в ней тех или иных компонентов, включая этнический.

Методика Дж. Финни представляет собой перечень вопросов, подразумевающих степень согласия с представленными опрашиваемому утверждениями по тематике этнической идентичности. Данная методика позволяет оценить общую значимость этнической идентичности для человека и выделить роли когнитивного и аффективного компонента этнической идентичности. Под когнитивной составляющей в данном случае подразумевается совокупность аспектов этнической идентичности, связанных с осознанным стремлением получить больше информации о собственной идентичности, ее особенностях, истории, связанных традициях и различиях с другими идентичностями. Аффективная составляющая, в свою очередь, представлена эмоционально-аффективной привязанностью к элементам своей этнической идентичности без осознанного познавательно-деятельностного компонента.

Методика О.Л. Романовой специализирована для использования в педагогическом контексте и предназначена для обследования не только студентов, но и учащихся более младших возрастов, в том числе детей и подростков. Данная методика позволяет выделить четыре компонента отношения к собственной этнической идентичности:

- 1) чувство принадлежности к своей этнической группе;
- 2) значимость национальности для индивида;
- 3) взаимоотношения этнического большинства и меньшинства;
- 4) использование того или иного языка.

Помимо вопросов вышеперечисленных методик опрашиваемых попросили указать базовые демографические сведения – пол, возраст, этническую принадлежность отца, матери и собственную (по самоидентификации).

Ход исследования и основные результаты

Собранные демографические характеристики выборки побудили нас избрать этническую самоидентификацию как основу сравнительно-сопоставительного анализа.

Поскольку исследование проводилось среди студентов третьего курса и старше, возрастной диапазон испытуемых получился очень узким (возраст большинства составил 20–22 года). Таким образом, было принято решение не включать возрастную характеристику в анализ в качестве дифференцирующего фактора. Качественный анализ ответов по методике «Кто я?» тоже не показал значимых различий между респондентами женского и мужского пола, на основании чего нами также было принято решение не анализировать возможные различия в гендерно-половом аспекте.

С точки зрения этнической самоидентификации нами были выделены для дальнейшего анализа пять нижеперечисленных подгрупп:

1. Русские – 51% (57 чел.).
2. Россияне – 14% (16 чел.).

В данную подгруппу вошли респонденты, которые не указали нерусского происхождения и имеют заведомо русские ФИО, но при этом выбрали другие варианты кроме «Русский/Русская» – Россиянин, Славянка, Русская казачка, Россияне-москвичи и т. д. Сюда нами были также отнесены респонденты, сообщившие о смешанном этническом происхождении родителей и выбравшие двойную этническую аффилированность, но при этом поставившие слово «русский» на первое место, например «Русская еврейка» и «Русская армянка».

На наш взгляд, данная подгруппа заслуживает дополнительного изучения: являясь очень близкими или даже неотличимыми от представителей первой группы как по этническому происхождению, так и по культуре, они, как мы увидели по результатам исследования, отличаются от ее представителей с точки зрения отношения к этнической идентичности зачастую не меньше, чем представители иных этносов, составивших прочие группы.

3. Представители коренных этносов РФ (кроме русских) – 14% (16 чел.) – народы РФ.

4. Представители национальностей бывших республик СССР («Ближнее зарубежье») – 15% (17 чел.).

5. Представители прочих зарубежных этносов («Дальнее зарубежье») – 6% (7 чел.).

При этом 25% (28 чел.) отметили смешанное происхождение (родители относятся к разным этническим группам). Большинство из них выбрало для себя только одну этническую идентификацию (по отцу или матери). Такие респонденты учтены в составе тех подгрупп, с которыми они в первую очередь самоидентифицируются.

Поскольку этническая идентичность тесно связана с гражданской идентичностью, а по мнению отдельных исследователей, даже является ее компонентом [Федотова 2024], такого рода группировка не является единственно возможной или, тем более, единственно верной. Однако проведенные нами исследования в таком групповом разрезе позволяют сделать интересные наблюдения и могут послужить фундаментом для дальнейших углубленных исследований.

Анализ результатов по методике «Кто Я?» в целом подтверждает гипотезу, что респонденты в большей степени этнокультурного удаления от окружающей среды/коллектива уделяют большее внимание этническому аспекту своей идентичности (см. табл. 1).

Таблица 1

Выраженность этнической компоненты
в личностной идентичности
(Методика «Кто я?» М. Кун и Т. Макпартленд
(n = 113)), %

Подгруппы	Доля, %	Этничность на 1-м месте	Этничность входит в шесть характеристик
Русские	51	12	35
Россияне	14	6	19
Народы РФ	14	13	31
Ближнее зарубежье	15	12	29
Дальнее зарубежье	6	71	71

Результаты исследования показывают, что именно студенты из дальнего зарубежья, которые в российском вузе не просто являются этническим меньшинством, причем меньшинством для всех

очевидным, но и испытывают целый ряд языковых и культурных барьеров, уделяют этническому аспекту своей идентичности значительно большее внимание. Такие студенты не только чаще, чем представители других подгрупп, упоминают свою этничность в числе шести наиболее важных аспектов своей идентичности, но и, как правило, указывают этнический компонент в качестве наиболее важного. Помимо этого, многие респонденты из данной подгруппы указали различные этнические и связанные компоненты в перечне несколько раз, например: Монголка, Халха (основной субэтнос у монголов) или Китайка, Хань, Азиатка. Налицо значительная важность этнического компонента идентичности для данной подгруппы студентов, заслуживающая внимания со стороны образовательной системы.

В то же время для других подгрупп показатели роли этнической составляющей в идентичности ожидаемо заметно ниже: из подгрупп «Русские», «Народы РФ» и «Ближнее зарубежье» около трети включили упоминание этничности в шесть наиболее значимых характеристик идентичности и лишь 12–13% поставили этничность на первое место.

Подгруппа «Россияне» является своего рода противоположностью подгруппе иностранцев дальнего зарубежья: лишь менее одной пятой из них упомянули этнический аспект идентичности в числе важнейших.

Можно ли на основании данных результатов сделать вывод о том, что этническая компонента в целом играет относительно незначительную роль в осознанной личностной идентичности и проявляется только для студентов из дальнего зарубежья?

Анализ результатов двух следующих исследований этнической идентичности по методикам Дж. Финни и О.Л. Романовой позволяет с уверенностью говорить о том, что такой вывод является по крайней мере преждевременным (см. табл. 2).

Большинство опрошенных студентов демонстрируют высокую оценку абсолютной значимости этнической идентичности: в каждой подгруппе, кроме подгруппы «Россияне», самостоятельно оцененная важность этнической идентичности («Выраженность») составляет в среднем более трех, что соответствует ответу «Скорее согласен, чем не согласен», или большей степени согласия с представленными утверждениями о важности различных аспектов и характеристик этнической идентичности. Даже в подгруппе «Россияне» данный показатель лишь незначительно ниже и заметно выше нейтрального (равноудаленного между «Скорее согласен, чем несогласен» и «Скорее несогласен, чем согласен»).

Таблица 2

Выраженность и компоненты этнической идентичности
(Методика Дж. Финни (n = 113))

Подгруппы	Доля, %	Выра- женность	Когни- тивный компонент	Аффек- тивный компонент	Разница когнитивный– аффективный
Русские	51	3,07	2,68	3,36	–0,68
Россияне	14	2,94	2,56	3,21	–0,65
Народы РФ	14	3,40	3,05	3,64	–0,59
Ближнее зарубежье	15	3,11	2,67	3,43	–0,76
Дальнее зарубежье	6	3,13	2,97	3,24	–0,27
Всего по выборке		3,11	2,73	3,38	–0,65

Среди индивидуальных респондентов абсолютное большинство (97 из 113) также продемонстрировало выраженность этнической идентичности выше нейтральной.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что, хотя в общей картине идентичности респондентов этническая составляющая может вытесняться с первых мест другими важными для опрашиваемого элементами, она является тем не менее четко осознаваемым важным компонентом общей картины идентичности.

Методика Дж. Финни подразумевает выделение когнитивного и аффективного компонентов восприятия собственной этнической идентичности. Когнитивный компонент, как следует из названия, представлен осознанными усилиями опрашиваемых по изучению и осмыслению сущности своей этнической идентичности, таких как история своего этноса, его культура и традиции, в то время как аффективный компонент характеризует эмоциональную привязанность к своему этносу, чувство принадлежности и гордости своей этнической идентичности. В моделях, предложенных разными исследователями, используются различные термины для обозначения составных частей когнитивного компонента – «этнические ориентации», «групповые концепции» и др. Но самыми важными признаются, во-первых, этническая осведомленность, которая включает знания об этнических группах – своей и чужих, об их истории, обычаях, особенностях культуры, и, во-вторых, этническое самоназвание [Маканова 2011].

У всех рассматриваемых подгрупп и у большинства (101 из 113) индивидуальных респондентов когнитивный компонент превалирует над аффективным. При этом на общем фоне заметно выделяется подгруппа «Дальнее зарубежье», состоящая из представителей стран и этносов, максимально удаленных от культурно-этнического окружения, в котором они находятся при обучении в московском вузе. Такие респонденты продемонстрировали наибольшую относительную склонность к сознательному изучению своего этнического и культурного наследия, при этом аффективный компонент, по всей видимости, уравновешивается интересом как к культуре принимающей страны, так и к культурам других представителей полиэтничного учебного коллектива и остается близко к средним по выборке значениям.

Другой подгруппой, которую можно отметить по результатам исследования по методике Дж. Финни, является «Народы РФ». У данной подгруппы при сохранении схожего со средним по выборке баланса между когнитивным и аффективным компонентами этнической идентичности оба эти элемента находятся на самых высоких, по сравнению с другими группами, уровнях, что дает в итоге максимальный общий показатель выраженности.

Сравнительно-сопоставительный анализ этих двух подгрупп представляет интерес с точки зрения дальнейшего изучения и поиска потенциальных практических рекомендаций для использования в образовательном процессе и даже в более широком контексте организации полиэтничных коллективов. Представители обеих подгрупп не относятся к основному, титульному этносу места обучения, в равной степени проявляют сознательный интерес к изучению собственной этнической идентичности и культурного наследия, и в то же время их аффективная привязанность к этническому аспекту собственной идентичности сильно различается. Можно выдвинуть гипотезу о том, что студенты из дальнего зарубежья, сделавшие осознанный выбор поступить в вуз страны с сильно отличающейся культурой в меньшей степени изначально испытывали аффективную привязанность к этнокультурным аспектам собственной идентичности, но, столкнувшись с многообразием окружающих их этносов и культур, стали проявлять больший осознанный (когнитивный) интерес и к этническим аспектам собственной идентичности.

Таким образом, можно установить, что все выделяемые нами группы (с учетом описанных выше особенностей), с одной стороны, довольно близки с точки зрения общей выраженности этнической составляющей в идентичности и соотношения аффективного и когнитивного компонентов, а с другой стороны, демонстрируют

характерные для отдельных групп и заслуживающие учета в педагогической практике особенности.

Методика изучения этнической идентичности О.Л. Романовой позволяет исследовать данный феномен в разрезе отдельных избранных аспектов, таких как значимость этничности для идентификации, выраженность чувства принадлежности к этнической группе, взаимоотношения между этническим большинством и меньшинством, а также вопрос использования языка.

Таблица 3

Проявление отдельных аспектов этнической идентичности
(методика О.Л. Романовой (n = 113))

Подгруппы	Доля, %	Чувство принадлежности к своей этнической группе	Значимость этничности	Взаимоотношения этнического большинства и меньшинства	Использование того или иного языка
Русские	51	0,84	0,30	0,35	0,63
Россияне	14	0,89	0,21	0,52	0,50
Народы РФ	14	1,40	0,34	0,31	0,03
Ближнее зарубежье	15	1,09	0,63	0,52	0,68
Дальнее зарубежье	6	0,89	0,71	0,86	0,79
Всего по выборке		0,96	0,37	0,43	0,54

Результаты исследования по данной методике демонстрируют схожую с предыдущими методиками картину: с точки зрения такого аспекта, как чувство принадлежности к этнической группе, можно наблюдать схожие относительно высокие показатели у большинства подгрупп и выделяющиеся повышенные показатели у подгруппы «Народы РФ», которая резко отличается от остальных, но уже в противоположную сторону, по показателю важности использования того или иного языка. Данные результаты подтверждают выводы ранее проводившихся исследований среди

отдельных этнических групп, например малых народов Русского Севера. У малых народов сочетание доминирования русского языка в повседневном общении с сильным чувством принадлежности к этнической группе является даже более выраженным [Бекарев и др. 2024]. Специфика подгруппы «Народы РФ» состоит в том, что большинство из ее участников говорят на русском языке лучше, чем на каком-либо другом, что объединяет ее с подгруппами «Русские» и «Россияне» и отличает от подгрупп «Ближнее зарубежье» и «Дальнее зарубежье». При этом факт полной погруженности в русскоязычную культурную среду для этой подгруппы вовсе не угнетает развитие этнокультурного компонента идентичности, а даже, судя по всему, способствует акцентированию этнических особенностей в противовес языковой практике общения.

В то же время с точки зрения значимости этничности для личностной самоидентификации иностранцы как из ближнего, так и из дальнего зарубежья демонстрируют ее в заметно большей степени, чем все три российские подгруппы, включая «Народы РФ». Таким образом, несмотря на наивысшую из представленных подгрупп важность чувства принадлежности к своей этнической группе, подгруппа «Народы РФ» по субъективной оценке значимости этничности в личностной идентификации максимально близка к подгруппе «Русские» и превосходит по этому показателю подгруппу «Россияне», но придает вопросам этничности заметно меньшее значение, чем группы, представляющие оказавшихся в другой стране и новом этнокультурном окружении иностранцев.

В аспекте взглядов на взаимоотношения этнического большинства и меньшинства подгруппа «Народы РФ» также демонстрирует максимально близкие к подгруппе «Русские» показатели; подгруппы «Россияне» и «Ближнее зарубежье» уделяют этому заметно больше внимания, а подгруппа «Дальнее зарубежье» – значительно больше.

Основные выводы

Подводя итоги исследования роли этнической составляющей в личностной идентичности современных студентов, отметим, что большинство респондентов гордятся своей культурой, которая воспринимается ими как значительная категория в формировании сознания, помогающая строить продуктивные межличностные отношения. Большинство респондентов заинтересованы в сохранении своей идентичности, что свидетельствует о положительном отношении к своему происхождению и отчетливом осознании того,

что оно может быть со временем утрачено под влиянием другой культуры.

Встраивание в другую культуру расширяет сферу функционирования неродного языка, что вызывает сужение национального языка, но сохраняет положительное отношение к нему и к своей идентичности.

У современных студентов доминирует высокая оценка абсолютной значимости этнической идентичности, следовательно, они ориентированы на сохранение национальной культуры в будущем.

В то же время выявленные в рамках настоящего исследования различия в роли и месте этнической идентичности в самосознании студентов-гуманитариев, идентифицирующих себя с различными этнокультурными группами, позволяют уверенно говорить как о необходимости учета этнически обусловленных различий в образовательном процессе, так и об оправданности дальнейшего исследования таких особенностей и путей их конструктивного использования педагогами и работниками образования на практике.

Литература

- Бекарев и др. 2024 – *Бекарев А.М., Кутявина Е.Е., Пак Г.С.* Этническая идентичность в теории и цифрах: на примере коренных малочисленных северных народов // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия «Социология. Политология». 2024. Т. 24. Вып. 1. С. 13–22.
- Герандоков 2009 – *Герандоков М.Х.* Этничность и этническая идентичность: теоретический аспект // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2009. № 2 (28). С. 28–35.
- Маканова 2011 – *Маканова А.Ж.* Этническая идентичность как элемент формирования этнического сознания // Современная высшая школа: инновационный аспект. 2011. № 1. С. 78–86.
- Федотова 2024 – *Федотова В.А.* Гражданская и этническая идентичность россиян: роль ценностей в их формировании // Вестник Московского университета. Серия 14 «Психология». 2024. Т. 47. № 1. С. 132–149.

References

- Bekarev, A.M., Kutjavina, E.E. and Pak, G.S. (2024), "Ethnic identity in theory and figures: On the example of the aboriginal minorities of the North", *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, vol. 24, iss. 1, pp. 13–22.
- Fedotova, V.A. (2024), "Civic and ethnic identity of Russians: the role of values in their development", *Lomonosov Psychology Journal*, vol. 47, no. 1, pp. 131–149.

- Gerandokov, M.H. (2009), "Ethnicity and ethnic identity – the theoretical aspect", *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv*, no. 2 (28), pp. 28–35.
- Makanova, A.Zh. (2011), "Ethnic identity as an element of ethnic conscience formation", *Contemporary Higher Education: Innovative Aspects*, no. 1, pp. 78–86.

Информация об авторах

Марина М. Мишина, доктор психологических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6;

Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы, Москва, Россия; 117198, Россия, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6; mishinamm@yandex.ru

Дмитрий А. Коляков, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; dkolyakov@gmail.com

Information about the authors

Marina M. Mishina, Dr. of Sci. (Psychology), associate professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125047;

Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russia; bld. 6, Miklukho-Maklaya Street, Moscow, Russia, 117198; mishinamm@yandex.ru

Dmitry A. Kolyakov, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125047; dkolyakov@gmail.com

Когнитивный и эмоциональный компоненты
усвоения иностранного языка:
лингвистическая и нелингвистическая специализация

Ирина В. Полякова

*Смоленский государственный университет
Смоленск, Россия, alisapolyak2810@mail.ru*

Аннотация. В работе представлено исследование психологических особенностей взаимосвязи когнитивного и эмоционального компонентов освоения иностранного языка студентами различных профессиональных специализаций. Цель работы заключалась в выявлении и компаративном соотношении различий этой взаимосвязи. В исследовании приняли участие 40 студентов различных направлений профессиональной подготовки (возраст = 19–21), обучающихся в Смоленском государственном университете на филологической факультете и в Санкт-Петербургском политехническом университете. В исследовании установлено, что выраженность когнитивного компонента у студентов, осваивающих иностранный язык на лингвистических специальностях, выше, чем у студентов нелингвистического профиля обучения. Характер распределения результатов видов эмоциональной направленности в обеих группах приблизительно одинаковый, но степень его проявления различная. Выявлено, что у студентов обеих групп высоко выражены одни и те же виды эмоциональной направленности: коммуникативная и гностическая. Для установления взаимосвязи был использован критерий Пирсона. Модальность и сила взаимосвязей в группах разная. Высокие взаимосвязи между когнитивным и эмоциональным компонентами выявлены только у студентов, осваивающих профессии, связанные с иностранным языком.

Ключевые слова: мотивация, познавательные процессы, эмоции, обучение, стрессоустойчивость, тревожность

Для цитирования: Полякова И.В. Когнитивный и эмоциональный компоненты усвоения иностранного языка: лингвистическая и нелингвистическая специализация // Вестник РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование». 2024. № 4. С. 112–129. DOI: 10.28995/2073-6398-2024-4-112-129

Cognitive and emotional components
of foreign language acquisition.
Linguistic and non-linguistic direction of training

Irina V. Polyakova
Smolensk State University
Smolensk, Russia, alisapolyak2810@mail.ru

Abstract. The paper presents a study of the psychological features of the relationship between the cognitive and emotional components of learning a foreign language by students of various professional specializations. The aim of the work was to identify and comparatively correlate the differences in that relationship. The study involved 40 students of various fields of professional training (Age = 19–21), studying at Smolensk State University at the Faculty of Philology and St. Petersburg Polytechnic University. The study found that the severity of the cognitive component in students learning a foreign language in linguistic specialties is higher than in students of a non-linguistic education profile. The nature of the results distribution by the types of emotional orientation in both groups is approximately the same, but the degree of its manifestation is different. It was revealed that students of both groups have highly expressed the same types of emotional orientation: communicative and gnostic. Pearson's criterion was used to establish the relationship. The modality and strength of relationships in groups are different. High interrelationships between cognitive and emotional components were revealed only in students mastering professions related to a foreign language.

Keywords: motivation, cognitive processes, emotions, learning, stress tolerance, anxiety

For citation: Polyakova, I.V. (2024), "Cognitive and emotional components of foreign language acquisition. Linguistic and non-linguistic direction of training", *RSUH/RGGU Bulletin. "Psychology. Pedagogics. Education" Series*, no. 4, pp. 112–129, DOI: 10.28995/2073-6398-2024-4-112-129

Введение

Воспитание молодого поколения, способного к конструктивной деятельности в полиязыковых условиях межкультурного взаимодействия является стратегической целью и потребностью любого современного сообщества. В связи с этим потребность в свободном владении иностранным языком, особенно нынешнее существование нашей страны в условиях масштабных санкций и необходимости их преодоления, в последнее время значительно

возрастает. Статус иностранного языка как учебного предмета существенно меняется, что обуславливает необходимость психологических изысканий в направлении повышения эффективности овладения иностранным языком [Румянцева 2020]. Уровень овладения иностранным языком студентами филологических, «языковых» и «неязыковых» факультетов различается. Последние нацелены на профессиональную специализацию, не связанную непосредственно с дальнейшей практикой иностранного языка, в связи с этим они могут проявлять низкую учебную мотивацию, формальное отношение к овладению иностранным языком, которое проявляется в низкой академической успеваемости, а также нежелание тратить время и усилия на изучение языка. «Прагматическое» применение языкового опыта они полагают проблематичным и/или отсроченным во времени, что отчасти объясняет нежелание студентов нефилологических факультетов осваивать иностранный язык на уровне пользователей и тем самым ограничивать свои возможности в карьерном и личностном росте.

Исследование психологических особенностей и условий организации процесса усвоения иностранного языка ведет свое начало с работ Л.С. Выготского [Выготский 2000], А.Н. Леонтьева¹ и С.Л. Рубинштейна [Рубинштейн 2024]. Классики психологии подчеркивали роль языкового сознания как системного средства процесса освоения родного и иностранного языков, связывая его с феноменом единства отражения, отношения, сознания и деятельности. Собственно, оба процесса в данном контексте озвучиваются исходя из дидактических соображений, чтобы объяснить комплексный характер составляющих процесса усвоения иностранного языка. Исследователи утверждают, что в современной науке жесткое противопоставление этих компонентов является непродуктивным и несоответствующим реальному характеру психического отражения и анализа жизненного опыта [Люсин, Сучкова 2019]. Взаимовлияние эмоциональной и когнитивной сфер оказывает решающее значение на процесс и результаты деятельности, поведение, психическое здоровье и благополучие обучающегося. Эти категории стали основополагающими при классификации основных компонентов, выделяемых в структуре овладения иностранным языком: когнитивный, эмоциональный и функциональный, объективирующий два предыдущих [Поддубная, Петрунова 2008].

При определении понятия «когнитивный компонент» традиционно указывают на совокупность перцептивных, мнемических,

¹Леонтьев А.Н. Лекции по общей психологии. М.: Смысл: КДУ, 2005. 511 с.

мыслительных процессов и речи, обеспечивающих понимание целей и задач деятельности, принятие решений и управление собственным поведением и деятельностью [Люсин, Сучкова 2019]. Под эмоциональным компонентом усвоения иностранного языка понимается отношение обучающегося к процессу овладения иностранным языком в целях собственного профессионального и личного развития.

Т.К. Поддубная и Т.В. Петрунова, определяющие эмоцию вслед за С.Л. Рубинштейном как динамическую сторону познавательного процесса, подчеркивают ее вклад и влияние на формирование и функционирование сенсорно-перцептивных, мыслительных, мнемических процессов и речи [Поддубная, Петрунова 2008]. Определяющее влияние эмоций на семантические структуры сознания экспериментально доказано В.Ф. Петренко [Петренко 2010].

Освоение иностранного языка является довольно трудоемким не только из-за объективных трудностей, связанных с тем, речь идет не столько об обучении лексике и грамматике. Владение иностранным языком означает вхождение в иноязычную культуру и связано с развитием языковой личности [Ртищева 2021]. Поскольку в процессе аудиторных занятий в вузе студенты осваивают предлагаемый им учебный материал, подвергая его поэлементной проработке чаще ситуативно, чем контекстно, процесс формирования языковой личности как бы пролонгируется, если не отсрочивается, и предполагает дополнительную сверхнормативную активность в овладении иностранным языком, которую готовы осуществлять не все обучающиеся. В результате большого числа языковых неточностей и ошибок, которые допускают студенты на занятиях, им приходится систематически воспринимать и учитывать исправления и замечания преподавателя, что вызывает утомление и негативные переживания. По мнению Р. Пишгадам (Pishghadam R.), это закономерно снижает учебную мотивацию обучающихся [Pishghadam 2009]. Психоэмоциональная устойчивость и эмоциональный интеллект влияют на академическую успеваемость и удовлетворенность учащегося процессом и результатом обучения, стресс может вызывать гиперактивацию мышления, избыточное психоэмоциональное напряжение, тревогу, обидчивость, отказ от взаимодействия и сотрудничества [Мадоян 2022]. Поэтому способность управлять стрессом и личностные качества имеют определенное значение в контексте обучения [Полякова 2013; Полякова 2022; Dogaruni, Heydarnejad 2023]. Имеется большое количество исследований тревоги и влияния положительных эмоций на когнитивные факторы и исполнительские функции обучающихся неродному языку в условиях организованного обучения [Shields et al. 2016;

Schweizer et al. 2019; Qiangfu 2022]. Экспериментально установлено, что когнитивный контроль, направленный на обработку информации, после исключающих социальных взаимодействий может нарушить способность поддерживать саморегуляцию поведения и дееспособности и обусловлен переживаемой обучающимся тревогой [Themanson et al. 2014].

Авторы указывают на недостаточность исследований взаимосвязи когнитивных и эмоциональных составляющих процесса овладения иностранным языком обучающимися различных профессиональных специализаций [Поддубная, Петрунова 2008; Рудометова, Шлангман 2022].

Цель предлагаемого исследования заключалась в установлении особенностей взаимосвязи когнитивного и эмоционального компонентов у студентов языковых и неязыковых специализаций в процессе обучения иностранному языку.

В исследовании приняли участие 40 студентов второго курса филологического факультета Смоленского государственного университета и Санкт-Петербургского политехнического университета. Исследование проводилось в марте 2024 г. Испытуемые составили две группы, которые были дифференцированы на основании наблюдений, анализа академической успеваемости по иностранному языку и опроса, цель которого заключалась в выявлении отношения студентов к перспективе использования иностранного языка в их профессиональной деятельности. В первую группу включили студентов филологического направления, они проявляли интерес к усвоению иностранного языка, указывали на необходимость его использования в работе, личных контактах и общении (далее – лингвистические). Вторую группу составили студенты нефилологического направления, они не проявляли заинтересованности в овладении иностранным языком на уровне пользователей и оценивали перспективы реального применения этих знаний в профессиональной деятельности и в личных контактах как незначительные (нелингвистические).

Методы и методики исследования

В качестве психодиагностического инструментария были использованы опросник Б.И. Додонова по изучению эмоциональной направленности личности [Додонов 1975], методика Горобова «Красно-черная таблица» и тест Рейвена (ПМР). Структура исследования включала три этапа. На первом выявлялись особенности когнитивных процессов, на втором устанавливалась эмоциональная

направленность студентов, на третьем осуществлялось компаративное соотнесение полученных результатов. Для установления корреляционных взаимосвязей был использован критерий Пирсона.

Результаты и их обсуждение

Результаты испытуемых по тесту «Красно-черная таблица» и ПМР представлены в табл. 1.

Таблица 1

Результаты испытуемых по тестам
«Красно-черная таблица» и ПМР

Группа	Тест «Красно-черная таблица»				Тест ПМР				
	Свойства внимания (μ)			Σ	Уровень развития интеллекта (% испытуемых)				
	Объем	Распределение	Переключение		Низкий	Ниже среднего	Средний	Выше среднего	Высокий
Лингвистическая	4,1	4	4,2	12,3	0	0	35	20	45
Нелингвистическая	3,5	2,9	2,6	7	0	20	45	35	0
Δ	0,6	1,1	1,6	4,7	0	20	10	15	45

Таблица 1 состоит из двух частей, в левой части представлены результаты испытуемых по методике Шульте–Горобова, в правой – по ПМР. Как видно из табл. 1, результаты студентов лингвистической группы по всем параметрам методики Шульте–Горобова превышают результаты нелингвистической группы. В третьей строке указана разница в результатах обеих групп. Максимальные различия в результатах испытуемых обеих групп были выявлены в переключении внимания, они составляют 4,7 балла. Таким образом, результативность переключения испытуемых лингвистической группы на 38,2% выше, чем нелингвистической.

Понятно, что такая разница в переключении внимания является значительной и она обусловлена высокой умственной активностью обучающихся и интенсивной практической работой во время за-

нятий. Интенсивность занятия обеспечивалась преподавателем, который задавал высокий темп занятия и опирался на мыслительную активность обучающихся. Уровень профессиональной компетентности преподавателей иностранного языка в обоих учебных заведениях был высоким. Студенты, обучающиеся в Политехническом университете, обладают развитым техническим интеллектом, позволяющим им оперировать пространственными схемами и образами. Уровень развития их вербального интеллекта не уступал уровню студентов филологического факультета, но переключение внимания было на самом деле ниже. Этим студентам требовалось больше времени на подготовку в процессе выполнения заданий, участия в учебном разговоре, их темп речи снижался при смене видов работы, и требовалось время на то, чтобы сориентироваться в различных видах работы на занятии. Они не испытывали энтузиазма, который проявляли студенты-филологи, легко включавшиеся в работу, и достаточно быстро теряли интерес к происходящему. Они как бы не чувствовали глубины и смысла происходящего, воспринимали предлагаемую им работу как поверхностную и малозначимую, этим можно объяснить и сниженный уровень функционирования внимания.

Переключение с иностранного на родной язык в процессе овладения иностранным языком при всех видах работы на занятии: говорении, чтении, письме и аудировании – происходит интенсивно, систематически и необходимо для овладения предметом. Очевидно, что это свойство внимания как бы «эксплуатируется» более интенсивно, чем в других дисциплинах, не связанных с прямым и обратным переводом на иной язык, поскольку помимо переключения в аспектах учебного материала необходимо «понимание-переключение» с родного на иностранный язык. Это свойство связано со способностью обучающегося с определенной скоростью ориентироваться в меняющихся условиях ситуации и вызывает нервно-психическое напряжение. Различия между группами можно объяснить уровнем выраженности познавательной мотивации и эмоциональным отношением, которые способствуют сохранению психической выносливости обучающихся лингвистической группы. Менее выраженные различия по распределению и объему внимания, на наш взгляд, обусловлены меньшим напряжением, необходимым для их реализации в процессе занятия. Результаты распределения внимания в лингвистической группе выше на 28%. Наименьшие различия между группами выявлены в объеме внимания и составляют 15%. Подчеркнем, мы полагаем, что такое снижение инспирировано ситуативно. Для того чтобы улучшить результаты группы нелингвистического направления на

аудиторных занятиях, необходимо стимулировать переключение внимания студентов в процессе обучения.

Распределение внимания является комплексной характеристикой и предполагает как бы одновременное сосредоточение на двух и более объектах, требующее высокого психоэмоционального напряжения [Абисалова и др. 2023]. В исследовании установлено, что различие в выраженности этого свойства внимания в группах меньше, чем в переключении, и составляет 32%. Распределение внимания в группе лингвистов выше, чем в нелингвистической группе. Это может свидетельствовать о более интенсивной включенности лингвистов в процесс обучения и более высоком уровне освоения предмета.

Различие в результатах испытуемых обеих групп по объему внимания минимальное и составляет 15%. Объем внимания лингвистической группы выше, однако это различие, на наш взгляд, следует объяснить их более высокой компетентностью в иностранном языке, они оперируют большим количеством усвоенных и автоматизированных в процессе речевой практики лексических единиц и грамматических конструкций.

Результаты по ПМР выявили более высокое развитие познавательных процессов на всех уровнях методики в результатах лингвистической группы. На самом деле этот результат следует оценивать как сохранение высокого уровня познавательной активности, связанной с положительным психоэмоциональным отношением обучающихся к предмету деятельности и их желанием/потребностью изучать иностранный язык [Мадоян 2022]. Иными словами, на наш взгляд, разница в результатах групп обусловлена в том числе эмоциональными составляющими, способствующими поддержанию активности познавательных процессов на высоком уровне. В группе лингвистов были выявлены студенты с высоким уровнем интеллектуального развития, их оказалось 45%. Студентов с высоким уровнем в неязыковой группе не было установлено. В выраженности всех остальных уровней интеллектуального развития результаты студентов языковой группы оказались более высокими. Их познавательное развитие в уровне «выше среднего» превысило результаты неязыковой группы на 43%, количество студентов со средним уровнем интеллектуального развития было на 23% больше, но в уровне «ниже среднего» их было выявлено на 20% больше, чем в неязыковой группе. Полученные в исследовании результаты сопоставимы с результатами других авторов, установивших влияние учебной мотивации на познавательную активность обучающихся [Поддубная, Петрунова 2008; Полякова 2022; Dogaruni, Heydarnejad 2023].

Результаты второго этапа исследования, в ходе которого изучались эмоциональные компоненты усвоения иностранного языка, представлены на рис. 1.

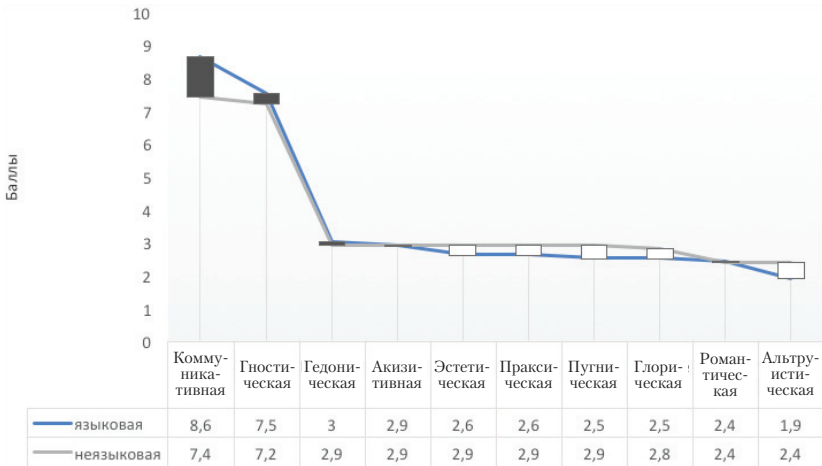

Рис. 1. Полигон распределения результатов испытуемых (методика «Определение общей эмоциональной направленности личности»)

Как видно на рис. 1, результаты испытуемых можно распределить на три группы по уровню выраженности эмоциональной направленности личности: высокий, средний и низкий. Уровень выраженности определялся шкалой от +10 до –10 баллов. К высокому уровню были отнесены коммуникативная и гностическая направленности (8,6 и 7,5 балла в языковой группе; 7,4 и 7,2 в неязыковой). Поскольку эти эмоциональные направленности являются ведущими в обеих группах, можно предположить, что полученный результат представляет собой проявление типологической направленности, свойственной юношескому возрасту. Вместе с тем в группе лингвистов высокую выраженность коммуникативной направленности личности следует отнести к проявлению специфики профессиональной специализации – практике речи. Овладение иностранным языком осуществляется в процессе общения, во время занятия коммуникативная направленность в лингвистической группе осуществляется в виде учебного разговора, в котором коммуникативные клише, этикетные речевые выражения и другие устойчивые паттерны автоматизированы и вос-

производятся студентами свободно. В ходе их тиражирования у лингвистов как бы освобождается время на обдумывание и выбор необходимого содержания, которое может быть корректно и легко актуализировано. Коммуникативная направленность у обучающихся второй группы иная, поскольку им приходится усваивать технические термины и инструкции по наладке и эксплуатации оборудования и их обсуждение не всегда предполагается. Коммуникативная направленность является наиболее высоко выраженной в обеих группах, результаты студентов языковой группы выше на 14%, т. е. разница в коммуникативной эмоциональной направленности в группах невысокая. Различия в гностической эмоциональной направленности незначительные и составляют 4%, это означает, что потребность в эмоциональной удовлетворенности от приобретаемых знаний и опыта в обеих группах высокая. Иными словами, уровень высоко выраженных эмоциональных направленностей в группах сходный.

Романтическая и альтруистическая направленности оказались низко выраженными. То есть необычность, загадочность и желание оказывать содействие, помощь и поддержку оказались низко востребованными в обеих группах. Различия в результатах групп по низко выраженным видам направленности составляет 0% в романтической направленности, романтическая эмоциональная направленность одинаково не характерна для всех испытуемых, и 21% в альтруистической. Альтруистическая направленность проявляется выше в нелингвистической группе. Можно предположить, что, поскольку ее члены включены в учебную деятельность на занятии менее интенсивно, чем студенты лингвистической группы, у них остается ресурс на «структурирование времени», например на переживания, сочувствие и солидарность с низко мотивированными сокурсниками. Кроме того, студенты неязыковой группы, осваивавшие технические профессии, обладали математическим складом ума и внимательностью (ошибки в коммуникации исправимы, ошибки в технической сфере недопустимы) и в коммуникации как бы «думали за партнера». Они брали ответственность за результат взаимодействия на себя, обеспечивая поддержку и помощь партнеру для получения необходимого им результата.

Остальные виды эмоциональной направленности были включены в группу «среднего» уровня выраженности (на самом деле они оказались низко выраженными (от 2,9 до 2,5 баллов), но были причислены к средне выраженным результатам условно, поскольку имелись и более низкие результаты в романтической и альтруистической направленностях). К группе «среднего» уровня были отнесены гедонистическая, акизитивная, эстетическая, практическая, пугни-

ческая и глорическая направленности. Все эти виды эмоциональной направленности оказались одинаково представленными в диапазоне 2,9–2,8 баллов. Эта группа направленностей была наиболее многочисленной (включала шесть видов эмоциональных направленностей), диапазон различий между результатами варьируется от 4 до 14%.

Характер распределения результатов испытуемых оказался примерно одинаковым, однако были выявлены различия в степени проявления: коммуникативная и гностическая направленности в обеих группах имеют наибольшую выраженность, но в обоих случаях они выше в лингвистической группе: 1,2 и 0,3 балла соответственно. Различия в результатах коммуникативной направленности в группах составляют 38,2%. Результаты выше в лингвистической группе, т. е. готовность ее членов к коммуникации в группе проявляется значительно активней. Разница в результатах гностической направленности невысокая, т. е. потребность в получении новых знаний проявляется активно и приблизительно на одном и том же уровне в обеих группах.

Также в пределах 4%, но выше в нелингвистической группе, выражена разница в результатах «средней» группы видов направленности. Не выявлено различий в акзигитивной (интерес, связанный с приобретательством и накопительством, коллекционированием, не связанным с экзистенциальными потребностями) и романтической (эмоции, связанные с мистическими и неординарными событиями и явлениями) направленностями. Понятно, что эти виды эмоциональной направленности не входят в число «базовых» видов эмоциональной направленности испытуемых.

Таким образом, в ходе исследования были выявлены две полярные группы высоко и низко выраженных видов эмоциональной направленности личности обучающихся. Студенты обеих групп ориентированы в основном на коммуникативные и гностические эмоции, т. е. предпочтение отдается двум из десяти видов эмоциональной направленности. Такое сужение парадигмы направленностей очевидно соответствует профессиональной специализации студентов: они обучающиеся, а не продвинутые «пользователи культуры». Можно предположить, что вхождение в культуру и/или овладение деятельностью на высоком уровне будет связано с расширением диапазона, в том числе эмоциональных переживаний, свидетельствующих о полноте осознания картины мира².

Оценка взаимосвязи когнитивного и эмоционального компонентов выявлялась с помощью критерия Пирсона. В лингвистической группе были выявлены высокие и заметные взаимосвязи между

²Леонтьев А.Н. Указ. соч.

распределением внимания и альтруистической (0,8), пугнической (склонность переживать чувство опасности) (0,7), гедонической (0,5) и коммуникативной (-0,6) направленностями; заметные прямые корреляционные связи между акзитивной направленностью и переключением внимания; романтической направленностью и объемом внимания (0,5); эстетической направленностью и уровнем развития интеллекта (0,4).

Таким образом, выявлено большое число высоких и заметных взаимосвязей между распределением внимания и эмоциональной направленностью в лингвистической группе. Альтруистическая и пугническая эмоциональные направленности представляют собой два противоположных полюса организации взаимоотношений с людьми, связанных с возможностью самоутверждения в социуме. Высокий уровень полученных результатов по пугнической направленности соответствует результатам, полученным другими исследователями. Например, были выявлены эмоциональные направленности, связанные с потребностью молодых людей к издевательствам, преследованию и подстрекательству окружающих без возможности персональной идентификации агрессивных проявлений личности (особенно в социальных сетях), дающих возможность самоутвердиться за счет партнера, который не сможет дать обратную связь, среди них: пугническая и глорическая эмоциональные направленности [Зекерьяев 2023, с. 54]. В нашем исследовании высокая прямая взаимосвязь распределения внимания и пугнической направленности может свидетельствовать о склонности к самоутверждению, экспериментированию, азарту, соревнованию с окружающими и преодолению препятствий в осваиваемой профессиональной сфере. Более выраженный высокий уровень взаимосвязи по альтруистической направленности можно объяснить фактором социальной желательности и просоциальной направленностью испытуемых.

Заметная прямая взаимосвязь между гедонической направленностью и распределением внимания в лингвистической группе свидетельствует о выраженной потребности в экзистенциальной, в том числе материальной, удовлетворенности и осознании маркеров ее удовлетворения. Взаимосвязь с распределением внимания (а не переключением) может получить свое объяснение исходя из того, что у испытуемых имеется представление о взаимосвязи составляющих картину мира в целом, а не лишь отдельных ее компонентов. Заметная прямая взаимосвязь акзитивной направленности (коллекционирование или накопительство без реальной практической необходимости) и переключения внимания в лингвистической группе объясняется специфической необходимостью

усвоения учебного материала как бы впрок, поскольку неизвестно, в каких условиях коммуникации учебный материал может быть потенциально применим. Такой подход в освоении иностранного языка является традиционным, и без него экспертный уровень владения языком, по-видимому, невозможен. Связь с переключением внимания, а не распределением может быть объяснена тем, что речь идет не об активном, а о потенциальном использовании языковых средств в потенциально возможной ситуации в предполагаемом будущем. Заметные обратные связи между коммуникативной направленностью и распределением внимания свидетельствуют о сложности осуществлять коммуникацию и при этом выполнять какие-либо иные действия осознанно.

В лингвистической группе были выявлены заметные корреляционные связи между пугнической направленностью и уровнем развития интеллекта (0,5); переключением внимания и глорической и эстетической направленностями (по 0,4); пугнической и эстетической направленностями и объемом внимания (по 0,4).

Заметная прямая взаимосвязь между пугнической направленностью и уровнем интеллектуального развития в сопоставлении с высокой взаимосвязью пугнической направленности и распределением внимания в лингвистической группе, по-видимому, может быть интерпретирована как потребность в самоутверждении в юношеском возрасте. В лингвистической группе она дополнена альтруистической направленностью, лингвисты более ориентированы на просоциальное общение и взаимоотношения. Взаимосвязь глорической и эстетической направленностей и переключением внимания связана со спецификой профессиональной технической специализации: правильные, гармоничные, лаконичные, «красивые» способы решения задачи входят в предмет нормативной оценки ее решения.

В лингвистической группе было выявлено шесть высоких и заметных взаимосвязей, четыре из которых связаны с распределением внимания. В неязыковой группе были установлены пять заметных взаимосвязей, две из которых связаны с переключением внимания. Взаимосвязи когнитивного и эмоционального компонентов в группах студентов с разной профессиональной специализацией различаются.

Заключение

Студенты различных профилей обучения проявляют высокую коммуникативную и гностическую эмоциональную направленность в процессе усвоения иностранного языка. У студентов

языковых направлений она выражена выше. Это связано с более высокой мотивированностью и компетентностью в уровне владения иностранным языком и проявляется в более высоком уровне функционирования познавательных процессов во время занятия.

Структура эмоциональной направленности у студентов языковых и неязыковых специализаций является примерно одинаковой в модальностях и степени выраженности направленности: высоко выраженными видами эмоциональных направленностей являются коммуникативная и гностическая направленности; низко выражена альтруистическая направленность; остальные виды занимают промежуточное положение между ними.

Увеличение уровня выраженности диапазона эмоциональных направленностей обучающихся до высокого свидетельствует о повышении уровня усвоения учебной дисциплины.

Выявлены высокие взаимосвязи между альтруистической и пугнической направленностями и распределением внимания; альтруистическая направленность в лингвистической группе выше, чем в лингвистической. Виды взаимосвязей между когнитивным и эмоциональным компонентами усвоения иностранного языка в языковых и неязыковых группах не совпадают.

Использование во время аудиторных занятий методов активного социально-психологического обучения (дискуссия, тренинг, психологическая игра) будут способствовать развитию учебной мотивации и эффективности усвоения иностранного языка студентами. Применение этих методов в неязыковых группах должны включать упражнения с заданными стратегиями поведения персонажей, предполагающими развитие распределения внимания, необходимость формулирования собственной позиции на иностранном языке, и будут способствовать большей вовлеченности студентов в процесс и более результативному овладению иностранным языком.

Литература

Абисалова и др. 2023 – Абисалова И.Л., Саджая Л.А., Сергеева Е.О., Василенко Е.А., Приходько М.А., Хромова Н.А., Потанина А.П. Исследование устойчивости, концентрации и распределения внимания у студентов в условиях интеллектуальной нагрузки на учебных занятиях // Международный научно-исследовательский журнал. 2023. Т. 3. № 129. URL: <https://research-journal.org/archive/3-129-2023-march/10.23670/IRJ.2023.129.12> (дата обращения 11 июля 2024).

Выготский 2000 – *Выготский Л.С.* Психология. М.: Апрель-Пресс: ЭКСМО-Пресс, 2000. 1008 с.

- Додонов 1975 – *Додонов Б.И.* Классификация эмоций при исследовании эмоциональной направленности личности // Вопросы психологии. 1975. № 6. С. 21–33.
- Зекерьяев 2023 – *Зекерьяев Р.И.* Эмоциональная направленность личности, склонной к троллингу // Вестник государственного университета просвещения. Серия «Психологические науки». 2023. № 2. С. 50–60.
- Леонтьев 2005 – *Леонтьев А.Н.* Лекции по общей психологии. М.: Смысл «КДУ», 2005. 511 с.
- Люсин, Сучкова 2019 – *Люсин Д.В., Сучкова Е.А.* Когнитивные исследования на конференции Международного общества по исследованию эмоций // Российский журнал когнитивной науки. 2019. Т. 6. № 3. С. 43–49.
- Мадоян 2022 – *Мадоян М.А.* К вопросу о взаимосвязи эмоциональных, когнитивных и физиологических процессов при стрессе // NovaInfo. 2022. № 134. С. 127–129. URL: <https://novainfo.ru/article/19384> (дата обращения 11 июля 2024).
- Петренко 2010 – *Петренко В.Ф.* Основы психосемантики. М.: ЭКСМО, 2010. 480 с.
- Поддубная, Петрунова 2008 – *Поддубная Т.К., Петрунова Т.В.* Особенности взаимосвязи эмоционального и когнитивного компонентов в процессе усвоения иностранного языка студентами вузов // Вестник ВятГУ. 2008. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-vzaimosvyazi-emotsionalnogo-i-kognitivnogo-komponentov-v-protseste-usvoeniya-inostrannogo-yazyka-studentami-vuza> (дата обращения 11 июля 2024).
- Полякова 2013 – *Полякова И.В.* Взаимосвязь психологических особенностей личности и формирования навыков // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 11 «Естественные науки». 2013. № 2 (6). С. 79–85. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vzaimosvyazi-psihologicheskikh-osobennostey-lichnosti-i-formirovaniya-navykov> (дата обращения 11 июля 2024).
- Полякова 2022 – *Полякова И.В.* Психологические особенности точности воспроизведения заданного образца в различных психэмоциональных состояниях // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2022. № 1. С. 159–166. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/psihologicheskie-osobennosti-tochnosti-vosproizvedeniya-zadannogo-obraztsa-v-razlichnyh-psihoemotsionalnyh-sostoyaniyah> (дата обращения 11 июля 2024).
- Ртищева 2021 – *Ртищева О.В.* Языковая личность в культуре: направления исследований // Верхневолжский филологический вестник. 2021. № 1 (24). С. 152–158.
- Рубинштейн 2024 – *Рубинштейн С.Л.* Основы общей психологии. М.: АСТ, 2024. 964 с.
- Рудометова, Шлангман 2022 – *Рудометова Л.Т., Шлангман М.К.* Факторы успешного обучения иностранному языку в неязыковом вузе в процессе реализации компетентностного подхода // Международный научно-исследовательский журнал. 2022. № 8 (122). URL: <https://research-journal.org/archive/8-122-2022-august/10.23670/IRJ.2022.122.84> (дата обращения 11 июля 2024).

- Румянцева 2020 – *Румянцева И.М.* Поздний период «акме» и обучение иноязычной речи // Высшее образование сегодня. 2020. № 10. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pozdnyy-period-akme-i-obuchenie-inoazychnoy-rechi> (дата обращения 11 июля 2024).
- Dogaruni, Heydarnejad 2023 – *Dogaruni V.R., Heydarnejad T.* The Effect of Emotion-Based Language Instruction on Improvement of the Four Main Skills in Second Language Education // *Mextesol Journal*. 2023. Vol. 47. No. 2. URL: <https://www.mextesol.net/journal/index.php> (дата обращения 11 июля 2024).
- Pishghadam 2009 – *Pishghadam R.A.* Quantitative Analysis of the Relationship between Emotional Intelligence and Foreign Language Learning // *Electronic Journal of Foreign Language Teaching*. 2009. Vol. 6. № 1. P. 31–41. URL: <https://e-flt.nus.edu.sg/v6n12009/pishghadam.pdf> (дата обращения 11 июля 2024).
- Qiangfu 2022 – *Qiangfu Yu.A.* Review of Foreign Language Learners' Emotions // *Frontiers in Psychology*. Sec. Educational Psychology. 2022. Vol. 12. URL: <https://www.frontiersin.org/journals/psychology/articles/10.3389/fpsyg.2021.827104/full> (дата обращения 11 июля 2024).
- Schweizer et al. 2019 – *Schweizer S., Satpute A.B., Atzil S., Field A.P., Hitchcock C., Dalgleish T.* The impact of affective information on working memory: A pair of meta-analytic reviews of behavioral and neuroimaging evidence // *Psychological Bulletin*. 2019. Vol. 145. № 6. P. 566–609.
- Shields et al. 2016 – *Shields G.S., Moons W.G., Tewell C.A., Yonelinas A.P.* The Effect of Negative Affect on Cognition: Anxiety, Not Anger, Impairs Executive Function // *Researchgate*. 2016. Vol. 6. № 6. P. 792–797.
- Themanson et al. 2014 – *Themanson J.R., Ball A.B., Khatcherian S.M., Rosen P.J.* The effects of social exclusion on the ERN and the cognitive control of action monitoring // *Psychophysiology*. 2014. № 51. P. 215–225.

References

- Abisalova, I.L., Sadzhaya, L.A., Sergeeva, E.O., Vasilenko, E.A., Prihod'ko, M.A., Hromova, N.A. and Potanina, A.P. (2023), "A study of stability, concentration and distribution of attention of students under the conditions of mental load in educational classes", *International Scientific Research Journal*, no. 3 (129), available at: <https://research-org/archive/3-129-2023-march/10.23670/IRJ.2023.129.12> (Accessed 11 July 2011).
- Dodonov, B.I. (1975), "Classification of emotions in the study of the emotional orientation of personality", *Voprosy psikhologii*, no. 6, pp. 21–33.
- Dogaruni, V.R. and Heydarnejad, T. (2023), "The Effect of Emotion-Based Language Instruction on Improvement of the Four Main Skills in Second Language Education", *Mextesol Journal*, vol. 47, no. 2, available at: <https://www.mextesol.net/journal/index.php> (Accessed 11 July 2024).

- Lyusin, D.V. and Suchkova, E.A. (2019), "Cognitive studies at the conference of the International Society for the Study of Emotions", *The Russian Journal of Cognitive Science*, vol. 6, no. 3, pp. 43–49.
- Madoyan, M.A. (2022), "On the relationship of emotional, cognitive and physiological processes under stress", *NovaInfo*, no. 134, pp. 127–129, available at: <https://novainfo.ru/article/19384> (Accessed 11 July 2024).
- Petrenko, V.F. (2010), *Osnovy psikhosemantiki* [Fundamentals of psychosemantics], EKSMO, Moscow, Russia.
- Pishghadam, R.A. (2009), "Quantitative Analysis of the Relationship between Emotional Intelligence and Foreign Language Learning", *Electronic Journal of Foreign Language Teaching*, vol. 6, no. 1, pp. 31–41, available at: <https://e-flt.nus.edu.sg/v6n12009/pishghadam.pdf> (Accessed 11 July 2024).
- Poddubnaya, T.K. and Petrunova, T.V. (2008), "Features of the relationship between emotional and cognitive components in the process of learning a foreign language by university students", *Herald of Vyatka State University*, no. 3, available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-vzaimosvyazi-emotsionalnogo-i-kognitivnogo-komponentov-v-protssesse-usvoeniya-inostrannogo-yazyka-studentami-vuza> (Accessed 11 July 2024).
- Polyakova, I.V. (2013), "Interrelations of psychological features of the personality and formation of skills", *Science journal of Volgograd State University. Series 11: Natural sciences*, vol. 2, no. 6, pp. 79–85, available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/vzaimosvyazi-psihologicheskikh-osobennostey-lichnosti-i-formirovaniya-navykov> (Accessed 11 July 2024).
- Polyakova, I.V. (2022), "Psychological features of the accuracy of reproduction of a given sample in various psychoemotional states", *Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology*, no. 1, pp. 159–166, available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/psihologicheskie-osobennosti-tochnosti-vosproizvedeniya-zadannogo-obraztsa-v-razlichnyh-psihoemotsionalnyh-sostoyaniyah> (Accessed 11 July 2024).
- Qiangfu, Yu.A (2022), "Review of Foreign Language Learners' Emotions", *Frontiers in Psychology. Sec. Educational Psychology*, vol. 12, available at: <https://www.frontiersin.org/journals/psychology/articles/10.3389/fpsyg.2021.827104/full> (Accessed 11 July 2024).
- Rtishcheva, O.V. (2021), "Linguistic personality in culture: research areas", *Verhnevolzhski philological bulletin*, no. 1 (24), pp. 152–158.
- Rubinshtein, S.L. (2024), *Osnovy obshchei psikhologii* [Fundamentals of general psychology], AST, Moscow, Russia.
- Rudomyotova, L.T. and Shlagman, M.K. (2022), "Factors of successful foreign language learning at a non-linguistic university in the process of implementing the competency-based approach", *International Research Journal*, no. 8 (122), available at: <https://research-journal.org/archive/8-122-2022-august/10.23670/IRJ.2022.122.84> (Accessed 11 July 2024).

- Rumyantseva, I.M. (2020), "The late acme period and teaching foreign speech", *Higher Education Today*, no. 10, available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/pozdny-period-akme-i-obuchenie-inoazychnoy-rechi> (Accessed 11 July 2024).
- Schweizer, S., Satpute, A.B., Atzil, S., Field, A.P., Hitchcock, C., Black, M., Barrett, L.F. and Dalgleish, T. (2019), "The impact of affective information on working memory: A pair of meta-analytic reviews of behavioral and neuroimaging evidence", *Psychological Bulletin*, vol. 145, no. 6, pp. 566–609.
- Shields, G.S., Moons, W.G., Tewell, C.A. and Yonelinas, A.P. (2016), "The Effect of Negative Affect on Cognition: Anxiety, Not Anger, Impairs Executive Function", *Researchgate*, vol. 6, no. 6, pp. 792–797.
- Themanson, J.R., Ball, A.B., Khatcherian, S.M. and Rosen, P.J. (2014), "The effects of social exclusion on the ERN and the cognitive control of action monitoring", *Psychophysiology*, no. 51, pp. 215–225.
- Vygotskii, L.S. (2000), *Psikhologiya* [Psychology], Aprel'-Press, EKSMO-Press, Moscow, Russia.
- Zeker'yaev, R.I. (2023), "Emotional orientation of a person prone to trolling", *Bulletin of the State University of Education. Series: Psychology*, no. 2, pp. 50–60.

Информация об авторе

Ирина В. Полякова, кандидат психологических наук, доцент, Смоленский государственный университет, Смоленск, Россия; 214000, Россия, Смоленск, ул. Пржевальского, д. 4; alisapolyak2810@mail.ru

Information about the author

Irina V. Polyakova, Cand. Of Sci. (Psychology), associate professor, Smolensk State University, Smolensk, Russia; bld. 4, Przhevalsky Street, Smolensk, Russia, 214000; alisapolyak2810@mail.ru

Система ценностей поколения Z и ее связь с локусом контроля

Оксана В. Баскаева

*Федеральный научный центр психологических
и междисциплинарных исследований, Москва, Россия,
baskaeva.oksana@gmail.com*

Аннотация. Поколение Z переживает период становления социализации и овладения профессиональными навыками. В связи с этим актуальным является изучение личностных особенностей центениалов. Цель исследования – анализ иерархической структуры ценностно-мотивационной сферы поколения Z и взаимосвязей индивидуальных ценностей и локуса контроля. В выборку вошли студенты-центениалы московских вузов, которым было предложено заполнить онлайн Портретный опросник Шварца, адаптированный для российской выборки, и опросник Уровень субъективного контроля. Статистическая обработка данных проводилась с применением критерия Колмогорова–Смирнова, t-критерия Стьюдента и критерия Манна–Уитни, для анализа взаимосвязей вычислялись корреляции Пирсона и Спирмена. Иерархическая структура ценностных предпочтений юношей и девушек различна. Для центениалов обоих полов наибольшую значимость имеют альтруистические ценности, доминирующие над индивидуализмом, консерватизмом и пассивной социальностью (строгим следованием правилам и стандартам, требованием защиты со стороны государства); но консерватизм и пассивная социальность девушек занимает более высокие, чем у юношей, позиции в иерархии ценностных предпочтений. Значимые различия в оценках приоритетов ценностей между полами обнаруживаются, когда речь идет о чувственных удовольствиях и веселом времяпровождении и когда рассматривается укрупненная категория ценностей, как производных от потребностей в чувственных удовольствиях, так и в независимости и разнообразии. Взаимосвязи ценностей и локуса контроля у юношей и девушек образованы различающимся набором показателей интернальности и в подавляющем большинстве разными ценностями. У юношей интернальность в области достижений взаимосвязана с Достижением и Самоутверждением, интернальность в отношении здоровья – с Конформностью и Гедонизмом. У девушек интернальность в области достижений взаимосвязана с Конформностью, Традицией и Сохранением, интернальность в отношении

здоровья – с Благожелательностью, интернальность в межличностных отношениях – с Универсализмом.

Ключевые слова: ценности, уровень субъективного контроля, ценности

Для цитирования: Баскаева О.В. Система ценностей поколения Z и ее связь с локусом контроля // Вестник РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование». 2024. № 4. С. 130–147. DOI: 10.28995/2073-6398-2024-4-130-147

The value system of generation Z and its relation to the locus of control

Oksana V. Baskaeva

*Federal Scientific Center for Psychological
and Interdisciplinary Research, Moscow, Russia,
baskaeva.oksana@gmail.com*

Abstract. Generation Z is going through a period of the formation, socialization and mastering professional skills. In that regard, it is relevant to study the personal characteristics of centenarians. The aim of the study is to analyze the hierarchical structure of the value-motivational sphere of generation Z and the relationship between individual values and locus of control. The sample included centennial students of Moscow universities who were asked to fill out the online Schwartz Portrait Questionnaire, adapted for the Russian sample and the Subjective Control Level questionnaire. Statistical data processing was carried out using the Kolmogorov–Smirnov criterion, Student’s t-test and Mann–Whitney criterion, Pearson and Spearman correlations were calculated to analyze interrelations. The hierarchical structure of value preferences of young men and women is different. For centenarians of both sexes, altruistic values are of the greatest importance, dominating over individualism, conservatism and passive sociality (strict adherence to rules and standards, requiring protection by the state); but conservatism and passive sociality of girls occupy higher positions in the hierarchy of value preferences than those of boys. Significant differences in the assessments of value priorities between the sexes are found when it comes to sensual pleasures and having fun, and when considering the enlarged category of values derived from the needs for sensual pleasures, and for independence and variety. The interrelations between values and the locus of control in young men and women are formed by a different set of internality indicators and, in the overwhelming majority, by different values. In young men, internality in the area of achievements is interconnected with Achievement and Self-Enhancement, internality in relation to health – with Conformity and Hedonism. In girls, internality

in the area of achievements is interconnected with Conformity, Tradition and Conservation, internality in relation to health – with Benevolence, internality in interpersonal relationships – with Universalism.

Keywords: values, level of subjective control, centennials

For citation: Baskaeva, O.V. (2024), “The value system of generation Z and its relation to the locus of control”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Psychology. Pedagogics. Education” Series*, no. 4, pp. 130–147, DOI: 10.28995/2073-6398-2024-4-130-147

Введение

В недалеком будущем во взрослую жизнь вступят молодые люди, рожденные в 2001 г. и позднее, – поколение Z, согласно классификации российских поколений [Радаев 2018]. В настоящее время центениалы, начало взросления которых отсчитывается начиная с 2016 г., получают образование, овладевают профессиональными навыками, выходят на рынок труда, но их социализация еще не завершена. Проходящие через так называемый период ранней взрослости [Arnett 2000] молодые люди особенно восприимчивы к социокультурным влияниям, под воздействием которых, как было показано [Schwartz Bardi, 2001; Мацумото 2002], формируются ценностно-мотивационная сфера и локус контроля.

Термин «локус контроля» возник в теории социального научения и связан с именем Джулиана Роттера [Rotter 1966], утверждавшего, что люди по-разному понимают причины возникновения событий своей жизни, приписывая ответственность за происходящее лично себе или внешним факторам. Для измерения нового психологического конструкта Роттер создал специальную шкалу, на которой интернальность и экстернальность – два полюса локализации контроля. Убежденность человека в том, что обстоятельства его жизни зависят от его собственных решений и поведения, соответствует интернальному локусу контроля; перекладывание ответственности за происходящее на внешние силы (других людей, судьбу, везение и др.) – экстернальному. Индивидуальный локус контроля может быть расположен в любой точке непрерывного континуума «интернальность–экстернальность» и потенциально вариативен в отношении различных сфер жизни и обстоятельств.

Роттер считал, что люди, в большей мере осознающие ответственность за собственную жизнь, больше, чем ссылающиеся на внешние факторы, сопротивляются посторонним влияниям, стремятся анализировать свое поведение и совершенствовать умения. Многие

современные исследования расширяют представления о различиях между экстерналами и интерналами в пользу последних. В частности, было показано, что интернальная локализация контроля стала одним из основных личностных ресурсов в стрессовой ситуации пандемии [Емельянова и др. 2022]. Интерналы выгодно отличаются от экстерналов по ряду характеристик, позволяющих регулировать свое состояние, эффективно действовать в разнообразных ситуациях, осмысливать окружающую обстановку и получать поддержку от окружающих. В то же время известно, что высокая интернальность при всей «положительности» не всегда благоприятна для личности. Отмечается, что ответственность за неудачи, возлагаемая в значительной мере на себя, может сопровождаться ощущением неудовлетворенности¹, чувством вины, эмоциональным дискомфортом и дезадаптацией². Высокая интернальность не всегда соответствует традициям страны [Мацумото 2002]. В индивидуалистическом обществе человек, как правило, стремится к личному контролю над социальным окружением, в коллективистском – традицией является признание контроля социума над личностью. И столь кардинальные различия интернальности в такой чувствительной сфере, как отношения с обществом, в обоих случаях не препятствуют психологическому благополучию, поскольку находятся в рамках соответствующей культурной среды. Наиболее благоприятной для личности считается билокальная структура локуса контроля, т. е. разделение ответственности за происходящее между собой и внешними факторами [April et al. 2012]. Подобный подход к контролю за своей жизнью может способствовать успешной адаптации, поскольку позволяет избежать стресса вследствие чрезмерного груза ответственности «за все» и не допускает возникновения чувства беспомощности перед обстоятельствами.

Тема ценностных ориентаций личности длительное время разрабатывается в психологии и смежных дисциплинах. Одним из основоположников теории ценностей является Милтон Рокич, считавший ценности фундаментальным понятием для наук, изучающих поведение человека [Rokeach 1973]. По Рокичу, ценности – это убеждения или принципы, определяющие поведение людей и указывающие, к чему необходимо стремиться, что является желательным, а что недопустимым; все люди являются носителями одинакового набора ценностей, варьируется лишь приписываемая им важность.

¹ Шамионов Р.М. Психология социального поведения личности: Учеб. пособие. Саратов: Наука, 2009. 186 с.

² Реан А.А. Психология изучения личности: Учеб. пособие. СПб.: Изд. В.А. Михайлова, 1999. 288 с.

Особенный рост количества исследований, направленных на изучение ценностей, приходится на 90-е годы прошлого века и связан с именем Шалом Шварца, который, используя наработки предшественников, предложил собственную теорию ценностей [Schwartz 1992; Schwartz 1994]. Как и Рокич, Шварц отмечал универсальность индивидуальных ценностей, их присутствие с высокой вероятностью у людей в разных культурах, полагая причиной этого связь базовых ценностей человека с фундаментальными условиями его жизни: биологическими потребностями организма, необходимостью взаимодействовать с другими людьми, принадлежать группе и поддерживать ее существование. Значительную вариативность в расстановке ценностных приоритетов Шварц, как и ряд других исследователей, занимавшихся изучением индивидуальных различий в системах ценностей, объяснял влиянием своеобразного личного опыта, социальных, культурных и политических факторов.

Основываясь на методике Рокич, Шварц создал собственный опросник для изучения ценностей [Schwartz, Bilsky 1990; Schwartz et al. 2001]. Шварц полагал, что основой различий между системами ценностей является несходство типов мотивации (мотивационных целей). Он составил список ценностей, которые нашел в религиозных и философских источниках и работах своих предшественников, и, ориентируясь на сходство мотиваций, сформировал из них десять групп базовых ценностей (или типов ценностей). По Шварцу, ценностные типы находятся в динамических отношениях, образуют круговой мотивационный континуум и, согласно мотивационным целям и соответствующему поведению, либо совместимы, либо находятся в конфликте, который будет переживаться человеком при принятии решения о каком-либо поступке [Schwartz, Bilsky 1990]. Например, цели ценности Безопасность (личная и общественная безопасность, обеспечиваемая государством) и цели ценности Риск-новизна (разнообразие впечатлений и переживание риска) являются несовместимыми. Стремление восхищаться окружающими своими успехами, т. е. предпочтение ценности Достижение, противоречит мотивационным целям заботы о близких (Благожелательность). А убеждение в необходимости следовать правилам (Конформность) и уважение религиозных и семейных обычаев, личная скромность (Традиция) не конфликтуют, а дополняют друг друга.

Одним из постулатов теории ценностей является утверждение о том, что ценности влияют практически на все проявления социальной жизни [Rokeach 1973], ученые также убеждены, что иерархическая структура ценностных приоритетов является важнейшей характеристикой отдельных личностей и культур [Schwartz,

Bilsky 1987]. Можно констатировать, что интерес к проблематике ценностных ориентаций у нас в стране и за рубежом по-прежнему сохраняется. За прошедшие полвека ученые неоднократно обращались к теме ценностей: проводился межстрановой анализ ценностной сферы, изучалась иерархическая структура ценностей в различных возрастных группах, рассматривались различия в ценностных предпочтениях, связанные с полом, и связи ценностей с личностными характеристиками.

Постановка проблемы

Как было показано, ценности, на которые ориентируется человек, как и мера его ответственности за события своей жизни, во многом характеризуют личность и являются предметом внимательного изучения в психологии. Исследования, посвященные данной проблематике, приобретают особую актуальность, когда речь идет о поколении, которому принадлежит ближайшее будущее.

Цель нашего исследования – изучение структуры ценностных предпочтений и взаимосвязей ценностей и локуса контроля представителей поколения Z.

Выборка

Участники исследования рождены с 2001 по 2006 г., т. е., согласно классификации российских поколений [Радаев 2018], являются центениалами. Все респонденты (168 человек от 17,39 до 23,35 лет, среднее 20,67; стандартное отклонение 1,82), как москвичи, так и приезжие из российских регионов, обучаются в московских вузах. Среди них – 70 девушек от 17,46 до 23,34 лет (среднее 20,43; стандартное отклонение 1,74) и 98 юношей от 17,39 до 23,35 лет (среднее 20,84; стандартное отклонение 1,82). Значимых различий в возрасте между девушками и юношами нет.

Процедура и методики

Исследование проводилось на условиях анонимности. В онлайн-формате респондентам предлагались Портретный опросник Шварца [Schwartz, Bilsky 1990; Schwartz et al. 2001], адаптированный на российской выборке [Магун, Руднев 2008], и опросник Уровень субъективного контроля [Бажин и др. 1993].

Портретный опросник Шварца содержит 21 описание убеждений, которых может придерживаться человек, и предназначен для выявления ценностных предпочтений. Респонденту предлагается оценить, насколько он похож на каждый из описанных «портретов». Описания убеждений (ценностей первого уровня) образуют 10 типологических ценностных индексов (ценностей второго уровня), которые, в свою очередь, составляют четыре укрупненные категории (ценности третьего уровня). Безопасность, Конформность, Традиция – это Сохранение; Самостоятельность, Риск-новизна, Гедонизм – Открытость изменениям; Достижение, Власть-богатство – Самоутверждение; Благожелательность и Универсализм – Забота о людях и природе или Самотрансцендентность.

Опросник Уровень субъективного контроля предназначен для определения типа локализации контроля над значимыми для личности событиями и содержит семь шкал: шкала общей интернальности (Ио), оценивающая общий уровень субъективного контроля; шкалы интернальности в области достижений (Ид), в области неудач (Ин); четыре ситуационно-специфические шкалы: интернальность в семейных отношениях (Ис), в производственных отношениях (Ип), в межличностных отношениях (Им) и в отношении здоровья и болезни (Из).

Методы анализа данных

Статистический анализ производился с помощью программы SPSS 18.0. Для проверки распределения на нормальность применялся критерий Колмогорова–Смирнова, для анализа взаимосвязей вычислялись корреляции Пирсона и Спирмена, средние сравнивались с использованием t-критерия Стьюдента и критерия Манна–Уитни. С целью ранжирования ценностей подсчитывались средние арифметические оценок.

Результаты и обсуждение

Ценностные предпочтения респондентов исследуемой выборки представлены в табл. 1 и 2.

У девушек наивысшие позиции среди ценностей второго уровня занимают Универсализм, Достижение и Конформность, оценки предпочтительности которых равны. Универсализм и Достижение входят в оппозиционные ценностные категории третьего уровня

(Самотрансцендентность и Самоутверждение соответственно): мотивационные цели равных возможностей для всех, уважения мнения других людей и заботы об окружающей среде могут противоречить целям личного успеха, восхищения и признания окружающими. Предпочтение Конформности означает убежденность в необходимости всегда следовать правилам. Вторую позицию в иерархии занимают с равными оценками Благожелательность и Власть-богатство, также входящие в оппозиционные категории Самотрансцендентность и Самоутверждение: стремлению помогать окружающим, заботиться о благополучии близких людей и природы может препятствовать желание богатства и контроля над людьми. Еще менее значимыми оказались ценности Безопасность (безопасность личная и общественная) и Традиции (скромность, следование традициям и обычаям), непротиворечивые по смыслу и входящие в ценностную категорию Сохранение. Риск-новизна, Гедонизм и Самостоятельность находятся на самых низких позициях в рейтинге ценностей у девушек, дополняют друг друга, полностью представляя укрупненную ценностную категорию Открытость изменениям, и заключаются в творческом подходе, независимости мнений и поступков, стремлении к чувственным удовольствиям, переживаниям, новому и необычному. Наиболее значимой ценностью третьего уровня у девушек является Самотрансцендентность, на втором месте Самоутверждение, затем следуют Сохранение и Открытость изменениям.

У юношей две первых позиции в иерархии ценностей второго уровня занимают Благожелательность и Гедонизм, мотивационные цели которых (благополучие близких и получение удовольствия) могут вступать в противоречие друг с другом. За ними следуют получившие одинаковые оценки и потенциально совместимые ценности Риск-новизна и Достижение. Еще ниже в иерархии расположены Власть-богатство и Универсализм, входящие в оппозиционные ценностные категории Самоутверждение и Самотрансцендентность и базирующиеся на противоречивых мотивационных целях, а затем – Конформность. Далее располагается Самостоятельность, противоположная по смыслу как Конформности, так и Традиции с Безопасностью, занимающих две самых низких позиции в рейтинге ценностей юношей и вместе с Конформностью представляющих ценность третьего уровня Сохранение. У юношей, как и у девушек, наиболее значимыми ценностями третьего уровня являются Самотрансцендентность и Самоутверждение, но в отличие от девушек наименее важной ценностью третьего уровня юноши считают Сохранение, а не Открытость изменениям. Иерархическая структура ценностных

предпочтений исследуемой выборки обнаруживает сходство с ценностными предпочтениями в подвыборке юношей: первые три и последние три позиции в иерархии ценностей второго уровня всей выборки и подвыборки юношей занимают одни и те же ценности; предпочтения ценностей третьего уровня совпадают полностью. Сравнение средних (см. табл. 3) выявило значимые различия в оценках, которые юноши и девушки давали Гедонизму и Открытости изменениям, обе эти ценности мужчины считают более важными, чем женщины.

Корреляционный анализ выявил ряд значимых и высоко значимых взаимосвязей ценностей и локуса контроля (см. табл. 4). В исследуемой выборке среди ценностей второго уровня Гедонизм коррелирует с общей интернальностью и с интернальностью в отношении здоровья и болезни, Традиции с интернальностью в производственных отношениях – отрицательно, Универсализм с интернальностью в производственных отношениях – положительно. Ценности третьего уровня положительно коррелируют с локусом контроля: Самоутверждение с интернальностью в области неудач, Открытость изменениям с интернальностью в производственных отношениях. Взаимосвязь ценностей и локуса контроля в мужской и женской подвыборках различна; у девушек эта взаимосвязь в целом более тесная и представлена большим числом ценностей и показателей интернальности. Среди ценностей второго уровня у мужчин Конформность и Гедонизм отрицательно коррелируют с интернальностью в отношении здоровья и болезни, Достижение – положительно с интернальностью в области достижений. У женщин связаны: Конформность и Традиция с интернальностью в области достижений, Благожелательность с интернальностью в отношении здоровья и болезни – положительно; Универсализм с интернальностью в межличностных отношениях – отрицательно. Среди ценностей третьего уровня у мужчин Самоутверждение связано с интернальностью в области достижений, у женщин – Сохранение, и обе эти связи положительные.

Таблица 1

Иерархия ценностей второго уровня

Вся выборка		Юноши		Девушки	
Ценности	Средние	Ценности	Средние	Ценности	Средние
Благожелательность	3,55	Благожелательность	3,61	Универсализм	3,51
Достижение	3,53	Гедонизм	3,60	Достижение	3,51
Гедонизм	3,50	Достижение	3,55	Конформность	3,51
Универсализм	3,50	Риск-новизна	3,55	Благожелательность	3,46
Власть-богатство	3,49	Власть-богатство	3,52	Власть-богатство	3,46
Конформность	3,48	Универсализм	3,50	Безопасность	3,44
Риск-новизна	3,48	Конформность	3,46	Традиции	3,41
Традиции	3,40	Самостоятельность	3,44	Риск-новизна	3,38
Самостоятельность	3,37	Традиции	3,40	Гедонизм	3,36
Безопасность	3,35	Безопасность	3,29	Самостоятельность	3,28

Примечания. Ценности ранжированы в порядке от наиболее к наименее значимым; для ранжирования подсчитывались средние арифметические оценок; курсивом выделены ценности, у которых средние арифметические оценок равны.

Иерархия ценностей третьего уровня

Вся выборка		Юноши		Девушки	
Ценности	Средние	Ценности	Средние	Ценности	Средние
Самотрансцендентность	3,53	Самотрансцендентность	3,55	Самотрансцендентность	3,49
Самоутверждение	3,51	<i>Самоутверждение</i>	<i>3,53</i>	Самоутверждение	3,48
Открытость изменениям	3,45	<i>Открытость изменениям</i>	<i>3,53</i>	Сохранение	3,45
Сохранение	3,41	Сохранение	3,38	Открытость изменениям	3,34

Примечание. Ценности ранжированы в порядке от наиболее к наименее значимым; для ранжирования подсчитывались средние арифметические оценок; курсивом выделены ценности, у которых средние арифметические оценок равны.

Таблица 3

Сравнение средних показателей
ценностных предпочтений юношей и девушек

Ценности	Юноши	Девушки	Уровень значимости
	Средние	Средние	
Безопасность	6,58	6,89	0,15
Конформность	6,93	7,01	0,97
Традиция	6,80	6,83	0,94
Самостоятельность	6,88	6,56	0,35
Риск-новизна	7,09	6,76	0,22
<i>Гедонизм</i>	<i>7,20</i>	<i>6,73</i>	<i>0,03</i>
Достижение	7,10	7,01	0,54
Власть-богатство	7,03	6,91	0,49
Благожелательность	7,22	6,93	0,17
Универсализм	10,49	10,53	0,89
Сохранение	20,31	20,73	0,23
<i>Открытость изменениям</i>	<i>21,17</i>	<i>20,04</i>	<i>,022</i>
Самоутверждение	14,13	13,93	0,54
Самотрансцендентность	17,71	17,46	0,67

Примечание. Курсивом обозначены показатели, по которым между юношами и девушками выявлены значимые различия.

Взаимосвязи ценностей второго и третьего уровней
с интернальностью

Ценности	Вся выборка			Мужчины		Женщины	
	Ио	Ип	Из	Ид	Из	Ид	Из
Конформность					-0,22*	0,33**	
Традиция		-0,17*				0,24*	
Гедонизм	0,15*		-0,17*		-0,26*		
Достижение				0,21*			
Благожелательность							0,30**
Универсализм		0,15*					-0,25*
Открытость изменениям		0,15*					
Сохранение						0,34**	
Самоутверждение	0,16*			0,22*			

Примечания. Ценности третьего уровня выделены курсивом; * – корреляция значима на уровне 0,05; ** – корреляция значима на уровне 0,01; Ио – общая интернальность, Ид – интернальность в области достижений, Ип – интернальность в области неудач, Ип – интернальность в производственных отношениях, Им – интернальность в межличностных отношениях, Из – интернальность в отношении здоровья и болезни.

Заключение

Результаты исследования позволяют сделать следующие выводы об иерархической структуре мотивационно-ценностной сферы респондентов исследуемой выборки, сходстве и различии в системе ценностей юношей и девушек поколения Z и взаимосвязях их индивидуальных ценностей с локусом контроля.

Анализ мотивационно-ценностной структуры студентов-центениалов показал, что для обоих полов наиболее значимыми являются альтруистические ценности, они доминируют над ценностями индивидуализма, консерватизма и пассивной социальности. Еще одной общей для обоих полов особенностью ценностных предпочтений поколения Z является некоторая «размытость» приоритетов: в отдельных случаях молодые люди считают равно важными две или три ценности, не всегда совместимые по мотивационным целям, а следовательно, и действиям, совершаемым в соответствии с этими целями. Вероятная причина наблюдаемого феномена в том, что в настоящее время студенты-центениалы переживают так называемые впечатлительные годы [Радаев 2018, с. 17], находятся на этапе социализации и их мотивационно-ценностная структура еще окончательно не оформилась. Описанные особенности, характерные для системы ценностей центениалов, исчерпывают основное сходство мотивационно-ценностных структур юношей и девушек поколения Z.

Различия, выявленные в структурах ценностных иерархий мужской и женской подвыборок, более многочисленны. Обнаружено, что на уровне укрупненных категорий ценностей консервативные убеждения и пассивная социальность занимают у девушек более высокую позицию в ценностной иерархии, чем у юношей. Что касается приписывания равной важности различным ценностям, то эта особенность сильнее выражена у девушек, которые в большей степени склонны смешивать приоритеты, не отдавая однозначного предпочтения ни одной из двух или трех ценностей, большей частью оппозиционных по своему содержанию. Вследствие этого и учитывая, что такие ценности, находясь в верхних строчках рейтинга, рассматриваются девушками в качестве наиболее важных, логично предположить, что девушки будут колебаться в выборе между заботой о благополучии всех людей и природы и стремлением к личному успеху и социальному одобрению, между заботой о близких и стремлением к контролю над людьми и материальными ресурсами. У юношей смешение приоритетов имеет принципиально иной характер. Ценности, которые они считают одинаково важными, не являются конфликтными, а напротив, потенциально совместимы.

Поиск приключений и тяга к риску в мужской подвыборке не исключают стремления к успешности и получению признания от окружающих и не влекут за собой серьезных противоречий при выборе действий, диктуемых этими ценностями. Подобным же образом не являются противоречивыми и не создают конфликта на уровне поведения укрупненные категории ценностей, имеющие у юношей равную важность и заключающиеся в стремлении к богатству, доминированию над людьми, обретению высокого социального статуса и к автономности, чувственным удовольствиям и риску.

Юноши убеждены, что самое главное – это забота о близких и друзьях, остальные люди, как и природа, по их мнению, заслуживают гораздо меньше внимания, мотивационные цели благополучия всех людей и окружающей среды не входят в первую тройку предпочтений юношей. По убеждению девушек, благополучие всех людей и природы и благополучие близких являются наиболее важными ценностями, хотя, как упоминалось выше, при выборе действий, им соответствующих, девушки могут испытывать определенные затруднения. Одна из ведущих мотиваций юношей – веселое времяпровождение и чувственные удовольствия – для девушек оказалась гораздо менее важной и занимает одно из последних мест в иерархии приоритетов. Для молодежи обоего пола самостоятельность в принятии решений и творческий подход не входят в число ведущих побуждений и занимают нижние строчки рейтинга ценностей (хотя юноши все же считают самостоятельность и творчество более важными, чем девушки). А вот личный успех, соответствующий социальным стандартам, и получение социального одобрения являются для всех центениалов весьма привлекательными, причем в этом отношении девушки опережают юношей, приписывая успешности и социальному одобрению (как и заботе обо всех людях и природе) наивысшую важность. В числе ведущих мотиваций у юношей присутствует необходимое для проявления активности стремление к разнообразию и новизне, у девушек – недопущение поведения, могущего вызвать социальное неодобрение. Ритуалы и традиции, принятые в обществе, общественная и личная безопасность менее всего ценятся юношами, а девушки одно из последних мест в предпочтениях отводят разнообразию и новизне, высоко ценимых юношами.

Следует отметить, что в то время как структуры ценностных иерархий юношей и девушек имеют многочисленные различия, значимые различия в оценках важности индивидуальных ценностей, сделанных юношами и девушками, наблюдаются лишь в двух случаях: когда речь идет, во-первых, о чувственных удовольствиях и веселом времяпровождении и, во-вторых, когда рассматривается укрупненная ценностная категория, производная от потребностей

в чувственных удовольствиях, автономии, независимости и разнообразии (у юношей соответствующие оценки выше).

Между системой ценностей центениалов и локусом контроля существует взаимосвязь. Убеждения, которыми руководствуются представители поколения Z, взаимосвязаны как с общей ответственностью за события собственной жизни, так и с ответственностью за ряд частных специфических ситуаций и представляют ценности, как из числа наиболее предпочитаемых молодыми людьми, так и не занимающих первых мест в ценностной иерархии. Взаимосвязи ценностей и локуса контроля у юношей и девушек образованы различающимся набором показателей интернальности и в подавляющем большинстве разными ценностями. У центениалов обоих полов с ценностями связана ответственность за достижения и здоровье; у девушек еще и ответственность за межличностные отношения, в целом связь ценностей с локусом контроля у девушек несколько более тесная и значимая, чем у юношей.

Благодарность

Статья выполнена в рамках госзадания, проект FNRE-2024-0016.

Acknowledgment

The article was carried out within a State assignment, project FNRE-2024-0016.

Литература

- Бажин и др. 1993 – *Бажин Ф.Е., Гольянкина Е.А., Эткинд А.М.* Опросник уровня субъективного контроля (УСК). М.: Смысл, 1993. 16 с.
- Емельянова и др. 2022 – *Емельянова Т.П., Нестик Т.А., Семенова Т.В.* Переживание напряженной социальной ситуации: роль интернального локуса контроля // Новые психологические исследования. 2022. № 2 (1). С. 88–107. URL: <https://newpsyresearches.ru/article/emelyanova-t-p-nestik-t-a-semenova-t-v-per-ezhivanie-napryazhennoj-soczialnoj-situaczii-rol-internalnogo-lokusa-kontrolya> (дата обращения 5 сент. 2024).
- Магун, Руднев 2008 – *Магун В.С., Руднев М.* Жизненные ценности российского населения: сходства и отличия в сравнении с другими европейскими странами // Вестник общественного мнения. 2008. № 1. С. 33–58.
- Мацумото 2002 – *Мацумото Д.* Психология и культура. СПб.: Прайм-Еврознак, 2002. 414 с.

- Радаев 2018 – *Радаев В.В.* Миллениалы на фоне предшествующих поколений: эмпирический анализ // Социологические исследования. 2018. № 3. С. 15–33.
- April et al. 2012 – *April K.A., Dharani B., Peters K.* Impact of locus of control expectancy on level of well-being // *Review of European Studies*. 2012. Vol. 4. P. 124–137.
- Arnett 2000 – *Arnett J.J.* Emerging adulthood. A theory of development from the late teens through the twenties // *American Psychologist*. 2000. Vol. 55. № 5. P. 469–480.
- Rokeach 1973 – *Rokeach M.* The nature of human values. N. Y.: Free Press, 1973. 438 p.
- Rotter 1966 – *Rotter J.B.* Generalized expectancies for internal versus external control of reinforcement // *Psychological Monographs: General and Applied*. 1966. Vol. 80. № 1. P. 1–28.
- Schwartz 1992 – *Schwartz S.H.* Universals in the content and structure of values: Theory and empirical tests in 20 countries // *Advances in experimental social psychology*. 1992. Vol. 25. P. 1–65.
- Schwartz 1994 – *Schwartz S.H.* Are there universal aspects in the structure and contents of human values? // *Journal of Social Issues*. 1994. Vol. 50. № 4. P. 19–45.
- Schwartz, Bardi 2001 – *Schwartz S.H., Bardi A.* Value hierarchies across cultures: Taking a similarities perspective // *Journal of cross-cultural psychology*. 2001. Vol. 32. № 3. P. 268–290.
- Schwartz, Bilsky 1987 – *Schwartz S.H., Bilsky W.* Towards a psychological structure of human values // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1987. Vol. 53. № 3. P. 550–562.
- Schwartz, Bilsky 1990 – *Schwartz S.H., Bilsky W.* Toward a theory of the universal structure and content of values: extensions and cross-cultural replications // *Journal of personality and social psychology*. 1990. Vol. 58. P. 878–891.
- Schwartz et al. 2001 – *Schwartz S.H., Melech G., Lehmann A., Burgess S., Harris M., Owens V.* Extending the cross-cultural validity of the theory of basic human values with a different method of measurement // *Journal of cross-cultural psychology*. 2001. Vol. 32. № 5. P. 519–542.

References

- April, K.A., Dharani, B. and Peters, K. (2012), “Impact of locus of control expectancy on level of well-being”, *Review of European Studies*, vol. 4, pp. 124–137.
- Arnett, J.J. (2000), “Emerging adulthood: A theory of development from the late teens through the twenties”, *American Psychologist*, vol. 55, no. 5, pp. 469–480.
- Bazhin, F.E., Golyunkina, E.A. and Etkind, A.M. (1993), *Oprosnik urovnya sub'ektivnogo kontrolya (USK)* [Subjective Control Level Questionnaire], Smysl, Moscow, Russia.
- Emel'yanova, T.P., Nestik, T.A. and Semenova, T.V. (2022), “Experiencing a tense social situation: the role of internal locus of control”, *New Psychological Research*, no. 2 (1), pp. 88–107, available at: <https://newpsyresearches.ru/article/emelyano>

- va-t-p-nestik-t-a-semenova-t-v-perezhivanie-napryazhennoj-soczialnoj-situacii-rol-internalnogo-lokusa-kontrolya (Accessed 5 September 2024).
- Magun, V.S. and Rudnev, M. (2008), "Life values of the Russian population. Similarities and differences in comparison with other European countries", *The Russian Public Opinion Herald*, no. 1, pp. 33–58.
- Matsumoto, D. (2002), *Psikhologiya i kultura* [Psychology and culture], Praim-Evroznak, Saint Petersburg, Russia.
- Radaev, V.V. (2018), "Millennials compared to previous generations: an empirical analysis", *Sociological Studies*, no. 3, pp. 15–33.
- Rokeach, M. (1973), *The nature of human values*, Free Press, New York, USA.
- Rotter, J.B. (1966), "Generalized expectancies for internal versus external control of reinforcement", *Psychological Monographs: General and Applied*, vol. 80, no. 1, pp. 1–28.
- Schwartz, S.H. (1992), "Universals in the content and structure of values: Theory and empirical tests in 20 countries", *Advances in experimental social psychology*, vol. 25, pp. 1–65.
- Schwartz, S.H. (1994), "Are there universal aspects in the structure and contents of human values?", *Journal of Social Issues*, vol. 50, no. 4, pp. 19–45.
- Schwartz, S.H. and Bardi, A. (2001), "Value hierarchies across cultures: Taking a similarities perspective", *Journal of cross-cultural psychology*, vol. 32, no. 3, pp. 268–290.
- Schwartz, S.H. and Bilsky, W. (1987), "Towards a psychological structure of human values", *Journal of Personality and Social Psychology*, vol. 53, no. 3, pp. 550–562.
- Schwartz, S.H. and Bilsky, W. (1990), "Toward a theory of the universal structure and content of values: extensions and cross-cultural replications", *Journal of personality and social psychology*, vol. 58, pp. 878–891.
- Schwartz, S.H., Melech, G., Lehmann, A., Burgess, S., Harris, M. and Owens, V. (2001), "Extending the cross-cultural validity of the theory of basic human values with a different method of measurement", *Journal of cross-cultural psychology*, vol. 32, no. 5, pp. 519–542.

Информация об авторе

Оксана В. Баскаева, Федеральный научный центр психологических и междисциплинарных исследований, Москва, Россия; 125009, Россия, Москва, ул. Моховая, д. 9, стр. 4; baskaeva.oksana@gmail.com

Information about the author

Oksana V. Baskaeva, Federal Scientific Center for Psychological and Interdisciplinary Research, Moscow, Russia; bld. 9–4, Mokhovaya Street, Moscow, Russia, 125009; baskaeva.oksana@gmail.com

Методический инструментарий

УДК 611.1

DOI: 10.28995/2073-6398-2024-4-148-166

Русскоязычная адаптация
шкалы медицинской грамотности НК-LS
для пациентов, страдающих артериальной гипертонией

Анна С. Нелюбина

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, nelubina-anna@mail.ru*

Арсений А. Разлуцкий

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, irazsen@gmail.com*

Александр Ш. Тхостов

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Москва, Россия, tkhostov@gmail.com*

Давид В. Небиеридзе

*Национальный медицинский исследовательский центр
терапии и профилактической медицины Минздрава России,
Москва, Россия, dneberidze@gnicpm.ru*

Надир М. Ахмеджанов

*Национальный медицинский исследовательский центр
терапии и профилактической медицины Минздрава России,
Москва, Россия, nakhmedzhanov@gnicpm.ru*

Аннотация. Статья посвящена русскоязычной адаптации шкалы медицинской грамотности (НК-LS), созданной для пациентов, страдающих артериальной гипертонией. Шкала содержит 22 утверждения. Методика была переведена на русский язык двумя независимыми исследователями и имеет обратный перевод с русского на английский. Русскоязычную выборку составили 233 пациента НМИЦ терапии и профилактической медицины Минздрава РФ, страдающих осложненной артериальной гипертонией и находящихся на плановом стационарном лечении с целью подбора терапии. Шкала показала высокую согласованность (по критерию альфа Кронбаха), соответствующую по уровню другим иноязычным апробациям методики на схожих выборках, но уступающую англоязычной версии методики, с которой переводилась. При помощи шкалы возможна оценка

© Нелюбина А.С., Разлуцкий А.А., Тхостов А.Ш., Небиеридзе Д.В., Ахмеджанов Н.М., 2024

общего показателя медицинской грамотности пациента и отдельных показателей, таких как: способность понимать суть своего заболевания, необходимость лечения, какое поведение может вызвать осложнения, знание о рекомендованных врачом образе жизни и диете. Данные, полученные при помощи шкалы НК-LS, могут быть использованы для коррекции представлений пациента о болезни и лечении врачом или психологом в рамках психологического образования. В статье приводятся методические рекомендации по использованию шкалы в клинической практике.

Ключевые слова: медицинская грамотность, клиническая психодиагностика, представления о болезни, комплаентное поведение, психологическое образование пациента, артериальная гипертония

Для цитирования: Нелюбина А.С., Разлуцкий А.А., Тхостов А.Ш., Небиеридзе Д.В., Ахмеджанов Н.М. Русскоязычная адаптация шкалы медицинской грамотности НК-LS для пациентов, страдающих артериальной гипертонией // Вестник РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование». 2024. № 4. С. 148–166. DOI: 10.28995/2073-6398-2024-4-148-166

Russian-language adaptation of the НК-LS health literacy scale for patients suffering from arterial hypertension

Anna S. Nelyubina

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, nelubina-anna@mail.ru*

Arseniy A. Razlutsky

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, irazsen@gmail.com*

Aleksandr Sh. Tkhostov

*Lomonosov Moscow State University
Moscow, Russia, tkhostov@gmail.com*

David V. Nebieridze

*National Medical Research Center for Therapy and Preventive Medicine
of the Ministry of Health of the Russian Federation
Moscow, Russia, dneberidze@gnicpm.ru*

Nadir M. Akhmejanov

*National Medical Research Center for Therapy and Preventive Medicine
of the Ministry of Health of the Russian Federation
Moscow, Russia, nakhmedzhanov@gnicpm.ru*

Abstract. The article deals with the Russian-language adaptation of the medical literacy scale (НК-LS), created for patients suffering from arte-

rial hypertension. The scale contains 22 statements. Russian translation of the methodology was carried out by two independent researchers and has a reverse translation from Russian into English. The Russian-speaking sample consisted of 233 NMIC patients of therapy and preventive medicine of the Ministry of Health of the Russian Federation suffering from complicated arterial hypertension and undergoing planned inpatient treatment in order to select therapy. The scale showed high consistency (according to the Cronbach's alpha criterion), corresponding in level to other foreign-language approbations of the methodology on similar samples, but inferior to the English-language version of the methodology from which it was translated. Using the scale, it is possible to assess the general indicator of the patient's medical literacy and individual indicators, such as: the ability to understand the essence of their disease, the need for treatment, what behavior can cause complications, knowledge of the lifestyle and diet recommended by the doctor. The data obtained using the HK-LS scale can be used to correct the patient's illness representations and treatment by a doctor or psychologist within the framework of psychological education. The article provides methodological recommendations on the use of the scale in clinical practice.

Keywords: medical literacy, clinical psychodiagnostics, illness representations, compliant behavior, psychological education of the patient, arterial hypertension

For citation: Nelyubina, A.S., Razlutsky, A.A., Tkhostov, A.Sh., Nebieridze, D.V. and Akhmejanov, N.M. (2024), "Russian-language adaptation of the HK-LS health literacy scale for patients suffering from arterial hypertension", *RSUH/RGGU Bulletin. "Psychology. Pedagogics. Education" Series*, no. 4, pp. 148–166, DOI: 10.28995/2073-6398-2024-4-148-166

Введение: постановка проблемы

Последние 20 лет одной из самых популярных тем медицинских и психологических исследований, посвященных психологии больного, стала тема роста числа осложнений и летальных случаев, возникающих из-за некомплаентного поведения больных (низкой фармакологической и нефармакологической приверженности). Такое поведение заключается в намеренном нарушении рекомендаций врача по приему лекарств, диете или физической активности. ВОЗ¹ описывает более 250 факторов некомплаентного

¹World Health Organisation: Adherence to long-term therapies, evidence for action. Geneva. 2003. URL: <http://apps.who.int/iris/bitstream/handle/10665/42682/9241545992.pdf?sequence=1> (дата обращения 1 июля 2024).

поведения, но в данной работе мы сконцентрируемся только на одном из них – феномене “low health literacy” – низкой медицинской грамотности больного. Этот феномен проявляется в недопонимании пациентом лечебных назначений – для чего или каким образом должно приниматься то или иное лекарство/процедура. Для больного возрастает риск повторно оказаться в больнице или даже умереть [Mitchell et al. 2012]. Раскрывая поведенческие индикаторы низкой медицинской грамотности, А.Г. Меуерс с соавторами отмечают: неспособность принимать лекарства по назначенной врачом схеме, вовремя являться с визитом к врачу, хорошо ориентироваться в признаках рецидива заболевания и знать алгоритм действий в таких случаях [Meuers et al. 2014]. «В отечественной клинической психологии, развивая идеи А.Ш. Тхостова о механизме вторичного означения в формировании внутренней картины болезни, А.Ш. Тхостов и А.С. Нелюбина [Тхостов, Нелюбина 2012] показали роль субъективных (обыденных) представлений пациента о болезни и лечении в концептуализации им этой информации». Исследователи выявили, что субъективные представления пациента о болезни часто могут быть неточными, слишком грубыми и конкретными, а также далекими от научной медицины.

Медицинская грамотность – предмет исследования врачей, клинических психологов и социологов медицины. В рамках этого понятия описываются представления больного о причинах заболевания, лечении, ограничениях и прогнозе течения заболевания и оценивается их верность с точки зрения медицины. Без высокой медицинской грамотности пациенту сложно эффективно совладать с заболеванием, выдерживать длительную или сложную терапию и чувствовать себя субъектом, самостоятельно принимающим решения о лечении. Страдает при низкой медицинской грамотности и качество его жизни.

Повысить медицинскую грамотность пациента пытаются во время обучения в школе здоровья (психобразовательные мероприятия для больных соматического профиля). Происходит улучшение навыков больного верно использовать информацию о заболевании, его проявлениях, признаках ухудшения состояния и распознавать экстренные ситуации, требующие вызова врача. Формируется внутренняя мотивация для поддержания образа жизни, рекомендованного врачом. Для успешного конструирования подобных интервенций требуется эффективный, краткий, валидный инструмент для оценки медицинской грамотности пациента, т. е., говоря психологическим языком, – оценки соответствия его субъективных представлений о болезни научной, медицинской картине мира.

Развитие данного понятия и создание первых инструментов для измерения уровня медицинской грамотности относится к концу XX в. Диагностируется медицинская грамотность двумя способами: путем оценки степени когнитивной сохранности пациента (способность самостоятельно читать и понимать медицинские материалы, узнавать информацию о своем заболевании) и мотивации пациента усваивать и правильно использовать полученную информацию².

Прежде чем перейти к описанию шкалы медицинской грамотности НК-LS, перечислим некоторые современные психодиагностические инструменты. R.M. Parker с соавторами предложили один из первых тестов – Test of Functional Health Literacy in Adults (TOFHLA или краткий вариант s-TOFHLA) [Parker et al. 1995]. Тест-опросник выявляет три степени медицинской грамотности в вопросах здоровья по степени их адекватности с точки зрения авторов. Другой давно используемый инструмент предложил в 1993 г. научный коллектив под руководством Т.С. Davis – Rapid Estimate of Adult Literacy in Medicine (кратко REALM) [Davis et al. 1993]. Эта методика направлена на выявление когнитивной сохранности пациентов, т. е. способности правильно понять вопросы, связанные с их здоровьем. Опросник слишком объемен для клинической практики и потому чаще используется в научных целях. В 2000-х гг. появились скрининговый тест NVS – Newest Vital Sign, предложенный В.Д. Weiss с соавторами [Weiss et al. 2005]. Эта методика тоже направлена на оценку когнитивной сохранности пациента – насколько верно пациент способен обрабатывать и понимать основную медицинскую информацию, необходимую ему для принятия решения относительно лечения. Самый краткий опросник, используемый в этой же целью, предложен L.D. Chew под названием Brief Health Literacy Screen (BHLS) [Chew et al. 2004]. Он включает три пункта, отражающих способность пациента самостоятельно заполнять медицинские формы, понимать информацию о своей болезни.

Перечисленные методики оценивают общую медицинскую грамотность в вопросах здоровья и оказания медицинской помощи. Другие шкалы узко специализируются на какой-то конкретной нозологии, которой болен исследуемый пациент. Такие методики построены по принципу оценки утверждений «вредно/полезно при моем заболевании», которые могут быть как верными,

² *Нелюбина А.С.* Психологические факторы комплаентного поведения и приверженности лечению // Руководство по психологии здоровья: Учеб. пособие. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2019. С. 753–794.

так и ошибочными. Пациент, словно студент, сдает тест на знание своего заболевания, его проявлений, последствий и способов лечения, а врач проверяет его по ключу. Если мы говорим о сердечно-сосудистой патологии, то наибольшую известность получила шкала Hill-Bone Compliance to High Blood Pressure Therapy Scale (Hill-Bone Scale), предложенная М.Т. Kim с соавторами в 2000 г. [Kim et al. 2000]. Шкала предназначена для больных артериальной гипертонией, включает 14 вопросов и позволяет оценить их знания о необходимости снизить потребление натрия и верном использовании гипотензивных препаратов. Есть сходство шкалы с опросником MAQ в том, что она тоже позволяет выявить причины некомплаентного поведения больного, такие как забывчивость и опасение побочных эффектов лечения. Наиболее валидной в данной шкале считается медикаментозная подшкала, вопросы которой проясняют знания пациента о принципах применения гипотензивных препаратов и выявляют его заблуждения (например, возможность приема чужого препарата или пропуска приема лекарства). Методика переведена и апробирована на русскоязычной выборке [Лукина и др. 2020]. Работа по созданию и адаптации профильных шкал для измерения уровня медицинской грамотности больных в области своего заболевания представляется важной задачей для дальнейших исследований в рамках медицины и клинической психологии.

Цель исследования

Цель данной работы – провести русскоязычную апробацию методики “Hypertension Knowledge-Level Scale” (НК-LS) [Baliz Erkos et al. 2012] для исследования медицинской грамотности пациентов, страдающих артериальной гипертонией.

Материалы и методы

В выборку для проведения русскоязычной апробации шкалы вошли в итоге 233 пациента терапевтического и кардиологического отделений ФГБУ НМИЦ «Терапии и профилактической медицины» Минздрава РФ (г. Москва) с выставленным диагнозом артериальная гипертония (осложненная одной или несколькими сопутствующими патологиями). Еще пять пациентов были удалены из итоговой выборки по причине неверного или неполного заполнения бланков методики. Исследуемые пациенты были планово

госпитализированы с целью подбора терапии. Возраст пациентов варьировался от 26 до 92 лет, средний возраст $65,3 \pm 11,84$ года. На данной выборке нашим авторским коллективом было проведено несколько психодиагностических исследований феноменов, связанных с медицинской грамотностью.

Каждый пациент, согласившийся стать участником исследования, заполнял бланк русскоязычной версии шкалы. Использовались методы описательной статистики и подсчет коэффициента альфа Кронбаха для оценки внутренней согласованности данных. Полученные данные сравнивались с данными оригинальной версии и других иноязычных апробаций.

Шкала медицинской грамотности – “Hypertension Knowledge-Level Scale” (НК-LS) была предложена Erkok S.B., Isikli B., Metintas S., Kalyoncu C. в 2012 г. [Baliz Erkok et al. 2012]. Авторы предоставляют свободное использование своей методики, включая переводы на другие языки. Методика оценивает уровень медицинской грамотности респондентов о сути заболевания, его причинах, способах лечения, рисках и рекомендованном образе жизни при артериальной гипертензии. Шкала включает 22 пункта – утверждения, каждое из которых может быть как правильным, так и неправильным с научной точки зрения. Каждый пункт предусматривает стандартный ответ по трехбалльной шкале Лайкерта («верно», «неверно» или «не знаю»).

При проведении апробации методики НК-LS были изучены существующие зарубежные исследования, в которых рассматриваются вопросы перевода и апробации данной методики. В основном при проведении апробаций как оригинальной, так и переводных версий методики исследования проводились с участием не только людей, страдающих артериальной гипертензией, но и «условно здоровых» людей, не страдающих данным заболеванием (дизайн гипотетического исследования). Наиболее подробные данные о проведенной апробации представлены в бразильской [Arthur et al. 2018; Hereibi et al. 2021] и греческой версиях шкалы НК-LS [Chatziefstratiou et al. 2015].

Также переведенные и первично апробированные версии шкалы НК-LS были использованы в иорданском [Eshah, Al-Daken 2016], индонезийском [Ernawati et al. 2020], польском [Jankowska-Polańska et al. 2016], вьетнамском [Nguyen et al. 2024] и индийском [Singh et al. 2020] исследованиях. При проведении перечисленных апробаций учеными проводилось сравнение полученных данных о внутренней согласованности вопросов шкалы по значениям коэффициента альфа Кронбаха. В связи со спецификой структуры шкалы в данных исследованиях не

проводилась оценка представленной в оригинальной версии шкалы факторной структуры и во всех проведенных апробациях сохранялось использование оценки общего уровня медицинской грамотности в отношении артериальной гипертонии (общий балл по всем вопросам шкалы) и подразделение на шесть первоначальных субшкал.

В методике НК-LS представлены следующие шкалы:

- 1) общий уровень медицинской грамотности в отношении артериальной гипертонии (рассчитывается суммарный балл по всем вопросам шкалы);
- 2) «определение» – оценивается способность понимать и на базовом уровне интерпретировать значения показателей артериального давления – пункты шкалы 1, 2;
- 3) «лечение» – отражает представления пациента о принципах лечения артериальной гипертонии – пункты шкалы 6, 7, 8, 9;
- 4) «комплаенс» – оцениваются представления о необходимости соблюдения режима приема лекарственных средств, включает пункты шкалы 3, 4, 5, 12;
- 5) «образ жизни» – оцениваются представления о важных аспектах изменения образа жизни, включает пункты шкалы 10, 11, 13, 16, 17;
- 6) «диета» – оцениваются представления об особенностях диетического режима при артериальной гипертонии, включает пункты шкалы 14, 15;
- 7) «осложнения» – оцениваются представления об основных осложнениях, которые могут возникнуть при отсутствии лечения артериальной гипертонии, включает пункты шкалы 18, 19, 20, 21, 22.

Результаты и их обсуждение

Для русскоязычной апробации была взята кросскультурная адаптация шкалы на английском языке, проведенная в 2018 г. [Arthur et al. 2018]. Независимый перевод шкалы НК-LS на русский язык осуществляли А.А. Разлуцкий и А.С. Нелюбина (Институт психологии им. Л.С. Выготского РГГУ, кафедра нейро- и патопсихологии), обратный перевод с русского на английский – Н.М. Ахмеджанов (НМИЦ терапии и профилактическое медицины). Ниже приведем перевод утверждений шкалы на русский язык (табл. 1).

Таблица 1

Шкала медицинской грамотности о гипертонии
(Hypertension Knowledge-Level Scale (HK-LS))
на английском и русском языках

Утверждение на английском языке	Русскоязычный перевод
1. High systolic (maximum) or diastolic (minimum) blood pressure indicates increased blood pressure [здесь и далее Arthur et al. 2018].	1. Высокое диастолическое (верхнее) или систолическое (нижнее) кровяное давление свидетельствует о повышенном артериальном давлении.
2. High diastolic (minimum) blood pressure also indicates increased blood pressure.	2. Повышение диастолического кровяного давления также указывает на повышение артериального давления.
3. High blood pressure is caused by aging, so it does not require treatment.	3. Повышенное артериальное давление является результатом старения, поэтому лечение не требуется.
4. If the medicine for high blood pressure can control blood pressure, there is no need to change lifestyle.	4. Если лекарство от повышенного артериального давления может контролировать артериальное давление, нет необходимости менять образ жизни.
5. If people with high blood pressure change their lifestyle, there is no need for treatment.	5. Если люди с повышенным артериальным давлением меняют свой образ жизни, в лечении нет необходимости.
6. People with high blood pressure should take their medications as they believe it is the best way.	6. Люди с повышенным артериальным давлением должны принимать лекарства так, чтобы они чувствовали себя хорошо.
7. High blood pressure medicines should be taken daily.	7. Лекарства от повышенного артериального давления необходимо принимать каждый день.
8. People with high blood pressure should take their medication only when they feel bad.	8. Люди с повышенным артериальным давлением должны принимать лекарства только тогда, когда они плохо себя чувствуют.
9. People with high blood pressure should take their medication for the rest of their lives.	9. Люди с повышенным артериальным давлением должны принимать лекарства на протяжении всей жизни.
10. For people with high blood pressure, frying is the best way to prepare food.	10. Для людей с повышенным артериальным давлением лучшим способом приготовления пищи – жарка.

Окончание табл. 1

Утверждение на английском языке	Русскоязычный перевод
11. For people with high blood pressure, cooking only in water or grilling are the best ways to prepare food.	11. Для людей с повышенным артериальным давлением лучший способ приготовления пищи – варка или приготовление на гриле.
12. People with high blood pressure can eat food without controlling the amount of salt provided they take their medications every day.	12. Люди с повышенным артериальным давлением могут есть соленую пищу, если они регулярно принимают лекарства.
13. People with high blood pressure should eat fruits and vegetables often.	13. Люди с повышенным артериальным давлением должны часто есть фрукты и овощи.
14. The best type of meat for people with high blood pressure is red meat.	14. Лучшим видом мяса для людей с повышенным артериальным давлением является красное мясо.
15. The best type of meat for people with high blood pressure is white meat.	15. Лучшим видом мяса для людей с повышенным артериальным давлением является белое мясо.
16. People with high blood pressure should not smoke.	16. Люди с повышенным артериальным давлением не должны курить.
17. People with high blood pressure can drink alcohol at will.	17. Люди с повышенным артериальным давлением могут употреблять алкогольные напитки.
18. If high blood pressure is not treated it can cause stroke.	18. Повышенное артериальное давление может вызвать инсульт, если его не лечить.
19. If high blood pressure is not treated it can cause a heart attack.	19. Повышенное артериальное давление может вызвать сердечные заболевания, такие как сердечный приступ, если его не лечить.
20. If high blood pressure is not treated, it can lead to premature death.	20. Повышенное артериальное давление может привести к преждевременной смерти, если его не лечить.
21. If high blood pressure is not treated, it may cause the kidneys to stop working.	21. Повышенное артериальное давление может вызвать почечную недостаточность, если его не лечить.
22. If high blood pressure is not treated, it can cause eye problems.	22. Повышенное артериальное давление может вызвать нарушения зрения, если его не лечить.

Инструкция по применению и ключ методики:

- правильно отмеченные утверждения оцениваются в 1 балл;
- неправильно отмеченные утверждения оцениваются в 0 баллов;
- утверждения, для которых дан ответ «не знаю», оцениваются в 0 баллов.

Максимально пациент может набрать 22 балла.

Шкала содержит 13 верных и 9 неверных утверждений.

Правильными считаются ответы «верно» на утверждения 1, 2, 7, 9, 11, 13, 15, 16, 18, 19, 20, 21, 22.

Неправильными считаются ответы «верно» на утверждения 3, 4, 5, 6, 8, 10, 12, 14, 17.

Утверждения разделены на шесть подразделов:

- 1) *определение (Definition)*: пункты 1 и 2;
- 2) *лечение (Medical treatment)*: пункты 6, 7, 8 и 9;
- 3) *фармакологическая приверженность (Drug compliance)*: пункты 3, 4, 5 и 12;
- 4) *образ жизни (Lifestyle)*: пункты 10, 11, 13, 16 и 17;
- 5) *диета (Diet)*: пункты 14 и 15;
- 6) *осложнения (Complications)*: пункты 18, 19, 20, 21 и 22.

Данные, полученные в ходе русскоязычной апробации, были подвергнуты статистическому анализу. Ниже приведены результаты дескриптивной статистики (табл. 2).

Таблица 2

Описательные статистики при апробации
и для оригинальной версии НК-LS

Шкала	Среднее значение при русскоязычной апробации	SD	Среднее значение оригинальной версии	SD
Общий уровень медицинской грамотности	16,63	2,97	17,71	3,77
Определение (артериальной гипертензии)	1,48	0,67	1,09	0,96
Лечение	2,73	0,76	3,08	1,09
Комплаенс	2,95	1,05	3,14	1,15
Образ жизни	4,10	0,88	4,55	1,02
Диета	1,16	0,83	1,73	0,6
Осложнения	4,21	1,09	4,13	1,31

Анализируя дескриптивные статистики, полученные на нашей выборке стационарных больных с осложненной артериальной гипертонией ($N = 233$), мы можем отметить общую согласованность полученных средних значений с данными, полученными при апробации оригинальной версии методики. Некоторая разница в полученных результатах может быть объяснена национальной спецификой изучаемой нами выборки в уровне осведомленности об артериальной гипертонии, а также ситуацией – плановым стационарированием пациентов для обследования, подбором терапии и преобладанием в нашей выборке людей более старших возрастных групп, чем при создании оригинальной версии.

При статистическом анализе данных для апробации русскоязычной версии методики НК-LS было получено значение коэффициента альфа Кронбаха = 0,659. Можно отметить, что данное значение достаточно хорошее, но ниже, чем полученное в оригинальном исследовании (0,82), что может быть объяснено спецификой выборки и ее существенно меньшим размером (233 человек против 457).

Отметим, что исключение из анализа данных по пунктам 2, 6 и 17 приводит к повышению коэффициента альфа Кронбаха до 0,699.

Таблица 3

Сравнение перевода на русский язык
ряда пунктов шкалы НК-LS

Утверждение в англоязычной версии	Перевод утверждения на русский язык
2. High diastolic (minimum) blood pressure also indicates increased blood pressure [здесь и далее – Arthur et al. 2018].	– Повышение диастолического кровяного давления также указывает на повышение артериального давления (выбранный нами вариант). – Высокое диастолическое (нижнее) артериальное давление также означает, что артериальное давление повышено.
6. People with high blood pressure should take their medications as they believe it is the best way.	– Люди с повышенным артериальным давлением должны принимать лекарства так, чтобы чувствовать себя хорошо (выбранный нами вариант). – Людям с высоким артериальным давлением приходится принимать лекарства, поскольку так будет лучше для них.

Окончание табл. 3

Утверждение в англоязычной версии	Перевод утверждения на русский язык
17. People with high blood pressure can drink alcohol at will.	<p>– Люди с повышенным артериальным давлением могут употреблять алкогольные напитки (выбранный нами вариант).</p> <p>– Люди с высоким артериальным давлением могут употреблять алкоголь по своему желанию.</p>

В греческом исследовании с более схожей с рассматриваемой нами выборкой приводятся данные отдельно для группы респондентов с артериальной гипертонией в анамнезе и значение коэффициента альфа Кронбаха, полученного для этой группы, очень схоже с полученным в нашем исследовании и составляет 0,66, что, на наш взгляд, позволяет использовать русскоязычный вариант апробации.

Методические указания по использованию шкалы в клинической практике

В заключение приведем некоторые методические указания по использованию шкалы медицинской грамотности в клинической практике. Шкала НК-LS является быстрым способом оценки врачом-кардиологом медицинской грамотности или может быть предложена участникам школ здоровья как «входной тест» медицинским психологом, проводящим психологическое образование. Применение этого психодиагностического инструмента позволит оценить общий уровень медицинской грамотности и выявить отдельные пробелы в знаниях больного о своем заболевании и рекомендованном лечении и образе жизни. В рамках приема выявленные заблуждения лечащий врач может обсудить с больным.

Шкала НК-LS может быть использована и как отправная точка при проведении психокоррекционных мероприятий при работе с низкой приверженностью (некомплаентным поведением) кардиологических пациентов. Психолог (или другой ведущий группы) озвучивает наиболее распространенное заблуждение (например, ...), которое разбирается с использованием моделей и объяснительных схем действия лечения. Если данная информация подается в форме просветительской лекции, пациент может воспринять ее как «общую информацию» и не обратить должного внимания, в дискуссионной же форме, при не заданных изначально правильных ответах, эта информация лучше усваивается пациентом.

Если же шкала НК-LS не выявляет серьезных недостатков в субъективных знаниях пациента о своем заболевании, однако некомплаентное поведение больного фиксируется, следует применить другие психокоррекционные меры, направленные не на коррекцию представлений, а на формирование мотивации больного (мотивационное интервью) к соблюдению рекомендаций врача или на формирование навыков самоэффективности (для более эффективного совладания пациента с болезнью).

Выводы

1. Нами проведены перевод и русскоязычная адаптация шкалы медицинской грамотности относительно артериальной гипертонии (НК-LS) S. Baliz Erkos с соавторами на выборке пациентов с осложненной артериальной гипертонией. Внутренняя согласованность данных в соответствии с показателем альфа Кронбаха близка к согласованности данных в ряде иноязычных апробаций, особенно в греческой, схожей с нашим исследованием особенностями выборки. Можно говорить о валидности русскоязычной версии шкалы и рекомендовать ее к использованию в кардиологической клинике (прежде всего для плановых, стационарных больных с артериальной гипертонией с осложнениями).

2. Вероятно, что нами выбран не самый удачный перевод трех утверждений (2, 6 и 17), или из-за ментальных различий они неверно воспринимаются русскоязычной выборкой. Удаление данных утверждений из статистического анализа повышает уровень общей согласованности данных. Необходимо изменить формулировку указанных утверждений и провести дальнейшую валидизацию русскоязычного варианта шкалы НК-LS, в том числе в условиях амбулаторной практики и в форме гипотетического исследования медицинской грамотности у условно здоровых (в целях определения мишеней для первичной профилактики артериальной гипертонии в популяции).

3. Шкала медицинской грамотности НК-LS позволяет оценить степень соответствия субъективных представлений пациента (о сути заболевания, его причинах, способах эффективного совладания с ним) научным знаниям, транслируемым врачом. Данные по отдельным шкалам позволяют выявить истоки некомплаентного поведения пациента в сфере его знаний о болезни и корректировать их путем профилактических мероприятий (школы здоровья, просветительской литературы для пациентов, разъяснительных консультаций лечащего врача).

Литература

- Лукина и др. 2020 – *Лукина Ю.В., Кутишенко Н.П., Марцевич С.Ю., Шепель Р.Н., Драккина О.М.* Методические рекомендации: «Приверженность к лекарственной терапии у больных хроническими неинфекционными заболеваниями. Решение проблемы в ряде клинических ситуаций» // Профилактическая медицина. 2020. № 23 (3–2). С. 42–60.
- Тхостов, Нелюбина 2012 – *Тхостов А.Ш., Нелюбина А.С.* Обыденные представления о болезни в структуре идентификации пациента и врача как предиктор выбора пациентом способа лечения (на модели сердечно-сосудистых заболеваний) // Общество ремиссии: на пути к нарративной медицине: Сб. науч. тр. / Под общ. ред. В.Л. Лехциера. Самара, 2012. С. 12–33.
- Arthur et al. 2018 – *Arthur J.P., Mantovani M.F., Ferraz M.I.R., Mattei A.T., Kalinke L.P., Corpolato R.C.* Translation and cross-cultural adaptation of the Hypertension Knowledge-Level Scale for use in Brazil // *Revista Latino-Americana de Enfermagem*. 2018. № 26. URL: <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/30462786/> (дата обращения 3 января 2023).
- Baliz Erkok et al. 2012 – *Baliz Erkok S. Isikli B., Metintas S., Kalyoncu C.* Hypertension Knowledge-Level Scale (HK-LS): A Study on Development, Validity and Reliability // *International Journal of Environmental Research and Public Health*. 2012. № 9 (3). P. 1018–1029.
- Chatziefstratiou et al. 2015 – *Chatziefstratiou A.A., Giakoumidakis K., Fotos N.V., Baltopoulos G., Brokalaki-Pananoudaki H.* Translation and validation of the Greek version of the hypertension knowledge-level scale // *Journal of Clinical Nursing*. 2015. № 24. P. 3417–3424.
- Chew et al. 2004 – *Chew L.D., Bradley K.A., Boyko E.J.* Brief questions to identify patients with inadequate health literacy // *Family Medicine*. 2004. № 36 (8). P. 588–594.
- Davis et al. 1993 – *Davis T.C., Long S.W., Jackson R.H., Mayeaux E.J., George R.B., Murphy P.W., Crouch M.A.* Rapid estimate of adult literacy in medicine: a shortened screening instrument // *Family Medicine*. 1993. № 25 (6). P. 391–395.
- Ernawati et al. 2020 – *Ernawati I., Fandinata S.S., Permatasari S.N.* Translation and Validation of the Indonesian Version of the Hypertension Knowledge-Level Scale // *Open Access Macedonian Journal of Medical Sciences*. 2020. № 8. P. 630–637.
- Eshah, Al-Daken 2016 – *Eshah N.F., Al-Daken L.I.* Assessing Public's Knowledge About Hypertension in a Community-Dwelling Sample // *European Journal of Cardiovascular Nursing*. 2016. № 31 (2). P. 158–165.
- Hereibi et al. 2021 – *Hereibi M.J., Arthur J.P., Mantovani M.F., Mattei A.T., Bortolato-Major C.* Construct validity and reliability of the Brazilian version of Hypertension Knowledge-Level Scale // *Revista Gaúcha de Enfermagem*. 2021. № 42. P. 4–29.
- Jankowska-Polańska et al. 2016 – *Jankowska-Polańska B., Uchmanowicz I., Dudek K., Mazur G.* Relationship between patients' knowledge and medication adherence

- among patients with hypertension // *Patient Prefer Adherence*. 2016. № 10. P. 2437–2447.
- Kim et al. 2000 – *Kim M.T., Hill M.N., Bone L.R., Levine D.M.* Development and testing of the Hill-Bone Compliance to High Blood Pressure Therapy Scale // *Progress in Cardiovascular Nursing*. 2000. № 15. P. 90–96.
- Meyers et al. 2014 – *Meyers A.G., Salanitro A., Wallston K.A., Cawthon C., Vasilevskis E.E., Goggins K.M., Davis C.M., Rothman R.L., Castel L.D., Donato K.M., Schmelle J.F., Bell S.P., Schildcrout J.S., Osborn C.Y., Harrell F.E., Kripalani S.* Determinants of health after hospital discharge: rationale and design of the Vanderbilt Inpatient Cohort Study (VICS) // *BMC Health Services Research*. 2014. № 10. URL: <http://www.biomedcentral.com/1472-6963/14/10> (дата обращения 3 янвfhz 2023).
- Mitchell et al. 2012 – *Mitchell S.E., Sadikova E., Jack B.W., Paasche-Orlow M.K.* Health literacy and 30-day postdischarge hospital utilization // *Journal of Health Communication*. 2012. № 317 (3). P. 325–338.
- Nguyen et al. 2024 – *Nguyen T.H., Nguyen H.H., Huynh A.M., Vo T.V., Gia H.D., Nguyen T.* Vietnamese version of the Hypertension Knowledge-Level Scale (HK-LS): Translation and validation // *Journal of Cardiovascular and Thoracic Research*. 2024. № 16 (1). P. 38–44.
- Parker et al. 1995 – *Parker R.M., Baker D.W., Williams M.V., Nurss J.R.* The test of functional health literacy in adults: a new instrument for measuring patients' literacy skills // *Journal of General Internal Medicine*. 1995. № 10 (10). P. 537–541.
- Singh et al. 2020 – *Singh S.M., Naskar C., Malik Y.* Assessment of Knowledge of Hypertension among Patients with Mental Illness Approaching a Community Psychiatry Service // *Journal of Postgraduate Medicine Education and Research*. 2020. № 54 (1). P. 8–11.
- Weiss et al. 2005 – *Weiss B.D., Mays M.Z., Martz W., Castro K.M., DeWalt D.A., Pignone M.P., Mockbee J., Hale F.A.* Quick Assessment of Literacy in Primary Care: The Newest Vital Sign // *Annals of Family Medicine*. 2005. № 3. P. 514–522.

References

- Arthur, J.P., Mantovani, M.F., Ferraz, M.I.R., Mattei, A.T., Kalinke, L.P. and Corpolato, R.C. (2018), “Translation and cross-cultural adaptation of the Hypertension Knowledge-Level Scale for use in Brazil”, *Revista Latino-Americana de Enfermagem*, no. 2, available at: <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/30462786/> (Accessed 3 January 2023).
- Baliz Erkoc, S., Isikli, B., Metintas, S. and Kalyoncu, C. (2012), “Hypertension Knowledge-Level Scale (HK-LS): A Study on Development, Validity and Reliability”, *International Journal of Environmental Research and Public Health*, no. 9 (3), pp. 1018–1029.
- Chatziefstratiou, A.A., Giakoumidakis, K., Fotos, N.V., Baltopoulos, G. and Brokalaki-Pananoudaki, H. (2015), “Translation and validation of the Greek version of

- the hypertension knowledge-level scale”, *Journal of Clinical Nursing*, no. 24, pp. 3417–3424.
- Chew, L.D., Bradley, K.A. and Boyko, E.J. (2004), “Brief questions to identify patients with inadequate health literacy”, *Family Medicine*, no. 36 (8), pp. 588–594.
- Davis, T.C., Long, S.W., Jackson, R.H., Mayeaux, E.J., George, R.B., Murphy, P.W. and Crouch, M.A. (1993), “Rapid estimate of adult literacy in medicine: a shortened screening instrument”, *Family Medicine*, no. 25 (6), pp. 391–395.
- Ernawati, I., Fandinata, S.S. and Permatasari, S.N. (2020), “Translation and Validation of the Indonesian Version of the Hypertension Knowledge-Level Scale”, *Open Access Macedonian Journal of Medical Sciences*, no. 8, pp. 630–637.
- Eshah, N.F. and Al-Daken, L.I. (2016), “Assessing Public’s Knowledge About Hypertension in a Community-Dwelling Sample”, *European Journal of Cardiovascular Nursing*, no. 31 (2), pp. 158–165.
- Hereibi, M.J., Arthur, J.P., Mantovani, M.F., Mattei, A.T. and Bortolato-Major, C. (2021), “Construct validity and reliability of the Brazilian version of Hypertension Knowledge-Level Scale”, *Revista Gaúcha de Enfermagem*, no. 42, pp. 4–29.
- Jankowska-Polańska, B., Uchmanowicz, I., Dudek, K. and Mazur, G. (2016), “Relationship between patients’ knowledge and medication adherence among patients with hypertension”, *Patient Prefer Adherence*, no. 10, pp. 2437–2447.
- Kim, M.T., Hill, M.N., Bone, L.R. and Levine, D.M. (2000), “Development and testing of the Hill-Bone Compliance to High Blood Pressure Therapy Scale”, *Progress in Cardiovascular Nursing*, no. 15, pp. 90–96.
- Lukina, Yu.V., Kutishenko, N.P., Martsevich, S.Yu., Shepel’, R.N. and Drapkina, O.M. (2020), “Methodological recommendations: ‘Adherence to drug therapy in patients with chronic non-communicable diseases. Addressing the problem in a number of clinical situations’ ”, *Profilakticheskaya meditsina* (Russian Journal of Preventive Medicine), no. 23 (3–2), pp. 42–60.
- Meyers, A.G., Salanitro, A., Wallston, K.A., Cawthon, C., Vasilevskis, E.E., Goggins, K.M., Davis, C.M., Rothman, R.L., Castel, L.D., Donato, K.M., Schnelle, J.F., Bell, S.P., Schildcrout, J.S., Osborn, C.Y., Harrell, F.E. and Kripalani, S. (2014), “Determinants of health after hospital discharge: rationale and design of the Vanderbilt Inpatient Cohort Study (VICS)”, *BMC Health Services Research*, no. 10, available at: <http://www.biomedcentral.com/1472-6963/14/10> (Accessed 3 January 2023).
- Mitchell, S.E., Sadikova, E., Jack, B.W. and Paasche-Orlow, M.K. (2012), “Health literacy and 30-day postdischarge hospital utilization”, *Journal of Health Communication*, no. 17 (3), pp. 325–338.
- Nguyen, T.H., Nguyen, H.H., Huynh, A.M., Vo, T.V., Gia, H.D. and Nguyen, T. (2024), “Vietnamese version of the Hypertension Knowledge-Level Scale (HK-LS): Translation and validation”, *Journal of Cardiovascular and Thoracic Research*, no. 16 (1), pp. 38–44.
- Parker, R.M., Baker, D.W., Williams, M.V. and Nurss, J.R. (1995), “The test of functional health literacy in adults: a new instrument for measuring patients’ literacy skills”, *Journal of General Internal Medicine*, 10 (10), pp. 537–541.

- Singh, S.M., Naskar, C. and Malik, Y. (2020), "Assessment of Knowledge of Hypertension among Patients with Mental Illness Approaching a Community Psychiatry Service", *Journal of Postgraduate Medicine Education and Research*, no. 54 (1), pp. 8–11.
- Tkhostov, A.Sh. and Nelyubina, A.S. (2012), "Everyday ideas about the disease in the structure of identification of the patient and the doctor as a predictor of the patient's choice of treatment method (on the model of cardiovascular diseases)", V.L. Lehtsier (ed.), *Obshchestvo remissii: na puti k narrativnoi meditsine: Sb. nauch. tr.* [Remission society. On the way to narrative medicine], Samara, Russia, pp. 12–33.
- Weiss, B.D., Mays, M.Z., Martz, W., Castro, K.M., DeWalt, D.A., Pignone, M.P., Mockbee, J. and Hale, F.A. (2005), "Quick Assessment of Literacy in Primary Care: The Newest Vital Sign", *Annals of Family Medicine*, no. 3, pp. 514–522.

Информация об авторах

Анна С. Нелюбина, кандидат психологических наук, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; nelubina-anna@mail.ru

Арсений А. Разлуцкий, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; irazsen@gmail.com

Александр Ш. Тхостов, доктор психологических наук, профессор, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия; 125009, Россия, Москва, ул. Моховая, д. 11, стр. 9; tkhostov@gmail.com

Давид В. Неберидзе, доктор медицинских наук, Национальный медицинский исследовательский центр терапии и профилактической медицины Минздрава России, Москва, Россия; 101990, Россия, Москва, Петроверигский пер., д. 10, стр. 3; dneberidze@gnicpm.ru

Надир М. Ахмеджанов, кандидат медицинских наук, Национальный медицинский исследовательский центр терапии и профилактической медицины Минздрава России, Москва, Россия; 101990, Россия, Москва, Петроверигский пер., д. 10, стр. 3; nakhmedzhanov@gnicpm.ru

Information about the authors

Anna S. Nelyubina, Cand. of Sci. (Psychology), Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125047; nelubina-anna@mail.ru

Arseniy A. Razlutsky, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125047; irazsen@gmail.com

Aleksandr Sh. Tkhostov, Dr. of Sci. (Psychology), professor, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; bld. 11–9, Mokhovaya Street, Moscow, Russia, 125009; tkhostov@gmail.com

David V. Nebieridze, Dr. of Sci. (Medical Sciences), Federal State Budgetary Institution National Medical Research Center for Therapy and Preventive Medicine of the Ministry of Health of the Russian Federation, Moscow, Russia; bld. 10–3, Petroverigsky Lane, Moscow, Russia, 101990; dneberidze@gnicpm.ru

Nadir M. Akhmejanov, PhD (Medical Sciences), Federal State Budgetary Institution National Medical Research Center for Therapy and Preventive Medicine of the Ministry of Health of the Russian Federation, Moscow, Russia; bld. 10–3, Petroverigsky Lane, Moscow, Russia, 101990; nakhmedzhanov@gnicpm.ru

Научный журнал
Вестник РГГУ
Серия «Психология. Педагогика. Образование»
№ 4
2024

Дизайн обложки
Е.В. Амосова

Корректор
Т.Ю. Журавлева

Компьютерная верстка
Н.В. Москвина

Учредитель и издатель
Российский государственный гуманитарный университет
125047, Москва, Миусская пл., 6

Свидетельство о регистрации СМИ
ПИ № ФС77-73401 от 3 августа 2018 г.
Периодичность 4 раза в год

Подписано в печать 26.11.2024
Выход в свет 03.12.2024
Формат 60×90^{1/16}
Уч.-изд. л. 10,0. Усл. печ. л. 10,5
Тираж 1050 экз. Свободная цена
Заказ № 2061

Отпечатано в типографии Издательского центра
Российского государственного гуманитарного университета
125047, Москва, Миусская пл., 6
www.rsuh.ru